

Oriental Research Partners, *Memoir Series* # 26

T. SAPRONOV

IZ ISTORII RABOCHEGO
DVIZHENIYA

(po lichnym vospominaniyam)

With a new introduction by Victoria Bonnell, University of California, Santa Cruz

Moscow-Leningrad

1925

Oriental Research Partners

1976

Newtonville, Mass.

© Oriental Research Partners, 1976

ISBN 0-89250-032-8

For a brochure listing our entire
Memoir Series, please write to
The Editor, Professor Marc Raeff,
The Memoir Series,
Oriental Research Partners, Box 158,
Newtonville, Mass. 02160.

Note: Owing to the brittle and badly
printed state of the very rare copy
we used for reprinting, the quality of
reproduction has at times suffered. ORP
regrets this inconvenience to readers.

Тов. Сапронов, Г. В.-

организатор Московского общества архитектурно-строительных
рабочих в 1914 г.

26/1/90
24/1/90
27/1/90

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия Стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1907—193 годы.

Реакция. Первые проблески после реакции. Ленский расстрел, стачки протеста. Движение строителей и первые их кружки. Профсоюзы, кооперация и культурно-просветительные общества в освещении провокатора. Связь строителей с печатниками. 1 мая 1913 г. «Наш Путь». Аресты в 3-м женском клубе, у портных и закрытие общества печатников 5—16

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1914 г.

Выработка устава союза строителей. Поиски учредителей, подача устава на утверждение. Агитация за союз, загородные экскурсии. Нелегальные собрания. Провокация. Стачное движение в Петрограде. Приезд Пуанкаре. Настроение в Москве. Разгром петроградского движения. Провал московской стачки. Разгром профсоюзов. Утверждение устава Союза строителей. Война и настроение в связи с ней. Реакция. Первые шаги по реализации устава союза. Учредительное собрание членов общества. После легализации общества. Первые шаги правления общества в нелегальной работе. Раздувание шовинизма и студенческий патриотизм. Арест Никитина и записка Маклакова к градоначальнику. Постановление группы строителей о создании ЦБ. Организация ЦБ и его первое заседание. Обсуждение вопроса о войне в Обществе строителей. Легальная работа Общества строителей и вербовка членов. Доклады с мест о тяжелых условиях труда и быта строителей. Рост популярности Общества строителей. Оживление партийной работы и связь с Петроградом. Обыск в Обществе строителей и в других профсоюзах. Аресты у печатников. Профсоюзы и биржи труда. Борьба против казенки. Представители профсоюзов на заседании городской думы. Лекция Кафенгауза, протест против ее шовинистического содержания. Клуб «Образование». Работа ЦБ. Инициативная марксистская группа при профсоюзах. Арест членов Государственной Думы фракции большевиков. 17—53

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1915 г.

Упадок профессиональной и партийной работы. Настроение в воинских частях. Январское совещание интеллигенции. Девятое января. Работа «Общества народных развлечений». Отношение ЦБ к суду над депутатами и разгром ЦБ. Работа в Петрограде и связь группы строителей с Москвой.

Суд над депутатами. Мясоедовщина. Доставка в Москву «Пролетарского голоса». Подъем рабочего движения. Поездка в Орел и арест. Провал типографии. Продовольственные беспорядки в Москве. Работа в клубе «Образование». Первомайские стачки. Организация и разгром ЦБ. Работа правления Общества строителей. Продовольственное заседание. Клуб «Просвещение». Попытки к изданию легальной газеты. Нелегальная работа строителей, связь со студентами Коммерческого Института. Организация и провал МК. Приемы нелегальной работы в легальных организациях. Экономические и политические стачки. Усиление движения против войны. Биржи труда, кооперация и прочие «легальные возможности». Отношение к военно-промышленным комитетам 54—88

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1916 г.

Слабая сторона союза строителей. Оживленная работа партийных групп. Инициатива ЦБ по организации МК. Издание листка «Правда», Московский Листок «Правда» 1916 года. Суд над трамвайщиками. Арест МК. Работа ЦБ. Подъем рабочего движения. Экономические стачки. Несчастные случаи у Невинского и у «Проводника». Стачки у «Проводника». Связь с Петроградом. Неудача 4 апреля. Организация МК и подготовка к 1 мая. Массовые аресты и разгром МК. Выпуск первомайской листовки. Экономические забастовки 2 мая. Борьба союза строителей с предпринимателями, стачки строителей. Партрбота строителей. Подъем рабочего движения. Стачки. Рабочая газета. Организация МК и его провал 1 декабря. Восстановление МК. Подготовка к 9 января 89—118

ГЛАВА ПЯТАЯ

1917 г.

Предвестники революции. Рост Общества строителей. Отношение к «Рабочей группе» Военно-промышленного Комитета. Санитарные попечительства. Февральская революция. Московский Совет Рабочих Депутатов. Организация Союза Союзов. Наказ представителям в ИКСРД. Разоблачение провокаторов. Отношение к легальным организациям после революции. Демонстрация 12 марта. Начало борьбы за диктатуру пролетариата 119—128

Приложения 129—148

- № 1. Агентурная записка о видах и формах легальных возможностей 131
- по гор. Москве, 4 декабря 1912 г. 134
- № 2. Агентурные сведения № 13 от 2 июня 1914 г. 137
- № 3. Агентурные сведения № 13 от 9 июня 1914 г. 140
- № 4. Агентурные сведения № 13 от 9 июня 1914 г. 143
- № 5. Листок «Правда» 145
- № 6. Листовка, выпущенная к 4-летию Ленского расстрела 145
- № 7. Протокол заседания Союза Союзов от 5 марта 1917 г. —
- № 8. Список провокаторов, упоминаемых в тексте 147

INTRODUCTION*

by Victoria Bonnell, University of California

Photographs of Timofei Vladimirovich Sapronov¹ show the arresting image of a man in his prime with intelligent deep-set eyes and a dignified expression born not of privilege but of long years of self-improvement. The softness of the mouth hints at a certain kindness and one photograph of the youthful Sapronov in a Russian tunic² conveys a romantic impression quite uncharacteristic of most pre-revolutionary Bolsheviks whose grim taut faces fill Soviet texts.

The career of this early worker-Bolshevik was equally uncommon. Sapronov's participation in the Moscow labor and revolutionary movements between 1912 and 1917 earned him a distinguished place in the new Bolshevik state after October. He served in many and varied positions, but soon his independent cast of mind and personal courage made him one of the earliest and most persistent critics of bureaucratic and authoritarian trends within the party and the state. His oppositional activities as leader of the Group of Democratic Centralism brought him exile and finally death in a Soviet prison.

The present memoir appeared in 1925 when Sapronov was already well established as an outspoken member of the Left Opposition. Perhaps because he belonged to the dissident minority, Sapronov wrote about his experiences with greater candor than other Bolshevik memoirists of the 1920's. *Iz istorii rabochego dvizheniia* discusses the critical half decade preceding the February Revolution without embellishment and falsification. His recollections are uniquely valuable because they provide a glimpse into the real world of a trade union and party organizer in Russia's second largest city and manufacturing center, Moscow. The long and often pathetic struggle for unionization, the ignorance and delusions of workers, the betrayals by countless agents of the secret police - these are the authentic ingredients of labor history in pre-revolutionary Russia.

Sapronov wrote four other accounts of his party and trade union work prior to 1917. Two of these, published in 1922 and 1924, provide slightly different versions of the present memoir; a third which appeared in 1925, discusses his activities in Saratov in 1916.³ Sapronov also contributed a lengthy essay on the history of the Moscow Central Bureau of Trade Unions to a volume of recollections published in 1925.⁴ Biographical material in these works is further supplemented by Sapronov's autobiographical essay which appeared in 1927 shortly before his expulsion from the party.⁵ One does not have to read between the lines of this essay to sense the disillusionment of a man who had fought long and hard for the revolution which tragically betrayed its promise.

*The author wishes to thank the Committee on Research of the University of California, Santa Cruz, for support while preparing this essay.

Sapronov began life in 1887 as one of seven children in an impoverished peasant family in Central Russia. Reminiscing many years later, Sapronov recalled his family domicile in the village of Mostushka (Tula guberniia) as

a brick hovel with broken window panes, with nothing around it except for a flimsy lean-to for an old nag who survived by eating all the straw off the roof [of the house]. Except for this miserable horse we did not have a single animal, not even a chicken. At night, I would suddenly hear rolls of thunder and a downpour would begin. My mother and father hid under the doorway of the hut; the seven kids under the window frames. There was the babble of water, water coming down from the ceiling in big splashes a real waterfall. The rolls of thunder merged with the childrens' cries and squeels and with the terrifying commands from my father: "Shut up, you . . ." Through all this could occasionally be heard my mother's sobbing and her timid pleas [to my father]: "Volodya, don't curse, don't provoke the Lord."⁶

At the age of seven, Sapronov entered the village school where he was taunted by classmates as "the beggar" because of his poverty. The duration of Sapronov's schooling is uncertain since he went to work as a shepherd the following year. But he knew how to read by the age of twelve as the next event in his life illustrates.

In 1899, a local noble family took the twelve-year-old Sapronov to St. Petersburg where he worked as a servant in exchange for room and board. He soon struck a friendship with the family's doorkeeper, Malinin, who became his mentor. Malinin supplied Sapronov with books and introduced him to new ideas which changed his belief in God and awakened him to the plight of workers. During the winter of 1900, he witnessed a student demonstration in the capital which was attacked by the police. Under the influence of such experiences, he began to interpret the world around him as a struggle between the rich and the poor.

At the end of a year in St. Petersburg, Sapronov requested payment for his services. His temerity led to dismissal and he returned to his village where he worked as a shepherd until the age of fifteen when he entered into the employ of a subcontractor in the construction business. From that time until the February Revolution, Sapronov supported himself by working as a house painter and between construction seasons, as a teamster and a yardkeeper.

In 1905, Sapronov went to live in Moscow. The revolution was in progress and the eighteen year old housepainter soon became involved in street demonstrations. But he had only the most primitive political conceptions and could not yet distinguish among various parties and programs. In the course of the next two years, he made contact with a group of Social Democratic workers and joined the Union of Construction Workers shortly before its suppression in July 1907.⁷ His political education was still quite limited and he recalls reading but not understanding Marx's *The Poverty of Philosophy*, the Erfurt Program (1891) of the German Social Democratic Party and an essay by Ferdinand Lassalle.⁸ (It is noteworthy that Lenin is not included in this list or in references elsewhere in Sapronov's memoirs.)

Sapronov's activities during 1907 brought him to the attention of the police. A search of his lodgings produced incriminating evidence and he was exiled from Moscow. By 1910, he had returned to the city where he became involved in a construction workers' artel.⁹ Producers' cooperatives gained widespread popularity in Moscow following the suppression of the labor movement in mid-1907. Former activists viewed the cooperatives as an opportunity to continue their work under the auspices of a legal labor organization once trade unions had been virtually extinguished. The workers themselves, particularly in the construction industry where artels made rapid progress, responded enthusiastically to the new organizations which promised to free them from subservience to the subcontractor.

Sapronov became involved in two such construction artels during 1910-1911.¹⁰ Both endeavors ended in failure as did the majority of such artels which succumbed either to ineptitude and mismanagement or else eventually adopted the exploitative practices they were designed to avoid. The debacle of the artel movement prompted many workers, including Sapronov, to renew their efforts to establish trade union organizations.

The Lena massacre of April 1912 brought a sharp upsurge in labor unrest after nearly five years of quiescence. Amidst mounting worker protest and the growing dissatisfaction of Russian liberals, the autocracy relented on the heavy-handed policies of the Stolypin years. Instead, the government adopted an ambivalent posture, alternating between limited legal opportunities and intermittent repression. For the first time since 1907, labor activists found it possible to begin a cautious revival of the trade unions which could still claim legal status under the "temporary rules" of March 4, 1906.

Iz istorii rabochego dvizheniia takes as its point of departure the moment when, in the wake of the Lena massacre, Sapronov resolved to revive trade unionism among his fellow construction workers. The first part of the memoir focuses on the prolonged and difficult process of establishing a labor union.

Unionization proved exceptionally difficult due to the character of workers in the construction industry and the general political climate in the country. Construction workers ranked among the least urbanized and proletarianized segments of the Moscow labor force. Employment in the industry was seasonal and attracted men of peasant origin like Sapronov himself. Moscow construction workers retained their ties to the countryside and migrated annually to Moscow for the construction season. The pattern of migration, persistent links to the countryside and widespread illiteracy among these semi-peasant workers presented serious obstacles to the formation of a trade union. The dangers associated with trade unionism created still another barrier to worker participation.

To win workers' support for the establishment of a union, Sapronov visited taverns where he held lengthy discussions with construction workers about the importance of trade unionism. Workers readily agreed to the desirability of the union, but doubted whether they possessed the requisite experience and know-how.

As the memoir reveals, even Sapronov himself lacked the skills and experience for founding a trade union organization. When four or five workers assembled in July 1912, they had little conception how to proceed. The union effort could not progress until the group made contact with experienced labor leaders and intellectuals who could assist in obtaining legal registration for the union under the law of 1906.

Toward the end of 1912, Sapronov established contact with a leading Bolshevik of the Moscow Union of Printers, A.E. Nikolaev. Nikolaev supplied practical advice and links to the broader labor movement. At the same time, he reported his various activities to the Moscow secret police for whom he worked as an informer under the code name "Andreev". The extensive police penetration of labor and revolutionary organizations is discussed and documented in the memoir by means of actual Okhrana reports.¹¹ Sapronov intimates that the relationship among the party, unions and police may have been far more complex than is generally acknowledged in Soviet accounts. Commenting on the role of one leading party and trade union activist, A.A. Poskrebukhin, Sapronov observes that "in a word, the entire Moscow organization was in his [Poskrebukhin's] hands and through him, in the hands of the Okhrana."¹² This suggestive remark does not receive further amplification in the memoir perhaps for reasons of censorship.

The history of the construction workers' union reveals the critical part played by intellectuals in the organized labor movement. Beginning in 1905 with the establishment of the first Russian trade unions, intellectuals assisted in several important respects. First, they transmitted to Russian workers the tradition of trade unionism which had developed in Western Europe. Furthermore, they provided skills required for the complex tasks of founding and sustaining a union. When unions revived between 1912 and 1914, intellectuals once again made a major contribution. A leading Menshevik lawyer, O.I. Rozenfel'd, assisted the construction workers in early 1914 to prepare the charter required by law for legal registration of the union, a service he performed for other Moscow unions as well.¹³ Without his services, the union effort would have foundered.

From its inception in 1905, the Russian trade union movement developed close ties with the Russian Social Democratic Workers' Party. Social Democrats gravitated to the unions which offered a unique opportunity to reach and recruit workers. Soon many unions came under the leadership of men and women who felt a close affinity with one or another segment of the Social Democratic movement.

The incipient construction workers' union also established early links with Russian Social Democracy. The first group of union-minded construction workers in the summer of 1912 designated itself the "Group of RSDRP (Bolsheviks)."¹⁴ However, members read and discussed articles from newspapers published by both SD factions the Bolshevik organ *Pravda* and the Menshevik paper, *Luch* and the choice of factional identification is not explained in the memoir. But at some point during 1912, Sapronov officially joined the RSDRP.¹⁵ He maintained close ties with local Social Democrats throughout the pre-war period and like many unionists in those years, he gravitated toward the Bolshevik faction which enjoyed ascendancy over Mensheviks within the trade unions.

The two-year unionization effort among construction workers ended in the summer of 1914 with registration of the union. After many months of preparation, a charter was prepared for submission to the Office of Unions as required by law. Five signatories had to be located for the charter. The group's legal advisor, Rozenfel'd, recommended that active union members refrain from signing the document since the signatories were often preemptively arrested by the police. But when five signatories could not be located, the leaders themselves decided to sign the charter.

With only four long-time members remaining, the group had to recruit a new member to serve as a signatory. On the day of the trip to the notary, this recent recruit retreated to a local tavern where, in an inebriated state, he denounced his fellow unionists. A frantic last minute search finally turned up a fifth signatory, a friend of one of the organizers. The charter was submitted and to the surprise of all concerned, no arrests followed. Such was the concluding episode of Sapronov's lengthy struggle for unionization.

The First World War began soon after the union received legal status in July 1914. Although most of the founders were mobilized, Sapronov continued to promote the union among Moscow construction workers. In response to a notice placed in the Moscow daily tabloid, *Kopeika*, hundreds of workers flocked to the union in the weeks following outbreak of the war. Sapronov candidly reveals that few of these workers were motivated by commitment to trade unionism or even curiosity. For the most part they came as a result of the widespread misconception that the union could offer employment at a time of massive lay-offs in the construction industry.¹⁶ Among the great majority of these semi-peasant workers, the very concept of trade unionism had not yet taken root.

The fall of 1914 marked a high point in union activities and growth, with membership reaching two hundred and twenty five by November. Ten party members formed a cell within the union and then took steps to reestablish a city-wide organization of trade union representatives. The group appointed Sapronov to revive the defunct Moscow Central Bureau of Trade Unions.¹⁷ In 1905-1907, the Moscow Central Bureau had figured prominently in the city's labor movement but subsequent efforts to restore the Bureau in 1913 and 1914 had failed, largely due to police provocation.¹⁸ Sapronov's efforts in the fall of 1914 met with greater success. The first meeting of representatives from ten unions took place at the end of September 1914. With one exception, all the representatives were associated with the Bolshevik party and the Bureau rapidly evolved into a party organ evidence of the extensive overlapping of party and union cadres during the war.

The construction workers' union enjoyed a very brief period of expansion and by early 1915, was already on the decline. The massive mobilization of workers removed many active members from the union; widespread unemployment compelled workers to return to the countryside. The union was further disrupted by disputes over the war which arose between Bolsheviks and defensists (*oborontsy*) and within the Bolshevik organization itself.¹⁹ Finally, the mobilization of Sapronov at the end of January 1915 dealt a severe blow to the union's leadership.

Rather than entering the army, Sapronov decided to go underground. He left Moscow for St. Petersburg where he remained until March 1915 assisting the illegal St. Petersburg construction workers' union and establishing communication between the Moscow Central Bureau and the St. Petersburg party organization.²⁰

In March, due to ill health, Sapronov left St. Petersburg taking with him a large quantity of illegal Bolshevik literature. He spent two weeks in Moscow and then, fearing arrest, fled to the town of Orel where he was arrested in April. His release from Orel prison came on September 10, 1915 and by December he was back in Moscow engaged in underground party work. He took an active part in efforts to restore the Moscow Committee which had been decimated by arrests. In January 1916 he represented the Central Bureau of Trade Unions on the newly restored Moscow Committee.²¹

By early 1916 the fusion of trade union and party groups in the city was virtually complete. The Central Bureau consisted entirely of representatives of Bolshevik party cells embedded within the unions. The Central Bureau served not only as a union organization but also as the City District SD Committee (Bolshevik).

Within the construction workers' union, the interpenetration of party and union cadres had also made rapid progress. A party cell with ten members in September 1914 had expanded to include thirty workers by November 1914.²² When the police finally suppressed the union in early 1916, the party cell continued to carry on illegally. By then, according to Sapronov, there was hardly an active member of the union who was not also a member of the party group.²³ In January 1917, on the eve of the revolution, the illegal union claimed 245 nominal members but only fifty of them were dues-paying and presumably active members.²⁴

Sapronov remained in Moscow throughout most of 1916. On April 22 he was arrested on the basis of information supplied by police informers who continued to occupy a prominent position in the workers' movement during the war years. Despite elaborate precautions, it proved impossible to conceal activities from such important and respected leaders as Sergei Sokolov, a party member since 1904 and a metal worker with trade union experience dating back to the first Moscow Metalworkers' Union in 1906.²⁵ Penetration was so pervasive that the six-member City District SD Committee in early 1916 included two Okhrana agents: Sokolov of the metalworkers and Nikolaev of the printers.²⁶

The role played by intellectuals in the workers' movement greatly declined during the war. Many members of the intelligentsia who had assisted the labor movement in the pre-war period took a defensist position regarding the war and advised workers to refrain from disruptive activity. Others stayed away from trade unions and party groups for conspiratorial reasons as their presence was more easily detected by the police. Still others remained inactive out of fear of arrest.²⁷

In the absence of intelligentsia assistance, worker-activists had to rely for the first time entirely on their own devices.²⁸ Sapronov's own career during these years illustrates the independence and new skills acquired by working class leaders during the war. At the founding meeting of the newly-registered Union of Construction Workers, Sapronov delivered his maiden speech the first of many over the coming decade.²⁹ Soon afterward, he composed his first agitational leaflets and little by little, the necessity for self-reliance taught him the skills formerly supplied by the intelligentsia. The growing autonomy and competence acquired by worker-activists like Sapronov in the difficult war years served to strengthen their spirit of independence in the post-revolutionary period.

Following his arrest in April 1916, Sapronov was drafted into the army but was soon released due to ill health. He spent three months in Saratov³⁰ and then returned illegally to Moscow in November 1916. Severe surveillance in the city prompted him to settle in Tushino, a suburb of Moscow, where he found employment in the large Provodnik Plant which manufactured telegraph wire.³¹ He established contact with local activists and by January 1917 had formed a small Social Democratic group in the factory.³²

The February Revolution took place while Sapronov was still employed at the Provodnik plant. He returned to the city where he gathered together the remaining members of the Moscow Central Bureau of Trade Unions and on March 1, 1917 the Bureau reconstituted itself the Union of Unions. Sapronov served as the first Chairman but resigned five days later to return to Tushino. He was elected one of five representatives from the Union of Unions to the Executive Committee of the Moscow Soviet of Workers' Deputies.³³

The memoir concludes with a description of the Union of Unions during the first weeks of the revolution in Moscow. This concluding episode has historical interest because it points to the tenuous links which connected local Bolshevik cadres such as Sapronov with the party Central Committee in St. Petersburg. As late as March 5, worker-Bolsheviks in the Union of Unions had little contact with representatives of the Central Committee in Moscow and they lacked information concerning the party's position of events in progress. The Union of Unions supported the strike then underway in the city whereas the Central Committee had called for a cessation. Even after learning of the Central Committee's position, the predominantly Bolshevik Union of Unions continued to advocate a prolongation of the strike.³⁴ Thus in the very first days of the revolution, Moscow Bolsheviks demonstrated the spirit of non-compliance with the party center which had long roots in the past³⁵ and would in the future lead to acute intra-party struggles.

Between February and October 1917, Sapronov took an active part in the Moscow city and *guberniia* Soviets, in the *guberniia* party organization and in the trade unions which flourished in the liberal atmosphere created by the Provisional Government. He was one of 175 Bolsheviks elected to the ill-fated Constituent Assembly in November 1917.³⁶

The long-awaited Bolshevik revolution in October 1917 did not mark the end of the struggle for Sapronov. Almost immediately after the revolution, Sapronov joined the ranks of the Left Communists who gravitated to the Moscow Regional (*Oblast'*) Bureau of the party, led initially by Bukharin.³⁷ Sapronov contributed to the Regional Bureau's short-lived journal, *Kommunist*, in the spring of 1918³⁸ and shared the Left Communist disapproval of the treaty of Brest-Litovsk.

Sapronov ranked among the small number of Bolsheviks who suddenly found themselves in charge of the country. His position was fortified by his genuine working class origins, his relatively long party membership and his extensive experience in the labor and revolutionary movements. Sapronov rapidly assumed responsibilities in a wide range of organizations.³⁹ Immediately following the revolution, he became Chairman of the Executive Committee of the Moscow *guberniia* soviet where he served until the end of 1919. He had great hopes for the soviets which he regarded as the authentic organs of proletarian democracy and soon he emerged as one of the earliest critics of Bolshevik policy toward them. Writing in 1927, Sapronov observed:

Given the highly specific conditions of my work which involved contact with the central administration, as far back as 1918 I had to confront the negative effects of *glavkism* [a contemporary anti-bureaucratic term derived from *glavkom*, an abbreviation for *glavnyi komitet* or main committee] and I was one of the first to begin combatting the *glavkist* bureaucracy.⁴⁰

By the beginning of 1919, Sapronov had become a leader of the Group of Democratic Centralism together with N. Osinskii and V.M. Smirnov, all members of the militant and radical Moscow Regional Bureau. The Democratic Centralists criticized the growing tendency toward centralization and bureaucratization of authority within the party and the soviets. "Vertical centralism," they claimed, had come to replace "democratic centralism."⁴¹

Sapronov raised these issues for discussion at the Eighth Party Congress in March 1919 (which he attended as a voting delegate from Moscow *guberniia*)⁴² and at the Seventh All-Russian Congress of Soviets in December of that year.⁴³ During the following year, he continued his campaign to reform the soviets and introduced resolutions at the Eighth and Ninth Congresses of Soviets which were adopted.⁴⁴ His articles and pronouncements on the subject of organizational reform were collected and published in Moscow in 1920.⁴⁵

Between 1917 and 1923, Sapronov engaged in a wide range of activities involving trade unions, the soviets, economic agencies and party organs.⁴⁶ His work took him to Petrograd, Samara and Kharkov, although his base of operations remained Moscow until his exile in 1928. Sapronov's involvement in the Ukraine took place in early 1920 when he led a group of Democratic Centralists to Kharkov where they joined forces with the left wing of the Ukrainian Communist Party against the imposition of centralized control by Moscow. Under Sapronov's leadership, the left gained ascendancy in Kharkov and strong representation at the Fourth Ukrainian Party Conference in March 1920. Sapronov himself was elected to the Central Committee of the Ukrainian party.⁴⁷ Although the left prevailed at the conference, Lenin subsequently repudiated both its decisions and its mandate at the Ninth Party Congress of the RSDRP.⁴⁸

Sapronov was elected a full member of the Central Committee of the CPSU at the Eleventh Party Congress in the spring of 1922,⁴⁹ but by the fall of 1923 he had intensified his oppositional activities and signed the Declaration of the Forty-Six.⁵⁰ Two months later he delivered a major speech for the opposition, which now included Trotsky, at a city-wide meeting of the Moscow party organization.⁵¹

Sapronov remained a consistent critic of the party and government which he had worked so long to bring to power. He figured prominently in the ranks of the United Opposition of 1926-1927 which drew together Trotsky, Zinoviev and a host of oppositional elements within the party. At public demonstrations, such as the one held at a Moscow aircraft factory in September 1926, Sapronov occupied the speakers' platform with Trotsky, Zinoviev, Piatakov, Radek and Smilga.⁵²

In this final period of oppositional activity, many long-time members of the Left Opposition succumbed to official pressure and recanted their views. Sapronov remained one of a handful among the leadership who refused to recant. But in the end it made little difference and all the leading oppositionists were expelled from the party at the Fifteenth Party Congress in December 1927.⁵³ In January 1928, Sapronov numbered among the thirty opposition leaders sent into exile.⁵⁴

Little is known of Sapronov between 1928 and his imprisonment seven years later. During his first year in exile, he stood on the extreme edge of the opposition, together with the co-founder of Democratic Centralism, V. Smirnov. On the eve of the Stalinist Revolution, they warned about the danger of a Russian Thermidore and accused Stalin of restoring capitalism and a bourgeois multi-party system (Sapronov wrote to a friend that "bourgeois parties are already legally organizing themselves in the country").⁵⁵ Trotsky described these views as belonging to the "lunatic fringe of anti-Stalinism."⁵⁶ The subsequent evolution of Sapronov's views after 1929 is not known.

At the beginning of 1935, in the wake of Kirov's assassination, leaders of the Left Opposition were arrested and sent to the isolator at Verkhne-Uralsk.⁵⁷ In early 1936, the Yugoslav communist A. Ciliga, published the following plea:

In the Verkhne-Uralsk isolator is the former secretary of the TsIK under Lenin, the old worker Timofei Sapronov. He is severely ill and if the European proletariat does not extricate him from the isolator, he will not survive his five years.⁵⁸

According to official Soviet sources, Sapronov died in 1939.⁵⁹ He was fifty two years old.

Since the late 1920's Sapronov has been relegated to obscurity by Soviet historians. But his career both before and after 1917 remains an important subject for study. Sapronov belonged to a small but critical group of individuals who made the transition from peasant to worker and then to professional revolutionary. The path which he travelled bears close resemblance to that of other first generation workers who were drawn to Bolshevism in the closing decades of the old regime.⁶⁰

Sapronov's career acquires a special measure of interest because of his exceptional role after October. The present memoir concludes with the February Revolution and his other writings offer only a hint of the man's evolution from revolutionary to Left Oppositionist. Sapronov's independent cast of mind must have been reenforced by contact with the Moscow Bolshevik organization, a center for non-conformity with the party center during the pre-war years,⁶¹ and by his own prolonged struggle to unionize the construction workers. His acquisition of new skills and self-reliance in the absence of intelligentsia leadership during the war strengthened still further his sense of autonomy from party tutelage. No doubt these experiences contributed to Sapronov's outspoken defence of decentralization and democracy after October, a position fortified and sustained by his courage, tenacity and idealism which can be glimpsed from the pages of the memoir.

Footnotes

1. Photographs of Sapronov may be found in the following: M. Ravich-Cherkasskii, *Istoriia kommunisticheskoi partii (bol'shevikov)* (Ukraine [Khar'kov], 1923), p. 153; I. Menitskii, *Rabochee dvizhenie i sotsial-demokraticheskoe podpol'e Moskvy v voennye gody (1914-1917 gg.)* (Moscow, 1923), p. 89; I. Menitskii, *Revolutsionnoe dvizhenie voennykh godov (1914-1919 gg.)*, Vol. I (Moscow, 1924), p. 65; T.V. Sapronov, ed., *Iubileinyi sbornik po istorii dvizheniia stroitel'nykh rabochikh Moskvy* (Moscow, 1924), pp. 13, 112.

2. Sapronov, *Iubileinyi sbornik*, p. 13.

3. T. V. Sapronov, "Iz zapisok maliara," A.N. Ovsiannikov, ed., *Nakanune velikoi revoliutsii; sbornik statei, zametok i vospominanii* (Moscow, 1922), pp. 53-76; Sapronov, *Iubileinyi sbornik*, pp. 5-216; Sapronov, "Tri mesiatca na Volge (1916 g.)," *Proletarskaia revoliutsiia*, 8(43) (1925), pp. 217-237.
4. Sapronov, "Moskovskoe tsentral'noe biuro v gody voiny," *Materialy po istorii professional'nogo dvizheniia v Rossii*, 5 vols. (Moscow, 1924-1927), IV, pp. 77-108.
5. *Deiateli Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik ob Oktiabr'skoi revoliutsii: Avtobiografii i avtorizovannye biografii* (Moscow, 1927).
6. *Ibid.*, p. 9. The following account of Sapronov's early years is drawn from this autobiographical essay.
7. The Union of Construction Workers of the Moscow Industrial Region obtained legal registration in May 1906. It was closed by the police in July 1907.
8. *Deiateli*, p. 11.
9. Sapronov, *Iubileinyi sbornik*, p. 63.
10. *Ibid.*
11. Further discussion of Okhrana agents in the Moscow workers' movement may be found in S.B. Chlenov, *Moskovskaia okhranka i ee sekretnye sotrudniki* (Moscow, 1919) and I. Menitskii, *Revolutsionnoe dvizhenie voennykh godov (1914-1917 gg.)*, 2 vols. (Moscow, 1924-1925).
12. T.V. Sapronov, *Iz istorii rabochego dvizheniia* (Moscow-Leningrad, 1925), p. 23. Elsewhere ("Iz zapisok maliara," Ovsiannikov, *Nakanune*, pp. 54-55) Sapronov elaborated further on Poskrebukhin's position: "The author of these lines [Sapronov], in those days a young activist, used to look up to Poskrebukhin; and in general all the young comrades treated him as a star of definite magnitude. He held all the communication lines between Moscow and Piter [St. Petersburg] in his hands. All the meetings took place only after he had been informed; and, as a result, he could arrange police raids in a manner and on a date that most suited his fancy. This is precisely what he was doing and it never crossed anybody's mind that inside this activist there sat a Judas."
13. Sapronov, *Iz istorii*, p. 17. Rosenfel'd also prepared charters for the Moscow printers and glass-china makers.
14. *Ibid.*, p. 10.
15. *Vos'moi s'ezd RKP (b)* (Moscow, 1959), p. 586. It is noteworthy that Sapronov does not include this information in his memoir.
16. Sapronov, *Iz istorii*, p. 30.
17. *Ibid.*, p. 39. See Sapronov's "Moskovskoe tsentral'noe biuro," *Materialy*, IV, for a full description of the Central Bureau during the First World War.
18. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Oktiabr'skoi revoliutsii (TsGAOR): DPOO F. 102, D. 5 C. 47 L. B 1913, p. 5; DPOO F. 102 D. 5 C. 46 L. B 1914, p. 222ff; DPOO F. 102 D. 5 C. 46 L. B 1914 pr. I, pp. 19, 232.
19. Sapronov, *Iz istorii*, p. 55.
20. Sapronov, "Moskovskoe tsentral'noe biuro," *Materialy*, IV, p. 83.
21. *Ibid.*, pp. 92-93; *Iz istorii*, pp. 90-91.
22. Sapronov, *Iz istorii*, pp. 41-42.
23. *Ibid.*, p. 89.
24. *Ibid.*, p. 121; Sapronov, *Iubileinyi sbornik*, p. 205.
25. Z. Shchap, *Moskovskie metallisty v professional'nom dvizhenii. Ocherki po istorii Moskovskogo soiuza metallistov* (Moscow, 1927), p. 65.
26. Sapronov, "Iz zapisok", p. 70.
27. *Ibid.*, p. 71.
28. Sapronov, *Iz istorii*, pp. 42, 60. The one exception to this general pattern was the contact between students at the Moscow Commercial Institute and the workers' movement. See Sapronov, "Iz zapisok", p. 71.
29. Sapronov, "Iz zapisok", p. 61.
30. See Sapronov, "Tri mesiatca", for a description of these months.
31. Sapronov, "Iz zapisok", p. 74.
32. Two different accounts of his experience at the Provodnik plant can be found in "Iz zapisok", p. 74 and *Iubileinyi sbornik*, p. 206. In the former, Sapronov states that the only workers' organization in the factory was the insurance fund (*bol'nichnaia kassa*) created by the accident and insurance law of 1912. Sapronov succeeded in making contact with local activists by displaying conspicuously copies of the Bolshevik journal *Voprosy strakhovaniia* (*Insurance Questions*) and by January 1917 a small Social Democratic group had been formed. In *Iubileinyi sbornik*, Sapronov recounts that three leading members of the construction workers' union were employed at the Provodnik plant and they arranged for him to meet local workers. In November, shortly after his arrival, the first group was formed and by January there were three SD groups in the plant.

33. Sapronov, "Moskovskoe tsentral'noe biuro", p. 106; E.N. Burdzhilov, *Vtoraia russkaia revoliutsiia. Moskva. Front. Periferia*. (Moscow, 1971), p. 75.
34. *Ibid.*, pp. 106-108; Sapronov, *Iz istorii*, p. 125.
35. The Moscow Bolsheviks had a long record of independence from the party center. Between 1912 and 1914, for example, a majority of the faction's members in Moscow supported a "conciliator" position whereas Lenin and the Central Committee promoted fierce intra-party struggle with the so-called "liquidators".
36. *Deiateli*, p. 12.
37. For a description of the Moscow Regional Bureau see Stephen F. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography 1888-1938* (New York, 1973) pp. 49-50, 52-53, 63-64. At the beginning of 1918, the Moscow Regional Bureau included Sapronov, Lomov, Stukow, Maksimovskii, Kizel'shtein, Mantsev, Safonov, Z.P. Solov'ev, Bukharin. Leonard Schapiro, *The Origin of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State* (London, 1955), p. 108n.
38. Sapronov is listed as a contributor to *Kommunist* for three of its four issues: No. 2 (April 1918), no. 3 (May 1918), No. 4 (June 1918).
39. Sapronov's posts included the following: Secretary, Uralbiuro of the Central Committee; Chariman, Mali Sovnarkom; member, All-Union Central Executive Committee of Soviets and member of the presidium of VTsIK; Chairman, Main Committee for State Structures (Glavkomgossor). *Deiateli*, pp. 12-13.
40. *Ibid.*, p. 12.
41. E. H. Carr, *The Bolshevik Revolution 1917-1923*, 2 vols. (Baltimore, Maryland, 1966), I, p. 223; Schapiro, *The Origin*, pp. 223-224.
42. Schapiro, *The Origin*, pp. 244-246; *Vos'moi s'ezd RKP (b)*, p. 471.
43. *Deiateli*, p. 12; Carr, *The Bolshevik Revolution*, II, p. 185.
44. *Deiateli*, p. 12.
45. *Stat'i i doklady po organizatsionnym voprosam partiinogo i sovetskogo stroitel'stva* (Moscow, 1920).
46. *Deiateli*, p. 12.
47. Ravich-Cherkasskii, *Istoriia*, p. 158.
48. Robert Vincent Daniels, *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia* (New York, 1960), pp. 102-103. Daniels quotes Lenin at the Ninth Party Congress: "The Majority, with Sapronov at its head, expressed itself against comrade Rakovsky [member of the Leninist faction of the CPU] and engaged in absolutely intolerable baiting. We say that we will not recognize this decision of a regional conference. This is the decision of the Central Committee... We say that we will not recognize this conference of Comrade Sapronov's."
49. *Odinadtsatyi s'ezd RKP(b)* (Moscow, 1936), p. 547.
50. Daniels, *Conscience*, p. 218. The Declaration directed to the Central Committee, focused on the issues of inner-party democracy and economic planning. It was signed by forty-six prominent party members on October 15, 1923.
51. *Ibid.*, p. 225.
52. *Ibid.*, p. 230.
53. *Ibid.*, p. 320.
54. *Ibid.*, p. 371.
55. Cited in Isaac Deutscher, *The Prophet Unarmed: Trotsky 1921-1929* (New York, 1965), pp. 431-432, from a statement by Sapronov, June 18, 1928, addressed to an unknown friend.
56. *Ibid.*, p. 432 FN 3, citing Trotsky's letter of September 22, 1928.
57. Robert Conquest, *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties* (New York, 1968), p. 56; Anton Ciliga, *The Russian Enigma* (London, 1940), p. 282.
58. A. Ciliga, "Stalinskii repressii v SSSR," *Biulleten' oppozitsii (Bol'shevikov-Leninintsev)*, 47 (January 1936), p. 3.
59. *Vos'moi s'ezd RKP (b)*, p. 586.
60. See the introduction by Reginald E. Zelnik to *Kanatchikov, Semen, Istoriya moego bytiia* (Moscow, 1930-34); and A. Fisher, *V Rossii v Anglii. Nabliudeniia i vospominaniia Peterburgskogo Rabochego dvizhenii. 1890-1921* (Moscow, 1922), reissued by Oriental Research Partners, Philadelphia, Penn., 1976.
61. See above FN 35.

BIBLIOGRAPHY OF MAJOR WORKS OF T.V. SAPRONOV

T.V. Sapronov, ed. *Iubileinyi sbornik po istorii dvizheniia stroitel'nykh rabochikh Moskvu*. Moscow, 1924.

Iz istorii rabocheho dvizheniia. Moscow-Leningrad, 1925.

"Iz zapisok maliara," A.N. Ovsiannikov, ed., *Nakanune velikoi revoliutsii*. Moscow, 1922. pp. 53-76.

"Moskovskii listok 'Pravda' 1916 g. Predislovie," *Proletarskaia revoliutsii*, 1(24) (1924), pp. 195-197.

"Moskovskoe tsentral'noe biuro v gody voiny," *Materialy po istorii professional'nogo dvizheniia v Rossii*. Sbornik IV. Moscow, 1925. pp. 77-108.

Stati i doklady po organizatsionnym voprosam partiinogo i sovetskogo stroitel'stva. Moscow, 1920.

"Tri mesiatsa na Volge (1916 g.)," *Proletarskaia revoliutsiia*, 8(43) (1925), pp. 216-237.

Sapronov also contributed an autobiographical essay to *Deiateli Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik ob Oktiabr'skoi revoliutsii: avtobiografii i avtorizovannye biografii*. Moscow, 1927. pp. 9-13.

Т. САПРОНОВ

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

Напечатано в 1-й Образцовой
типографии Госиздата.
Москва, Пятницкая 71
в количестве 10.000
экземпляров.
Гиз. 9118.
Главлит.
34871.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Работа, посвященная истории рабочего движения в Москве, была уже выполнена пишущим эти строки к десятилетнему юбилею союза строительных рабочих и имела целью осветить историю этого союза, но поскольку деятельность последнего была тесно связана со всем рабочим движением, как партийным, так и профессиональным, постольку вполне естественно в указанной работе освещалось и все рабочее движение Москвы.

Настоящее же издание, посвященное тому же вопросу, предназначается не только для строительных рабочих, но и для всякого, интересующегося рабочим движением, почему оно, в сравнении с работой, вошедшей в сборник строительных рабочих, несколько переработано: в нем устранено все то, что относилось специфически к движению строительных рабочих в узком смысле этого слова, и кое-что добавлено.

Если работа, выполненная к десятилетнему юбилею союза строительных рабочих, более или менее полно освещала историю последнего, то данная работа ни в коем случае не может претендовать на полное освещение истории рабочего движения Москвы в целом.

Автор не задавался целью изучать эту историю, а ограничивался задачей написать воспоминания о тех моментах рабочего движения, с которыми ему приходилось близко соприкасаться, главным образом о работе в профсоюзах, культурно-просветительных обществах и партийных при них организациях. Работ же, напр., «Пресненской», «Тверской» и «Северной» групп, которые существовали во время войны и играли значительную роль в рабочем движении Москвы, автор совершенно не касался.

Цитируемые здесь документы ни в коем случае не могут служить доказательством того, что автор задавался целью научного исследования: они в процессе работы служили лишь подсобным материалом для восстановления в памяти тех или других эпизодов и фактов.

15/XI 1924 г.

АВТОР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1907—1913 годы

Реакция. Первые проблески после реакции. Ленский расстрел. Стачки протеста. Движение строителей и первые их кружки. Профсоюзы, кооперация и культурно-просветительные общества в освещении провокатора. Связь строителей с печатниками, 1-е мая 1913 года. «Наш Путь». Аресты в 3-м женском клубе, у портных и закрытие общества печатников.

Жестокая реакция царизма, разразившаяся в 1907 году, путем ссылок, каторги, виселиц и расстрелов, не только раздавила легальные организации рабочего класса, но и придушила и дезорганизовала нелегальную работу его партии. Лишь кое-где, то потухая, то снова загораясь, существовали небольшие очаги — нелегальные группы и группки рабочих.

Сохранились во все время реакции и некоторые профессиональные и культурно-просветительные общества, но работа их была в высшей степени вялая и часто сводилась только к взаимопомощи. Часто такие общества, в силу многочисленных арестов и высылки активных работников, приходили в упадок, хирели и даже умирали естественной смертью.

Для характеристики состояния таких союзов приведем справку из донесения охранному отделению провокатора «Штурмана» — Регекампа. Этот провокатор, донося охранному отделению в 1912 году о состоянии профессиональных союзов, культурно-просветительных обществ и кооперативов в годы реакции и в начале подъема рабочего движения и говоря о «профессиональном обществе пуговичников», сообщает: «Должно существовать профессиональное общество «пуговичников», так как таковое за последнее время, по крайней мере, не закрывалось администрацией. Ввиду того, что об этом обществе положительно нигде не слышно и не имеется ни у кого никаких сведений, можно предположить, что оно само сошло «на-нет».

Не одно, конечно, «общество пуговичников» постигла такая участь: прекращали свое существование таким же путем и другие общества — если и не навсегда, то на месяцы и годы они клали свои уставы в сундук до лучшего будущего.

Вот как характеризует в упомянутом донесении охранке провокатор «Штурман» состояние профессиональных обществ в годы реакции:

«Начавшаяся еще с 1908 года постепенная дезорганизация учреждений революционного подполья, в связи с апатией и заметным пессимизмом отдельных слоев населения империи, способствовала тому, что к концу 1911 года большая часть профессиональных организаций и вообще различного рода «легальных возможностей» окончательно развалилась под воздействием административно-полицейских учреждений, часть же хотя и уцелела, совершенно потеряла свое значение и продолжала владеть жалкое и лишенное всякого значения и влияния существование».

В данном донесении провокатор старается быть услужливым и до некоторой степени краски сгущает, так как все-таки не все профессиональные общества можно было стричь под одну гребенку, не все они «совершенно потеряли свое значение». Некоторые из них, — несмотря на то, что в годы реакции закрывались или беспощадно преследовались, — продолжали оставаться центром рабочего движения данной профессии и притягивали к себе наиболее сознательных и передовых рабочих. Но в общем характеристика провокатора о состоянии профессиональных союзов в годы реакции — верна.

Первые проблески рабочего движения после реакции начинают замечаться в 1911 году. В это время в разных концах царской России все чаще и чаще стали вспыхивать зарницы рабочего движения — стачки. Прочно, казалось, сложенное здание реакции начало давать трещины, хотя и небольшие. Сознание рабочего класса и воля к борьбе с несправием, в виде стачек, подкапывали устой этого здания.

Московские рабочие зашевелились, стали оживать профессиональные общества и культурно-просветительные учреждения, организовались даже нелегальное ЦБ (Центральное Бюро профессиональных союзов).

Охранка, само собой разумеется, не дремлет, она действует против рабочих организаций не только при помощи полиции, жандармов, но и при помощи провокаторов. Вновь организованное ЦБ не избегло общей участи: о нем провокатор «Первый» — Бондаренко — от 1 сентября 1911 года доносит:

«26 июля сего года состоялось общее собрание членов профессионального союза столяров, при чем член правления Новиков обратился к собранию с предложением избрать от своего союза представителя в Центральное Бюро союзов, которое, по его словам, организовалось в Москве с целью объединения работы всех московских союзов». И дальше в том же донесении упомянутый провокатор пишет, что собранием представителей в Центральное Бюро был избран рабочий «Мюра и Мерилиза» товарищ Буханов¹⁾.

Московский градоначальник, получивший это донесение через охранное отделение, положил на нем следующую резолюцию: «По закону союз союзов профессиональных обществ не допускается. Необходимо принять меры к недопущению союза союзов, если же образуется таковой союз, то представить к закрытию профессиональные обще-

¹⁾ «Агентурная записка» Московского охранного отделения из донесений провокатора (кличка «Первый» — Бондаренко) от 1 сентября 1911 года.

ства, вошедшие в таковой союз союзов». Подписал генерал-майор Адрианов, 4 сентября 1911 года.

Градоначальник наивно полагал, как это видно из его резолюции, что рабочие как будто бы не знают, что «по закону союз союзов не допускается». В том-то и дело, что рабочие плевали на эти законы и ЦБ создавали нелегальным путем, точно так же как нелегально они строили свою рабочую партию или проводили рабочие стачки.

В этой же записке указанный провокатор пишет, что «27 минувшего августа председатель Мусатов (союза столяров.—Т. С.) разослал в московские столярные мастерские приглашения командировать в трактир «Раек», находящийся на Рождественке, от каждого столярного заведения по два представителя для обсуждения всеобщей забастовки столяров и некоторых других назревших вопросов».

И на этом пункте донесения генерал-майор положил резолюцию: «Принять меры к недопущению собрания столяров в названном трактире, и если таковое собрание состоится, то представить трактир к закрытию». Бедный генерал не подозревал, что столяры и не думали сообщать трактировладельцу о своем собрании и тем более просить у него разрешения. Рабочие прекрасно знали, что всякое легальное собрание должно быть разрешено не трактировладельцем, хотя последний и является хозяином помещения, а градоначальником, и на всяком разрешенном градоначальником собрании присутствует полиция, при которой вопрос о забастовке уж никак нельзя обсуждать. Рабочим не только Москвы, но всей царской России приходилось устраивать свои собрания в тесных и грязных рабочих каморках, в лесах и очень часто в трактирах, за чашкой чая. И в данном случае собрание было назначено в трактире «Раек» не только помимо воли градоначальника, но и помимо воли владельца трактира.

Нам неизвестно, состоялось ли вышеуказанное нелегальное собрание столяров, но деятельность этого союза обратила на себя внимание недреманного ока охранки. За обществом началась слежка, доносы шпиков, и 26 августа охранка производит обыск в союзе столяров-плотников и в союзе скорняков, находит там «изъятые из обращения» книги, брошюры и книгу для сбора пожертвований, «в которой среди других записей значится пожертвование в пользу лодзинских рабочих».

Из этого видно, что московские столяры и плотники в 1911 году не только стали проявлять свою самостоятельность в борьбе с предпринимателями за улучшение своего положения путем стачек, но и проявляли товарищескую солидарность и устраивали сборы для помощи бастовавшим рабочим в Лодзи и других городах царской России. В этом же донесении охранка, прося градоначальника о закрытии профессионального общества столяров и плотников, пишет, что «крайние левые партии, особенно Российская социал-демократическая рабочая партия, в поисках новых путей для привлечения разуверившихся после 1905 — 1906 г.г. в успехе борьбы рабочих масс, обратили свое внимание на профессиональные союзы, дающие возможность под легальной, с внешней стороны, оболочкой проводить социалистические идеи и лозунги.

Профессиональные союзы являются, таким образом, вспомогательным отрядом Российской социал-демократической рабочей партии, ко-

торой придано значение руководящей борьбой пролетариата организации, ведущей постоянно широкую классовую борьбу. Социал-демократическая партия и профессиональные союзы связаны между собой самыми тесными узами, и связь этих двух сторон рабочего движения еще укрепляется тем, что большей частью как здесь, так и там работают одни и те же люди, то в качестве организаторов, то агитаторов».

Как мы видим, аттестация нашей партии охранкой дана блестящая. Несмотря на тяжелые полицейские условия годов реакции, партия оставалась душой и руководительницей рабочего движения.

В этой же записке градоначальнику охранка пишет:

«Вся деятельность профессиональных союзов направлена теперь к сплочению организации, устройству забастовок и самой широкой помощи безработным рабочим»¹⁾.

Просьбу московской охранки о закрытии союза столяров и плотников градоначальник удовлетворил и на вышеуказанном донесении охранки положил следующую резолюцию: «Внести в присутствие по обществам и союзам на предмет закрытия названного в докладе союза».

Союз был закрыт, но ненадолго. Рабочие от разгрома в 1905 — 1906 г.г. оправились и снова начали расправлять свои плечи и выходить на широкую арену классовой борьбы. На удары охранки рабочие стали отвечать созданием новых союзов и сплочением своих пролетарских рядов. На место арестованных работников выдвигались новые и новые бойцы. Широкая волна рабочих стачек захватывала самые отсталые элементы рабочих, а предательские выстрелы 4 апреля 1912 года на Лене были сигналом к новому гигантскому подьему рабочего движения 1912 — 1914 г.г. Рабочий класс перешел в наступление.

1912 год начинается сильным подьемом рабочего движения в полном смысле этого слова. Ленский расстрел послужил первым толчком к мощной волне рабочего движения. Эта волна затем все больше и больше росла и вздымалась вплоть до самой войны, подтачивая и размывая царские устои. Насколько велик был этот подьем, можно судить по тому, что даже такой отсталый слой рабочего класса, как строители, всколыхнулся и усиленно стал поговаривать об организации.

Злоба и ненависть рабочих к существующему строю, не выходящая наружу в годы реакции, после ленского расстрела вылилась в виде широких политических стачек по всей России. Эти-то стачки всколыхнули и отсталые слои строительных рабочих. Факт расстрела, по команде ротмистра Терещенко, ленских рабочих, мирно шедших к своей конторе для переговоров с предпринимателями об улучшении своего экономического положения, был настолько возмутителен, что умолчать об этом не могли даже буржуазные газеты; по всей вероятности, они не могли умолчать потому, что к этому времени уже всеми чувствовался подьем рабочего движения.

Возмущение этим расстрелом вспыхнуло не только среди рабочих, но даже среди буржуазии и обывателей.

¹⁾ Из донесений Московского охранного отделения от 8 сентября 1911 года, в котором оно перечисляет преступления союза столяров и плотников и просит градоначальника закрыть этот союз.

Утром того памятного весеннего дня, когда пришло известие о ленском расстреле, все было спокойно. Но вот приходит время обеда, когда рабочие собираются в грязный трактир, наполненный табачным дымом и тяжелым запахом пота, почитать газету. Вокруг засаленных трактирных столиков сидят пришедшие со многих работ каменщики, маляры, плотники, штукатуры и другие строительные рабочие. За одним из столов читают «Русское Слово». При прочтении вслух о расстреле весь трактир смолк. Наступила мертвая тишина. Чтение кончилось. Минута молчания... Казалось, никто не может вымолвить слова, так были все подавлены. Но затем вдруг трактир загудел, послышалась ругань, проклятья по адресу палачей и возгласы: «Опять расстрелы, опять кровавая баня рабочим», — и снова проклятья. Один каменщик громко выкрикивает: «Ничего, ребята, чем хуже, тем лучше! Гром не грянет, мужик не перекрестится, а вот этот расстрел будет громом».

Чтение газет прекратилось, гремели чайники, стаканы; кто сидел подавленный известиями и думал свою думу, большинство же обсуждало создавшееся положение и гадало, что после этого должно произойти. Вдруг в окно ворвалось мощное: «Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки...».

Минутное недоумение... Крики: «Забастовка!», — и все бросаются к окнам. По улице идут демонстранты и поют революционную боевую песню. Растерявшийся городской пытается не то остановить, не то рассеять демонстрантов, но они как будто бы не замечают его, продолжают свой путь, и все громче и увереннее звучит их боевая песня. Раздается свисток городского, но за песней его не слышно.

Демонстрация рабочих скрылась за угол, ее уже не видно, но звуки боевой песни доносятся в открытые окна трактира. В трактире снова крики, шум, споры. Кто кричит: «Ай да молодцы, правильно! Так и надо!». Некоторые, однако, называют демонстрантов лодырями и «убедительно» доказывают, что шумом делу не поможешь. Но в трактире их не слушают, настроение было боевое, и рабочие расходятся с мыслью, что что-то такое чувствуется, что вместе с весной в природе как будто наступает весна и в рабочем движении.

И действительно, с этого дня начинается новое. С этого дня усиливается борьба рабочего класса с капиталом. В этот же день и затем на протяжении еще целого ряда дней прокатываются широкой волной политические стачки протеста рабочих России. Буржуазные газеты об этом не лишут, но шила в мешке не утаишь. Рабочие передают из уст в уста друг другу ежедневно новости. Сегодня забастовал один завод, завтра другой, послезавтра третий. Бастуют рабочие Москвы, Петербурга, Риги и других городов.

Бои начались, но строители в этой борьбе пока что остаются только зрителями. Но и они уже больше молчать не могут: начал оживать в Москве союз водопроводчиков, зашевелился союз строительных рабочих в Питере, поговаривают об организации своего союза строительные рабочие Москвы, но не знают, с чего начать, как приступить к делу. В мае месяце кое-где были небольшие забастовки, но они разрознены, неорганизованы. В грязных трактирах забрызганные красками маляры, каменщики, штукатуры и другие рабочие ведут разго-

воры, как организовать свой союз, но, поговоривши, расходятся ни с чем по домам. Из членов прежде существовавших союзов строительных рабочих в Москве встречаются только рядовые члены; активных, опытных, которые могли бы руководить движением, нет.

Связи строителей с другими рабочими никакой не имеется. Но вскоре на помощь является рабочая газета «Правда», появляется и ликвидаторский «Луч». На ряду с буржуазными газетами в трактире в руках каменщика, маляра нет-нет да и увидишь газету «Правду» и «Луч»... Завязываются споры о меньшевиках, большевиках, разговаривают на партийные темы, восхищаются стачками фабрично-заводских рабочих, и все больше и больше среди строителей крепнет мысль об организации своего союза. С этой целью пишущему эти строки несколько раз приходилось устраивать в трактирах совещания, но много таких совещаний кончалось ничем. Все единодушно сознавали необходимость организации, но как только дело подходило к созданию этой организации вплотную, то сейчас же слышится ответ: «Ну, куда нам, мы неопытны, — записаться членами, запишемся, а начинать, — пусть другие начинают».

В результате всех этих частных совещаний и разговоров к июлю 1912 г. удалось найти пять человек строителей, которые согласились создать первоначальную группу своего союза. Но сейчас же встал вопрос: с чего начать? Какой должен быть устав, каким путем он должен утверждаться и т. д.? На этот вопрос никто не мог ответить, а связи с другими профсоюзами не было. Начали с членских взносов, так как для этого было ясно, что для начала нужны какие-то средства, а взять их, кроме членских взносов, неоткуда. Решили в своем кружке вести занятия. Пиигунций эти строки стал читать по Эрфуртской программе доклады, обсуждали статьи в газетах «Правда» и «Луч», а в августе месяце указанная группа назвала себя «группой РСДРП (большевиков)».

Но партийную связь получить оказалось еще труднее, чем профессиональную. Но это было бы полбеды, если бы группа оказалась долговечной. С прекращением строительного сезона группа распалась, из нее сохранилось только двое: пишущий эти строки и тов. Ленька¹⁾. Пытаемся вербовать себе новых членов, — это удается, но они вскоре уходят, затем снова вербуем, снова уходят...

Тогда нам стало вполне понятно, почему союз строительных рабочих Москвы не мог возникнуть в 1907—1908 г.г. непосредственно вслед за его закрытием. Если с таким трудом у нас налаживалось дело в атмосфере всеобщего политического подъема, когда крутом нас шла не только организационная работа в смысле укрепления существовавших союзов и организации новых, но происходили массовые полити-

¹⁾ Фамилия тов. Леньки хорошо не помню (кажется, Бачманов), по профессии маляр. Работая в 1913 году у подрадчика малярно-живописных работ Бюстрем, он упал с лесов, раздробил себе череп и умер. Жена и мать не только не получили ни гроша за его убийство, но и заработанные им за несколько дней деньги ходили получать около месяца. Бюстрем издевательски спрашивал у них какое-то удостоверение, хотя таким удостоверением были живые люди, работавшие вместе с погибшим. Мать и жена хотели подать в суд, чтобы получить что-нибудь за убийство, но вышло ли что из этого, я не знаю, так как потерял их из виду.

ческие стачки, то можно себе представить, как трудно было начинать дело тогда, когда кругом свирепствовала реакция со своими тюрьмами и ссылками и замечался всеобщий упадок и деморализация. Тем не менее все наши неудачи в деле организации союза строителей с избытком покрывались всеобщим подъемом рабочего движения.

Мы приблизительно рассуждали так: кругом происходят стачки, существующие союзы укрепляются, организуются новые; рабочие всех профессий успешной своей борьбой не только добиваются улучшения своего экономического положения, но ведут борьбу и за свои политические права; почему же мы не можем этого сделать? Ведь есть же где-нибудь строительные рабочие, которые рассуждают так же, как и мы, которые так же стремятся к созданию своей организации, которые так же готовы бороться и защищать свои права. Если эта борьба теперь не ведется, то только потому, что мы распылены. Стоит только нам собраться и проявить себя, как сейчас же все сознательные рабочие примкнут к нам, и строительные рабочие сумеют так же, как и рабочие других профессий и производств, защищать свои права. И с этими мыслями мы пускались в новые поиски и вербовали новых членов группы. Всякая новая стачка, новое движение среди фабрично-заводских рабочих подбодряли нашу группу и давали новые силы. Хотя родственный нам союз водопроводчиков мало проявлял жизни, мало проявлял активности, но и ему все-таки пришлось расшевелиться.

Что же касается других профессиональных обществ, то они начинали жить активной жизнью, собирали общие собрания, ставили на них вопросы не только узко-профессиональные, но и общие. В это время рабочие стали уже готовиться к проведению страховой кампании, ставили закон от 3-го июля на обсуждение, критиковали его, указывали на его недостатки, пробелы, выносили требования его расширения. Агитация велась также по предприятиям. Некоторые профессиональные общества не ограничивались обще-городскими собраниями своих членов, а устраивали собрания и по районам. Под прикрытием профессиональных союзов усиливалась и крепла партийная работа, создавались нелегальные группы, ячейки, усиленно распространялась рабочая печать, собирались на нее денежные сборы и пр. Московские рабочие усиленно агитировали за создание рабочей газеты в Москве по образцу существовавшей тогда в Питере «Правды» и собирали на это средства. Мы уже выше приводили цитаты из донесений московской охранки московскому градоначальнику о том, как она была обеспокоена ростом рабочего движения и активной деятельностью РСДРП. Не менее любопытно дальнейшее содержание той же записки¹⁾, от 4 декабря 1912 г., составленной ротмистром Ивановым на основании донесений очень осведомленного провокатора «Штур-

¹⁾ Эта записка кратко характеризует состояние всех профессиональных и культурно-просветительных обществ того времени. Принимая во внимание, что в годы реакции из конспиративных соображений никто не мог вести для себя точной записи рабочего движения, записка провокатора, фиксирующая более или менее точно состояние вышеуказанных организаций, представляет собой большой интерес для историк рабочего движения. Ввиду этого считаем необходимым полностью привести эту записку (Приложение № 1).

мана» — Регекампфа, работавшего тогда в культурно-просветительных, кооперативных и партийных организациях. Он пишет:

«В текущем 1912 году в связи с заметным общим подъемом настроения как в интеллигентных кругах, так равно и в рабочей среде замечается особое оживление в сфере «легальных возможностей», часть таковых из числа прекративших свое существование вновь открывается, часть начинает усиливаться новым приливом членов».

По донесениям этого провокатора в Москве тогда сохранились и начали оживать свою деятельность профессиональные общества:

а) «мануфактуристов»; на собраниях которых собирается до 600 человек; деятельность этого общества, по словам провокатора, направлена исключительно к агитационной работе; б) «кожевников», которые устраивают собрания по районам, и на них собирается до 300 человек; в) «чаеразвесочников», г) «водопроводчиков», д) «кошелечников-портмонетчиков», у которых замечается наплыв новых членов, е) общество «сапожников», хотя в организационном отношении и стоит весьма низко; но, благодаря частым собраниям, пользуется среди рабочих авторитетом; ж) «парикмахеров» и з) «путовичников».

«Вновь возникли и открываются» профессиональные общества: а) «яичников», б) «деревообделочников», на учредительном собрании которых собралось до 300 человек¹⁾, в) «портных и портних», — общество возникло на месте закрытого, и количество членов достигает 400 человек, и г) усиленно организуются, хотя устав еще не утвержден, профессиональное общество «рабочих-металлистов».

Дальше Регекампф сообщает о том, что существуют и не подвергались закрытию общества служащих разного рода торгово-промышленных и других заведений. Говоря об обществе официантов, Регекампф отмечает усиленную борьбу членов общества «демократического пошиба» с членами «аристократами», имея в виду борьбу между официантами ресторанов и трактирных служащими. Дело в том, что такие общества, как официантов, поваров и многих из торговых служащих, руководились аристократией этих профессий и держались принципов нейтральности профсоюзов в политических вопросах; деятельность этих союзов сводилась к взаимопомощи своим членам. С усилением же рабочего движения пролетарские элементы в этих обществах начали вести борьбу за классовую позицию своих обществ, при чем эта борьба особенно обострилась во время войны. Затем провокатор характеризует «общество поваров», как общество взаимопомощи, политически неопасным. То же самое Регекампф говорит об «обществе купеческих приказчиков»: второе общество приказчиков внутренне разлагается и идет «к полному прекращению своей деятельности».

Из обществ торговых служащих провокатор считает активным и политически вредным общество взаимопомощи коммерческих служащих, как объединяющее в себе «особо прогрессивные элементы» и принимавшее активное участие в избирательной кампании в 4-ю Государственную Думу. Далее Регекампф указывает, какие потребительские

¹⁾ Общество деревообделочников было открыто, вместо упомянутого выше закрытого общества столяров и плотников.

общества можно использовать для «легальных возможностей». Такими он считает лишь «общества независимые, существующие самостоятельно, а не при фабрично-заводских управлениях и конторах, где законами являются представители фабрично-заводской администрации».

Недаром же рабочие фабрик и заводов боролись против «благотельности» предпринимателей, которые всяческим способом стремились не допустить организации рабочих кооперативов, а заменить их фабрично-заводскими лавками. Такая же борьба продолжалась и в период империалистической войны, когда военно-промышленные комитеты, а с ними вместе и «гвоздецы» предлагали рабочим вести борьбу с дороговизной при помощи отпускаемых фабрикантами кредитов, которые должны идти в распоряжение фабрично-заводских лавок, где решающую роль играли «заправилы фабрично-заводской администрации». Рабочие же требовали, чтобы эти кредиты отпускались в распоряжение рабочих кооперативов.

Характеризуя культурно-просветительные учреждения, Регекампф указывает на 3-й женский клуб, как на центр социал-демократической работы, где, по его словам, «повидимому, сосредоточится активная и оживленная подпольная работа», а также на «общество устройства полезных и разумных развлечений».

Большим бельмом у охраны были курсы Пречистенские и Яшно-вой. Первый и второй женские клубы запиской характеризуются как «безжизненные», где руководящую роль играли кадеты, старания которых привлечь в эти клубы женщин-работниц оставались тщетными.

Какой интерес вышеуказанная записка представляла для градоначальника и охраны, видно из той резолюции, которую положил на нее начальник охраны Мартынов: «Сведения с-ка (сыщика) интересны и верно устанавливают положение профессиональных союзов к концу 1912 года». Полковника Мартынова эти сведения очень заинтересовали, и он утверждает, что они «верно устанавливают положение». К таким выводам полковник Мартынов пришел потому, что это, очевидно, было не первое донесение сыщика, а таковых было много. Вообще говоря, доносителей и предателей из рядов рабочих организаций, как мы увидим ниже, было большое количество, благодаря чему рабочим создавать и укреплять свои организации приходилось с очень и очень большим трудом и потерями.

В указанный период рабочие начали успешно преодолевать преследования охраны: например, закрывают рабочий клуб «общепольных развлечений», а его члены перекочевывают в «общество устройства полезных и разумных развлечений», а наряду с этим попадают на регистрацию новый устав клуба, под другим названием. «Общество устройства полезных и разумных развлечений», как тогда говорили, было организовано при участии Джунковского, где он был почетным членом, а его жена, кажется, действительным членом, и где подвизались представители московского «света». Постепенно этих господ начали вытеснять кадеты, затем кадетов стала вытеснять социалистическая учащаяся молодежь, а затем в это общество проникли рабочие, которые им овладели и, прикрываясь «легальными возможностями», вели там

партийную работу. Указанное общество просуществовало до 1917 года, т.-е. до революции, и, как мы увидим, в годы войны оказывало рабочим известные услуги.

К концу 1912 года группа строительных рабочих почти распалась. Но поддерживаемые общим движением, мы пытаемся эту группу восстановить, пополнить, завербовать новых членов и т. д. В конце 1912 года знакомимся с печатниками и получаем от них первые указания, как нужно организовывать профессиональный союз. Товарищ Николаев¹⁾ и другие указали нам, что устав нужно выработать при помощи какого-нибудь юриста, и что этот устав должны подписать пять так называемых учредителей и подать на утверждение в Московское присутствие по делам об обществах и союзах. Однако, говорили нам, бывают случаи, что тех товарищей, которые подпишут устав, охранка немедленно арестовывает и высылает из Москвы. Устав может быть утвержден, но за отсутствием учредителей им воспользоваться никто не сможет. Поэтому лучше было бы, если бы подписали устав менее активные члены организаций, после ареста которых основная группа могла бы продолжать начатое дело.

После такого разъяснения и думать было нечего о немедленной подаче устава на утверждение. Для нас было ясно, что прежде чем начать легализацию профессионального союза, необходимо нелегально подготовиться, организовать 2—3 десятка людей, которые не страшились бы ареста. К этому мы и приступили. В вопросах профессиональных указанных товарищи оказали нам большую пользу, но в вопросах партийных они этой помощи оказать не могли, или, вернее, мы этой помощи от них принять не захотели, так как они были ликвидаторы. К тому же и они вскоре были арестованы.

В ближайшее время нам удалось установить связь с «обществом народных развлечений», участвовать в экскурсиях этого общества и под прикрытием этих экскурсий устраивать свои совещания.

Дело, однако, с нашей организацией не особенно процветало. Причины этого лежали в распылении строительного производства и в большой зависимости строительных рабочих от деревни. Войти в нелегальную организацию, быть арестованным, а затем высланным из Москвы, лишиться нескольких месяцев заработка, это, вообще говоря, не совсем приятная перспектива, а затем в нелегальную организацию не каждого рискнешь пригласить. Поэтому в 1913 году нам не удалось достигнуть намеченной цели, т.-е. организовать легальный союз строительных рабочих. Нелегальная же группа строителей все время то увеличивалась, то сокращалась, и состав ее весьма и весьма был текуч.

Не лишне будет отметить методы работы первоначальной группы строителей. Наслушавшись инструктивных «лекций» о том, как трудно начинать организацию какого-либо профессионального или культурного общества, получив некоторое представление о приемах охраны и убивать все в зародыше и зная, в особенности, свои количественно слабые силы, мы были сугубо осторожны. Когда встречаешься с товарищем, ко-

¹⁾ Был еще один Николаев — провокатор, о котором мы будем говорить ниже.

торого давно уже знаешь по работе и которого начинаешь прощупывать относительно его участия в предполагаемой организации, то не говоришь ему о том, что существует уже с этой целью группа, до тех пор, пока не побеседуешь пять-шесть раз и окончательно уже не убедишься в его положительном или отрицательном отношении к предполагаемой организации. В первоначальных разговорах ни слова, конечно, не говорили о партийной группе, а только о профессиональной. Поэтому вокруг партийной группы часто создавалось несколько групп профессионального характера: так группа товарища Лапшина, который являлся одним из учредителей профессионального союза, долгое время существовала, совершенно не зная о существовании партийной группы строителей и будучи убеждена, что она имеет дело только с пишущим эти строки персонально и больше ни с кем.

Как будто бы притихшее рабочее движение зимой 1912—1913 г. с наступлением весны вспыхивает с новой силой. На-ряду с целым рядом экономических стачек проводятся стачки политические. В день ленинских расстрелов бастуют заводы: Люберецкий, Мытищенский, Дукс, Дангауэр и целый ряд других. Не работают также целый ряд крупных и мелких предприятий первого мая.

Первого мая рабочие Люберецкого завода, прекратив работу, всей массой с пением революционных песен, прошли на братские могилы жертв 1905 года, устроив там краткий летучий митинг.

Попытки демонстрации были и в других местах. Даже распыленные и неорганизованные строители первое мая отметили небольшой массовой в Петровском парке.

В особенности сильно стачечное движение было в Питере, а за ним тянулась и Москва. Рабочая газета «Правда», несмотря на беспрепятственные штрафы, конфискации, закрытия и аресты редакторов, окрепла и все больше и больше завоевывала сердца рабочих.

Москвичи горели желанием создать свою газету, на которую усиленно дедалась сборы и отчисления. Но вот желанный день для москвичей настал, — летом 1913 г. появилась своя газета «Наш Путь». (Выходила под редакцией Н. Н. Яковлева, В. В. Осинского (Оболенского) и В. Н. Максимовского.) «Правда» хотя и покорила сердца рабочих, но «Наш Путь» как-то москвичам был ближе. Было ли это на самом деле так, или же причина лежала тут в местном патриотизме, но «Наш Путь» нам казался гораздо резче, определеннее и боевее, чем «Правда». В особенности красноречивы были номера, если не ошибаюсь, 12—13, вышедшие почти сплошь с белыми столбцами вычеркнутых предварительной царской цензурой статей и корреспонденций.

Но гордиться москвичам своей газетой долго не пришлось. Московская охранка так-таки доканала эту газету беспрепятственными штрафами, конфискацией, а затем и закрытием ее на 15-м или 16-м номере. Одновременно с закрытием газеты была арестована редакция в полном составе и были произведены массовые аресты на фабриках, заводах и в профсоюзах.

Потому ли, что московские рабочие были слабее организованы, чем питерские, или же слишком силен был удар охранки, но в Москве рабочая газета тогда так и не появилась.

Рабочему движению вышеуказанным разгромом был нанесен большой удар, но остановить это движение было невозможно. Несмотря на аресты и выссылки, оживление в профсоюзах и культурно-просветительных обществах увеличивалось, и под видом легальных собраний там устраивались нелегальные.

В августе месяце 1913 г. было в 3-м женском клубе собрание, посвященное памяти Бебеля. На эту тему был сделан доклад, по докладу выступил Малиновский и говорил больше не о Бебеле, а о расколе во фракции 4-й Государственной Думы. К этому вопросу был большой интерес, и его на одном собрании не исчерпали и решили перенести на второе заседание, которое состоялось в сентябре, где от большевиков выступал Яхонтов. Был содокладчик и от ликвидаторов. Но и здесь вопрос не был исчерпан. 2 октября в клубе собралось около 200 человек для продолжения обсуждения вышеуказанного вопроса и вынесения резолюции, но это собрание было накрыто полицией, присутствующие были задержаны и отправлены в участок. Значительное количество товарищей в участке ночевало и было отпущено на другой и на третий день, а несколько десятков человек сидели довольно долгое время. Из всех тогда арестованных, кажется, один товарищ Мосягин был выслан из Москвы.

Вышеуказанные собрания послужили предлогом для закрытия 3-го женского клуба, работники которого перекочевали в «Общество народных развлечений». Приблизительно через месяц после описанных событий в 3-м женском клубе были произведены обыски и аресты в профсоюзах; в значительной степени пострадала и партийная организация. Те товарищи, которые были задержаны в 3-м женском клубе и освобождены, теперь снова были арестованы и многие из них высланы, а 24 ноября было закрыто «Общество печатников».

В начале зимы в «Обществе портных» было назначено большое собрание активных партийных и профессиональных работников Москвы, где должен был делать доклад член Государственной Думы Малиновский (он же, вероятно, и предал это собрание), но еще до начала собрания нагрянул наряд полиции и задержал всех присутствовавших. Несколько товарищей удрали, выпрыгнув через окно второго этажа.

Вследствие всех этих арестов затихла на некоторое время работа вообще и в частности в «Обществе устройства полезных и разумных народных развлечений», которое теперь поневоле сделалось центром рабочих собраний и явок.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1914 год

Выработка устава союза строителей. Поиски учредителей, подача устава на утверждение. Агитация за союз. Загородные экскурсии. Нелегальные собрания. Провокация. Стачечное движение в Питере. Приезд Пуанкаре. Настроение в Москве. Разгром питерского движения. Провал московской стачки. Разгром профсоюзов. Утверждение устава союза строителей. Война и настроение в связи с ней. Реакция. Первые шаги по реали ации устава союза. Учредительное собрание членов общества. После легализации общества. Первые шаги правления общества в нелегальной работе. Раздувание шовинизма и студенческий патриотизм. Арест Никитина и записка Маклакова к градоначальнику. Постановление группы строителей о создании ЦБ. Организация ЦБ и его первое заседание. Обсуждение вопроса о войне в «Обществе строителей». Легальная работа «Общества строителей» и вербовка членов. Доклады с мест о тяжелых условиях труда и быта строителей. Рост популярности «Общества строителей». Оживление партийной работы и связь с Питером. Обыск в «Обществе строителей» и в других профсоюзах. Аресты у печатников. Профсоюзы и биржи труда. Борьба против казенки. Представители профсоюзов на заседании городской думы. Лекция Кафенгауза, протест против ее шовинистического содержания. Клуб «Образование». Работа ЦБ. Инициативная марксистская группа при профсоюзах. Арест членов Государственной Думы фракции большевиков.

Несмотря на прекращение строительного сезона и небольшую оставшуюся группу строительных рабочих, последние, увлекаемые общим революционным движением, не покидали мысли о создании своего профессионального общества.

Вплотную к разработке устава приступили, насколько мне помнится, в начале 1914 г. К этому времени группа из 10—12 человек (лето 1913 г.) сократилась до 4—5, но она все же таки решила подготовиться к началу строительного сезона с тем, чтобы, когда начнут съезжаться строительные рабочие из деревень, иметь уже утвержденный градоначальником устав, или, по крайней мере, сразу же, с началом строительного сезона сделать надлежащие шаги в этом направлении.

Этот устав нам помогал выработать помощник присяжного поверенного Розенфельд. За основу был взят устав вновь открывшегося «Общества печатников», а также аналогичный ему устав открывшегося «Общества стекло и фарфор», и затем вносились соответствующие поправки.

Устав разрабатывали втроем: Розенфельд, Лапшин и пишущий эти строки, но фактически всю работу по разработке устава вел один Розенфельд, так как мы с товарищем Лапшиным участвовали в работе лишь как заинтересованные лица и вносили поправки, относящиеся собственно к строительному производству. Вносить же изменения и дополнения с той или другой партийной точки зрения по тогдашним политическим условиям не приходилось, и Розенфельд, как юрист, лучше нас знал, что можно и что нельзя включить в устав с точки зрения возможности его утверждения. Для нас же тогда было ясно, что устав нужен был как «легальная возможность» для нелегальной организации.

В предполагаемый срок мы, однако, работу не выполнили, и та небольшая группа, которая у нас была, в силу зимней безработицы, временно прекратила свое существование. При всем желании подать устав на регистрацию зимою, мы этого сделать не могли, ибо не могли найти пяти человек для его подписания, и лишь только с началом строительного сезона мы начали восстанавливать свою группу. 24 апреля был окончательно нами принят устав. Характерно в этом уставе было то, что деятельность общества распространялась на весь московский промышленный район. Для читателя странным покажется: маленькая кучка людей, не смогла еще почти ничего сделать для Москвы, замышляет объединить работу девяти губерний. На самом же деле в этой идее был большой смысл. Параграф шестой второго раздела закона (временного правила) «об обществах и союзах» от 4 марта 1906 года гласит: «соединение двух или нескольких профессиональных обществ в союз запрещается». Другими словами, союз Москвы нельзя было объединить в один союз с союзом Тулы, Владимира и т. д. Нам же хотелось обнять большую территорию с тем, чтобы, открыв в Москве союз строительных рабочих, в других городах можно было бы без регистрации нового устава открывать его отделения.

Членами общества по этому уставу могли быть все рабочие, занятые в архитектурно-строительном производстве. Я помню, долго мы тогда думали над тем, вставлять или нет в устав статью, что членами могут быть рабочие обоего пола, и ввиду того, что присутствие могло бы придаться к тому, что в строительном производстве не работают женщины, и не зарегистрировать устава, решили ничего об этом не упоминать, а отметить, что «членами общества могут быть все рабочие, занятые на архитектурно-строительных работах», подразумевая под этим, что членами могут быть рабочие обоего пола. Для того, чтобы предоставить чернорабочим широкую возможность вступления в общество, членский взнос был установлен: для квалифицированных рабочих — вступительный — 50 коп., ежемесячный — 30 коп.; для чернорабочих — 30 коп. вступительный, 20 коп. ежемесячный. Ученики же уплачивали ежемесячно 15 коп. без вступительного.

После выработки нами устава начинается самое трудное. Возник вопрос о том, кто же должен подписать устав и рисковать возможным арестом. Розенфельд усиленно настаивал, чтобы активные товарищи устава не подписывали, а подписали бы его те лица, в случае ареста которых не пострадало бы начатое дело. Для нас это дело оказалось трудным. Когда предлагаешь кому-нибудь подписать, то первым делом

он спрашивает: «Что за это будет? Кто еще подпишет?». А как только узнает, что те, кто активно работает над этим делом и являются застрельщиками воздерживаются от подписания, — то сейчас же слышишь ответ: «Нет, ты сам посиди в тюрьме, а мы посмотрим, и если что удастся, тогда мы запишемся в члены».

Характерен был следующий эпизод.

Собрав человек десять в одном из трактиров, сообщаю им о ходе дела и о целях и задачах предполагаемого к организации общества. Все единогласно решают записаться членами, но когда я сообщаю, что нужно подписать устав, и когда они узнают из-за каких соображений я не должен подписывать этого устава, то один из каменщиков заявляет: «Нет, ребята, прежде отца в петлю не лезь».

После долгих усилий в поисках учредителей общества пришлось отказаться от мысли воздержания от подписи наиболее активных, но и тут не сразу этот трудный вопрос был решен. Устав подписали: Лапшин, Голубев, Зыков, Сапронов и пятый товарищ, фамилии которого не помню, но который состоял несколько месяцев в группе.

Перед тем, как идти к нотариусу, мы этому последнему товарищу поручили куда-то съездить и дали на дорогу 30 коп. Вместо того, чтобы поехать и выполнить поручение, он зашел в трактир и, выпив сороковку водки, начал присутствующим строителям рассказывать, что Сапронов и Лапшин втянули его в грязное дело, в политику, что он не дурак, в тюрьме сидеть не хочет. Таким образом пришлось еще отсрочить регистрацию устава в поисках пятого учредителя. Товарищ Лапшин нашел какого-то своего приятеля и рассказал ему, в чем дело; последний выругал его крепким словом и сказал, что никакой организации ему не нужно, и поэтому участвовать в ней он не желает. Лапшин ему доказывал, что он может и не состоять членом этого общества, но что должен сделать доброе дело, сходить к нотариусу, подписать устав, за потерянное время мы ему заплатим, а после этого может идти на все четыре стороны. По-приятельски друг Лапшина согласился сходить к нотариусу и после подписания выпил рюмку за процветание предполагаемого к открытию общества, и с тех пор никто из нас его больше не видал, да для нас это было и не важно. Дело было сделано, устав в мае месяце был подан на утверждение.

Первая преграда была устранена, началась подготовительная работа. Проходит неделя, две, три, — ареста учредителей не последовало (охранка, очевидно, нашей слабости не знала). К нам стали примыкать и наиболее слабые духом, и профессиональная группа стала постепенно расти. Началась широкая агитация и популяризация нового общества то чайным и трактирам среди строительных рабочих. Пишущему эти строки пришлось побывать во многих трактирах разных концов Москвы и рассказывать слушателям о вновь организуемом обществе. Строители стали более активны, многие изъявили свое желание записываться членами и выражали свое недовольство тем, что устав слишком поздно подан на утверждение, так как проходит строительный сезон.

Работу нашу в значительной степени облегчало «Общество народных развлечений». На устраиваемые им экскурсии мы привлекали товарищей и устраивали там свои совещания. Побывав на этих экскурсиях,

участвуя там во всевозможных играх и увеселениях с наиболее передовыми рабочими других профессий, строители увлекались, изъявляли желание поехать на экскурсию во второй, третий раз и т. д.

Упомянем о некоторых из этих экскурсий: одной из первых массовых экскурсий в 1914 году была экскурсия на Рублевскую водокачку; в ней участвовало около 300 человек. В этой экскурсии большое участие приняли водопроводчики, интересовавшиеся сооружениями с профессиональной точки зрения. Затем экскурсия в Петровскую сельскохозяйственную Академию, где, помню, было получено известие об уходе из Государственной Думы Малиновского и жаркие на этот счет споры между ликвидаторами и большевиками. Тогда ликвидаторы уже делали намеки на то, что Малиновский является провокатором, но материалов никаких не давали, и у нашей партийной организации не было на этот счет никаких данных, а, наоборот, была уверенность, что эти обвинения были ложны и ни на чем не основаны.

К великому сожалению, впоследствии это оказалось фактом, и Малиновский по приговору советского суда был расстрелян. Но удивляться нечему. Теперь, когда в нашем распоряжении имеются сохранившиеся материалы московской охранки, мы видим, что во всех рабочих организациях сидели предатели и провокаторы, которые о каждом шаге рабочих организаций немедленно доносили, а иногда об одном и том же собрании рабочих, хотя бы о тех, же экскурсиях «Общества народных развлечений», доносилось двумя-тремя провокаторами.

1 июня 1914 года состоялась экскурсия в Николо-Угрешский монастырь. Ехало человек около 300; из-за конспирации одни слезли в Кускове, — другие проехали до Люблино. На этой экскурсии происходило собрание сапожников по вопросу издания в Москве журнала «Рабочий Труд»; затем собрание нашей группы строителей, собрание водопроводчиков, у которых обсуждался вопрос о забастовке рабочих «Мюра и Мерилиза». На общем собрании обсуждался вопрос о том, как чествовать прибывшего в Москву председателя II Интернационала Вандервельде, после чего состоялось узкое совещание «особо доверенных лиц» по вопросу об организации московской городской комиссии по созыву предполагавшегося тогда партийного съезда. Об этой экскурсии и обо всем, что там происходило, на второй же день «Евгений» — Поскребухин доносит в охранное отделение, (см. приложение № 2) со всеми подробностями о тех решениях, которые там были приняты. Поскребухин не может сообщить охранке, что принято на собрании сапожников; так как он, очевидно, не успел там побывать и не знал их решения, а спросить из соображения конспирирования своей шпиковской работы, очевидно, никого не решился. Ничего не доносит Поскребухин и о собрании группы строителей, очевидно, по тем же причинам, что наша деятельность была еще слишком слабой и не попала в поле зрения столь «большого лица», каковым являлся Поскребухин.

Упомянем еще об одной экскурсии. Через неделю, 8-го июня, устраивается экскурсия на станцию Бескудниково (Савеловской ж. д.). Официальная часть этой экскурсии заключалась в осмотре кирпичных заводов и устройстве игр. На экскурсию собралось более 300 человек.

Было осмотрено несколько заводов, экскурсанты забирали под руки рабочих и работниц этих заводов, расспрашивали у них об условиях труда, о размерах оплаты, о пище и осматривали их грязные бараки, которые назывались жилищем рабочих. Тут же велась агитация среди этих рабочих, указывалось на их тяжелое положение, проводились сравнения между ними, заскорузлыми, оборванными, запуганными, и здесь же присутствующими рабочими союза портных, водопроводчиков, металлистов, свободно себя чувствующими, сравнительно хорошо одетыми и во много раз лучше, чем они, питающимися. Агитаторы указывали, что портные, металлисты и другие рабочие лучше их, кирпичников, организованы, умеют бороться со своими предпринимателями и умеют, при помощи этой борьбы, улучшать свое положение. Уходя с заводов на лужайку, на которой были устроены игры, экскурсанты увлекли за собой добрую половину рабочих-кирпичников.

Под прикрытием этих экскурсий состоялось партийное собрание из представителей от всех профессиональных союзов, где обсуждались вопросы о предстоящем международном съезде Интернационала, о единстве партии, о расколе фракции 4-й Государственной Думы и об уходе Малиновского из этой фракции. На этом собрании присутствовал член Государственной Думы Бурьянов. По всем вопросам делал доклад Бурьянов. Главным оппонентом его был товарищ Иванов, от торгово-промышленных служащих. Поскребухин же, несмотря на серьезность тех вопросов, которые стояли на повестке этого собрания, и несмотря на те страсти, которые тогда разгорелись вокруг этих вопросов, особенной активности на этом собрании не проявлял. К этому отнеслись тогда так: Поскребухину нужно держать себя конспиративно, так как таких работников, как он, нужно беречь. Никто, конечно, не подозревал, что этот негодяй в тот же вечер, придя на свою квартиру, будет строчить свое длинное донесение царской охранке о том, что происходило на этом собрании и какие принимались там решения.

После указанного собрания на общем собрании экскурсантов тов. Власов (портной) сделал доклад о пожаре на целлюлоидной фабрике Каминского. Между прочим этот пожар был тогда злобой дня среди рабочих Москвы. Это было самое ужасное преступление буржуазии по отношению к рабочим после массового отравления рабочих на фабриках «Богатырь» и «Треугольник».

Дело было так: когда загорелась указанная фабрика, рабочие бросились к выходу, но дверь оказалась на замке (хозяин ее запирает, чтобы рабочие во время работы не могли выходить из фабрики во двор). Рабочие бросились к окнам, окна были затянуты густой железной сеткой, чтобы рабочие в окна не могли выбрасывать вырабатываемые ими вещи. Капиталист охранял свои интересы очень усердно, но из-за охраны этих интересов сгорели живые люди — рабочие. Сколько сгорело людей, выяснить не удалось, так как полиция это скрывала, а жители этой местности рассказывали, что ночью разрывали развалины и возили обгоревшие трупы. Командированных туда для расследования от имени профсоюзов рабочих не допустили.

На собрании по этому вопросу выступало несколько человек, и, насколько мне помнится, была вынесена резолюция с пожеланием устрой-

ства демонстрации в день похорон жертв этого пожара. Для семей погибших на экскурсии был устроен сбор пожертвований, такой же сбор рекомендовалось провести по фабрикам и заводам.

На этом же собрании обсуждался вопрос о готовившемся тогда к изданию рабочем журнале «Рабочий Труд», который должен был явиться продолжателем рабочей газеты «Наш Путь». Была принята резолюция с приветствием этому журналу. Возвращались с экскурсии в веселом настроении, никому и в голову не приходило, что среди присутствовавших имеется не один, а несколько предателей, при чем не из последних, а из самых первых и активных работников...

Фактическая сторона как происшедшего нелегального собрания, так и ход всей экскурсии Поскребухиным описаны до невероятности точно и полно и добавить к этой записке нечего; можно было бы лишь пополнить список присутствовавших на нелегальном собрании.

Записка другого провокатора Голубина («Кузьмь») ¹⁾ так же точно, хотя менее полно, описывает происшедшее на указанной экскурсии. Царская охранка могла гордиться теми слугами, которых она имела в лице провокаторов. Что же касается «наград» со стороны советской власти, то они ее получили; большинство из тех, которые будут фигурировать в нашем обзоре, советской властью расстреляны; расстрелян в частности и Поскребухин.

Таким образом на экскурсиях происходят важнейшие собрания, обсуждаются важнейшие вопросы, и обо всем происходящем от начала до конца, с полной точностью, с мельчайшими подробностями знает охранка. Охранка знает не только то, что решено по вопросу о предстоящем международном конгрессе, о единстве партии, рабочей фракции 4-й Государственной Думы, о предстоящем партийном съезде (а ведь это все самое главное в рабочем движении), но она будет знать, кто будет выбран на Венский конгресс, на партийный съезд и сможет, конечно, своевременно принять меры путем арестов всех выбранных лиц.

Провокаторы не только присутствуют на широких партийных и профессиональных собраниях, но они проникают в исполнительные органы. Мы упомянули, что на экскурсии в Николо-Угрешской монастырь происходило нелегальное партийное собрание, где присутствовало около двух десятков человек, куда были допущены наиболее испытанные, наиболее преданные делу революции товарищи. Казалось бы, сюда невозможно прошкнуться провокатору. Но, увы! На этом собрании присутствует провокатор Поскребухин, который подробнейшим образом доносит обо всем происходящем охранке. Больше того, он от имени областного партийного центра входит в комиссию, избранную на этом совещании по созыву партийного съезда. Значит, обо всем, что будет вышеуказанная комиссия решать и предпринимать по подготовке съезда, Поскребухин подробнейшим образом будет доносить охранке, а охранка, в свою очередь, будет принимать меры к ликвидации того, чего с таким трудом достигает рабочая организация.

Для рабочего движения не так были страшны царская охранка, жандармерия и прочее, — от них рабочие умели конспирироваться, —

¹⁾ См. Приложение 3 и 4.

опаснее были предатели в своих рядах. В самом деле такой провокатор, как Поскребухин, во сто раз опаснее простого шпика, целого десятка шпииков, ибо он участвует в издании «Нашего Пути», в журнале «Рабочий Труд», находится в московском и областном центрах, участвует в комиссии по созыву съезда, участвует во всех более или менее значительных партсобраниях, партсовещаниях, знает о всех конспиративных намерениях, мероприятиях профсоюзов, культурно-просветительных обществах и прочее, и прочее. Имеет в Москве связь с Питером, очевидно, и с ЦК. Одним словом, вся московская организация находится в его руках, а через него в руках охранки. Для большей точности сведений, для гарантии правильности донесений своих шпииков, охранка проверяет одного другим и на одно и то же собрание посылает по несколько провокаторов.

Об описываемой нами экскурсии читатель имеет в своем распоряжении два документа: донесение Поскребухина и донесение не столь важного провокатора Голубина, который все же был секретарем профессионального общества деревообделочников. Если порыться побольше в архивах охранки, то, возможно, еще могут найтись донесения других провокаторов об этом же собрании, так как из того же донесения Поскребухина видно, что на вышеуказанном партийном собрании присутствовал третий провокатор, довольно видный работник союза печатников, меньшевик Буксин, работавший в охранке под кличкой «Воскресенский».

Однако, несмотря на все это, несмотря на репрессии царского правительства, рабочее движение росло и крепло. Правда, не удалось тогда провести решения о демонстрации и стачке протеста против пожара на фабрике Каминского, но отдельные, и политические и экономические, стачки все увеличивались. В особенности сильно было движение рабочих Питера.

Через неделю после описанной экскурсии назначается экскурсия в Сокольнический питомник. Собираемся на Сокольническом кругу; из конспирации экскурсанты не собираются в одну группу, а рассеиваются по парку, лежат на траве, читают рабочие газеты, журналы, что сразу их отличает от гуляющей сокольнической публики. Бывавшим часто в Сокольниках сразу бросилось в глаза, что там больше, чем в обычное время, полиции. Некоторые товарищи успокаивали, говорили, что у страха глаза велики. Эта экскурсия собрала в особенности много народа, так как ожидалось, что там будет сделан доклад представителем фракции большевиков Государственной Думы товарищем Петровским.

Наступил момент проведения официальной стороны экскурсии: Розенфельд (председатель «Общества народных развлечений») встал и, сделав в воздухе круг своей шляпой, пошел по направлению к питомнику, а за ним стали со всех сторон вставать отдельные группы рабочих, работниц и направляться туда же.

Дорогой товарищи перешептывались о том, как бы устранить с предполагаемого собрания Буксина; Розенфельд, товарищ Буксина по партии, говорил, что он его подозревает, то же самое подтверждал и Поскребухин. Когда мы вошли в питомник и начали уже его осматривать, то там нас встретили ранее туда прибывшие экскурсанты и

сообщили, что вокруг питомника гарцуют казаки. Отдельные патрули этих казаков на пути нам встречались, вызывая всякие подозрения, но особенно не смущали. Но вскоре мы убедились, что казаки пытаются окружить экскурсантов. Посоветовавшись на скорую руку, несколько товарищей решили, что из экскурсии, в особенности из нелегального собрания ничего не выйдет, что если мы будем продолжать нашу экскурсию, то рискуем быть арестованными. Решили дать сигнал, чтобы товарищи расходились, — что и было сделано. С болью в душе начали расходиться в разные стороны, проведя этот день на сокольническом гуляньи вместе со всеми обывателями. Расходясь, экскурсанты встречали на своем пути опоздавших и сообщали им неприятную новость.

Экскурсия не удалась, не удалось и наше собрание строителей, которое там предполагалось устроить.

После этой неудачи решили экскурсии временно прекратить, но рабочее движение росло и крепло, стачечное движение развивалось. Наряду с этим московская полиция усиливала свои репрессии. Нам, строителям, ничего не оставалось делать, как устраивать свои маленькие нелегальные экскурсии, но это удавалось с большим трудом и приходилось ограничиваться собраниями в трактирах и чайных.

В это время уже выходил журнал «Рабочий Труд»; строители начали посылать свои корреспонденции, но им так и не пришлось увидеть света, так как журнал на четвертом номере был закрыт.

Общее настроение в Москве было, однако, чрезвычайно приподнятое, а в Питере не успевала закончиться одна стачка, как начиналась другая, а в конце июня и в начале июля 1914 г. там разразилась всеобщая стачка, дошедшая до баррикад. Это как раз совпало с приездом Пуанкаре к Николаю II, и французские матросы вместе с питерскими рабочими демонстрировали по улицам свою классовую товарищескую солидарность. Царские казаки так же свирепо стегали нагайками французских матросов, как и рабочих Питера, за что, разумеется, Пуанкаре не был в претензии.

В Москве поднялся вопрос, как реагировать на события в Питере. Для всех было ясно, что нужна всеобщая стачка, но так как с закрытием журнала «Рабочий Труд» были произведены аресты и этим в московскую организацию было внесено некоторое замешательство, то дело не совсем клеилось. Настроение в начале июля было таково, что вот-вот произойдет взрыв. Везде обсуждался вопрос о всеобщей забастовке: меньшевики и ликвидаторы хныкали по поводу питерских событий, предсказывали их провал и высказывались за осторожную тактику в Москве.

Пока в Москве шли разговоры о всеобщей стачке, из Питера стали поступать сообщения о том, что там движение идет на убыль. Редакция газеты «Правда» была разгромлена, и выход газеты прекратился. Числа 4—5 июля было подавлено восстание питерских рабочих и произведены массовые аресты. Одни передавали, что там две тысячи арестованных, другие — три и т. д.

Мысль о всеобщей стачке в Москве, однако, не была оставлена. На 6-е июля инициативная группа меньшевиков назначает свое собрание на ст. Переделкино (Брянской ж. д.), где должен обсуждаться

вопрос о международном конгрессе и, очевидно, о происходящих в Москве и Питере событиях. Но это собрание провалилось, и на нем был арестован председатель «Общества народных развлечений» Розенфельд. В тот же день было назначено собрание из представителей профсоюзов и партийных организаций по Александровской ж. д. на 20-й в. Это собрание также не состоялось вследствие того, что часть на это собрание не приехала, часть была арестована на месте предполагаемого собрания, часть разбежалась¹⁾.

Одновременно происходят обыски в профессиональных обществах, их закрытие, аресты работников. Ясно, что московская всеобщая стачка в 1914 году была провалена провокаторами; в настоящее время это совершенно ясно и неоспоримо. Обо всех предполагаемых мероприятиях, собраниях охранка была заранее прекрасно осведомлена и производила аресты. Вот почему провалилась стачка, несмотря на прекрасное настроение рабочих, на всеобщее ее ожидание.

Тов. К. Воинова в статье «Рабочее движение в 1914 — 1917 годах» («Пролетарская Революция» № 2/14) пишет, что, «несмотря на все, в июле месяце в Москве бастует 16 тысяч рабочих». Она приводит это по полицейским документам. Тогда бастовало, разумеется, не 16 тысяч, а больше, — но разве это могло удовлетворить москвичей? Когда в Питере происходит всеобщая стачка, на Выборгской и Петербургской сторонах баррикады, происходят форменные сражения рабочих с жандармами, — в Москве бастуют каких-нибудь, предположим, 20 — 30 тысяч!

В рядах большевиков — неудовлетворенность, среди строителей — некоторый испуг за свое будущее общество: всех, мол, позакрывали, переарестовали, куда же нам двигаться со своими силами? Нас сразу же задавят: достаточно ареста нескольких человек, как заглохнет все дело. Внести бодрость и твердость в настроение было нечем: «Рабочий Труд» был закрыт, закрыли и питерскую «Правду»: получены также известия, что, наряду с другими профессиональными союзами, закрыто и профессиональное общество строительных рабочих Питера.

В особенности поддались в это время панике меньшевики. По делам своего общества мне часто приходилось видеться с видным меньшевиком — потом министром правительства Керенского — Никитиным, который ругал во-всю большевиков и говорил, что то, что произошло в Питере, это — безумие, что теперь все пропало, рабочий класс долго не оправится.

Вскоре нас подбодрило то, что устав нашего общества 7 июля был утвержден. Строители снова оживились, начали готовиться к открытию своего общества, но до получения устава на руки пришлось от этого отказаться. Устав сразу на руки нам не дали, и нам пришлось долгое время бегать по всем правительственным учреждениям по этому

¹⁾ Точно сейчас не помню, в этот ли день, или днем раньше, должно было происходить чисто партийное собрание, или конференция, большевиков отдельно от меньшевиков, — оно тоже не удалось. Возможно, что я смешиваю эту конференцию с тем собранием, которое должно было происходить 6 июля на 20-й версте по Александровской ж. д., т. е. из представителей профсоюзов и партийных организаций.

поводу. Но уже опора была. За день или за два до объявления мобилизации нами был получен устав на руки. Мы решили, за отсутствием рабочей печати, через желтую «Копейку» оповестить о том, что производится запись во вновь открытое общество строительных рабочих. Но тут опять встал вопрос о возможных арестах учредителей; при этом мы полагали, что будет арестован первым тот, квартира которого будет опубликована для записи членов. Долго обсуждали, кто должен быть возможной первой жертвой. Решили опубликовать квартиру тов. Лапшина (Грузины, Средне-Тишинский переулок). К этому времени у нас уже было предварительно зарегистрировано около 30 членов общества; кроме того, мы были уверены, что как только опубликуем; что устав зарегистрирован, то к нам придут, ну, если не тысячи, то во всяком случае несколько сот человек. Но, увы, вскоре пришлось разочароваться:

Утром 16 июля 1914 г. прежде всего бросились в глаза обозы двитавшихся войск. Это была объявлена мобилизация. На второй или на третий день после объявления мобилизации тов. Лапшин, а вместе с ним почти поголовно все члены нашего общества получили повестки о том, что они мобилизованы. Те же, которые не получили таких повесток, не дожидаясь таковых, ликвидировали свои дела и отправлялись в деревни.

Нашей организации был нанесен тяжчайший удар оттуда, откуда мы не ждали. Для продолжения всей работы осталось только два человека: тов. Голубев, который должен был осенью 1914 года призываться и который торопился уехать в деревню проститься со своей старухой-матерью, и пишущий эти строки. Я, как ратник ополчения первого разряда, чувствовал, однако, что и мне не сдобровать.

Обстановка была гнуснейшая: крик, шум, буржуазной печати, призывы к патриотизму, к гражданскому миру, травля немцев, призывы к погромам, патриотические манифестации, молебны, колокольный звон и прочее, — одним словом, все было пущено в ход, чтобы втянуть всех в кровавую бойню. И это при тех условиях, когда рабочие профессиональные союзы были закрыты, были произведены массовые аресты, лучшие работники из рабочих организаций вырваны, рабочая печать задушена, руки рабочих связаны, рот зажат.

Буржуазные газеты трубили, что рабочего Интернационала больше нет, что все рабочие партии стали на защиту своих отечеств, что социалисты в парламентах вотируют военные кредиты. Из той же буржуазной прессы мы узнали, что исполнительный орган II Интернационала вместо того, чтобы созвать конгресс, разбежался, предав классовые интересы рабочих, что все социалисты бросились в объятия буржуазии: Вандервельде сбежал из Интернационала и вошел в королевское правительство, Гед и Самба призывают забыть классовые интересы и выступить на защиту «прекрасной» Франции от варваров-немцев, Жорес, выступивший против войны, убит предательской рукой наемных убийц, Шейдеман и Зюдекком поддерживают Вильгельма, Либкнехт якобы ушел добровольцем в армию¹⁾. А через некоторое время в «Рус-

¹⁾ Это была клевета буржуазной прессы, так как Либкнехт с первого дня войны был против нее.

ских Ведомостях» появилась статья Плеханова, призывающая к гражданскому миру, к войне с немецким империализмом. Верить не хотелось. Первое время думали, не поддельная ли статья, но, увы, вскоре пришлось убедиться в ее подлинности.

На мой вопрос, как думают меньшевики реагировать на войну, выпущенный из тюрьмы Розенфельд ответил: «Хорошо было бы, если бы французы поколотили немцев, а немцы русских, но так как это невозможно, так как немцы направляют свои удары против демократической Франции и громят демократическую Бельгию, то нам придется поддерживать лозунг: «Война до победы над немецким империализмом». Эсеры говорили: «Прежде победа над немцами, потом революция».

Даже среди большевистской интеллигенции были колебания, выступать ли против войны, или ее поддерживать.

При таких условиях, без организации, без рабочей печати, рабочим Москвы, разбитым, оторванным от других городов, оторванным от своего центра, трудно было в той или иной форме реагировать на происходившие события. Но классовый инстинкт не изменил рабочему. Чистейшая ложь, что все московские рабочие были увлечены патриотизмом. Это абсолютно не верно. Скорей был испуг и растерянность, но большинство было безусловно против войны. Среди рабочих были разговоры, что война неизбежно должна будет привести к революции. Запасные, идя на сборные пункты, говорили: «Пусть дадут винтовки, а потом посмотрим, куда их направить». Жены мобилизуемых сквозь слезы посылали проклятия тем, в интересах которых была объявлена война.

В манифестациях, устраиваемых полицией, участвовали кликуши и главным образом детишки. Помню один эпизод. Когда царь проезжал по Первой Ямской улице, за ним гналась кучка кликуш и детишек. На меня набросилось несколько из этих кликуш с требованием снять шапку. Однако они сейчас же получили резкий отпор со стороны неизвестных мне рабочих.

Были случаи, когда среди манифестантов группы рабочих запевали революционные песни.

Дороговизна на продукты первой необходимости сразу же вызвала протесты против войны, и чуть ли не в день объявления войны¹⁾ был устроен большой погром на Немецком рынке, где женщины опрокидывали воза с картошкой и капустой и обливали их керосином. Но буржуазная пресса продолжала звонить во все шовинистические колокола о патриотическом подеме, всеобщем желании воевать и прочее.

В таких-то условиях нам приходилось начинать свою работу после утверждения устава нашего общества.

Мы отправились за советом, как нам в дальнейшем быть, — к Никитину. Никитин, кратко осветив, в каком положении находятся все профессиональные общества и рабочие организации вообще, сказал, что начинать что-либо с нашим уставом бесполезное дело, что все равно полиция ничего реального сделать не допустит, а поэтому пусть устав

¹⁾ Мобилизация была объявлена до формального объявления войны 16 июля старого стиля, и это вызвало сразу же громадное вздорожание продуктов первой необходимости. Напр. в 2—3 дня картошка с 35 коп. за меру выросла до 75 коп., и ко дню объявления войны на почве дороговизны было уже много недовольства.

лежит в сундуке до окончания войны. Он сказал, что при теперешнем положении война долго длиться не может и через несколько месяцев должна будет закончиться, и что вообще неизвестно, что будет через несколько месяцев: может быть, мы окажемся немецкими подданными. Да и что же при таких условиях начинать такое сравнительно маленькое дело, как общество строительных рабочих, когда более крупные летят вверх тормашками?! Не только не существует нашей российской организации, но такая международная организация, как Интернационал, прекратила свое существование. «Вам лучше, — повторил Никитин, — подождать с этим делом до окончания войны». Мы ушли, не согласившись с Никитиным, а Лапшин, идя по дороге, крепко ругался и говорил, что «мы ждем революции против войны, а он предлагает нам с нашим обществом подождать до окончания войны!».

По нашей публикации в «Копейке» первым и, кажется, единственным на квартиру тов. Лапшина пришел тов. Жалков-Пригоженский. Вдвоем приходят они ко мне, и мы отправились в чайную «Молдавия», где решили основательно поговорить. Прежде всего сделали некоторое прощупывание, испытание тов. Жалкова: не имеем ли тут дело с подсланным охранкой. Тов. Жалков, однако, не заставляя много о себе расспрашивать, сам рассказал нам свою автобиографию; рассказал он и о том, как он в 1905 году сражался на Сормовских баррикадах, как эти баррикады были разбиты полицией, сколько там было убитых, сколько было потом повешенных.

В правдивости этого рассказа не возникло никаких сомнений, и мы начали откровенно беседовать. Из этой беседы выяснилось, что в Сормове тов. Жалков примыкал к организации меньшевиков, но в годы реакции, с 1906 г. по настоящее время, был абсолютно оторван от всякой рабочей организации.

Даже при начавшемся под'еме 1912 — 1914 г.г., по его словам, он не мог встретить подходящей группы товарищей, с которыми можно было бы начать организацию строительных рабочих. Теперь, когда он прочитал в «Копейке» сообщение об открываемом обществе, он прямо из чайной с этой газетой в руках побежал на квартиру тов. Лапшина и готов, несмотря на общий разгром, приняться вместе с нами за работу. Мы, в свою очередь, рассказали ему о том неблестящем положении, в котором мы находились, о том, что все держится на волоске и т. д. Было единогласно решено, что нужно усиленно действовать и реализовать утвержденный устав до мобилизации последних учреждений. Тут же решили, что на завтра, вместо квартиры тов. Лапшина, опубликуем мою квартиру.

Покончив с разговорами об обществе, мы начали говорить о войне. Тов. Жалков, хотя и несмело, высказывался против войны, Лапшин «из души в душу» ругал буржуазию, царя, помещиков и всех тех, в интересах которых затеялась эта бойня. К нашему разговору присоединились сидевшие за соседним столом неизвестные нам строительные рабочие. Все были против войны. Воодушевленный Лапшин стал кричать на всю чайную, что нужно взять винтовки и повернуть их против тех, которые нас заставляют идти и убивать друг друга. Наши уговоры, что, мол, нужно делать то, что он говорит, но не нужно кричать, где

не надо, — не помогали. Он продолжал громогласно провозглашать: «Не все ли мне равно, возьмут ли меня сейчас и завтра же расстреляют в Москве или через неделю на фронте? Зачем же мне молчать? Я буду говорить во всеуслышание, пусть слышат протесты смелых!».

Он утверждал, что все думают так, как он, но боятся оказать. «Так ведь нужно кому-нибудь начать говорить, вот я и говорю».

В разговор ввязались сидящие за соседним столом мясники и стали придирается к Лапшину, говоря, что, мол, такие вещи может говорить только немецкий шпион, а не русский человек, что за это нужно арестовывать, бить и прочее. Лапшин им на это отвечал: «Вам хорошо рассуждать о патриотизме, интересах отечества и прочее, сидя в трактире. Война, продолжайся хоть три, пять лет, вам ни черта не делается, а нам нужно сегодня или завтра отправляться в окопы и складывать свои головы за чужие интересы. А если вы искренние патриоты, — бросайте свои ножи мясников, берите винтовки и отправляйтесь. В час добрый, вам никто не помешает!».

Возможно, дело дошло бы до рукопашной, если бы не вмешался владелец трактира, который был не особенно большим патриотом, и, повидимому, его симпатии, вследствие его мобилизации, склонялись на нашу сторону, и спорящие разошлись.

Через несколько дней тов. Лапшин уехал на фронт с обещанием вести агитацию против войны и не убивать своих братьев-немцев¹⁾.

С этого времени мы начали работать главным образом с тов. Жалковым. Тов. Голубев был настроен «мобилизационно» и мечтал о поездке в деревню.

С Жалковым у нас были распределены обязанности: я принимал посетителей, объяснял им цели и задачи нашего общества, а тов. Жалков исполнял всю техническую работу: подыскивал помещения для общего собрания, подавал всякие заявления градоначальнику на предмет разрешения собрания и т. д. Работа товарища Жалкова была адски тяжелой: он ежедневно обивал пороги градоначальника, городской управы, графини Бобринской (которая какое-то отношение имела к бирже труда) и других учреждений. В потрепанном пиджачишке, в рваных сапогах, прогуливая без всякого возмещения рабочие дни, он с большим воодушевлением и охотой выполнял взятую на себя работу. Мне же приходилось все время сидеть дома и беспрестанно об'яснять посетителям цели и задачи общества. Хотя в об'явлении говорилось, что учредители принимают в будни от 7 до 9 вечера, а в праздники от 9 до 2 часов дня, на самом деле, посетители приходили и в неуставленные часы — поздно вечером, а главным образом много их приходило по праздникам.

Теперь уже было не то, что в первые дни: к Лапшину за несколько дней пришел один тов. Жалков, теперь же в один день стали приходиться по несколько десятков человек.

Но ошибется читатель, если подумает, что все эти приходящие желали записаться членами общества. Дело в том, что после об'явления войны немедленно прекратились не только новые постройки, но и круп-

¹⁾ Через несколько недель товарищ Лапшин попал в плен и вернулся в Москву после октябрьского переворота.

ные капитальные и даже мелкие ремонты. Несмотря на то, что строители в ожидании мобилизации массами отправились в деревни, много было безработных, которые, читая в газетах о вновь открываемом обществе строительных рабочих, полагали, что это общество является предпринимательским и шли сюда для того, чтобы получить работу. И тут только мне пришлось увидеть со всей ясностью, как еще забиты строительные рабочие. Приходя на мою квартиру, видя перед собой не жирного буржуа, а тощего, правда, без следов краски на костюме (после работы и в праздничные дни мною рабочий костюм сменялся на «праздничный») маляра, многие из них, отпирая двери, снимали шапки и, низко кланяясь, говорили: «Мы к вашей милости насчет работки».

Так как у меня была комната в 4 аршина длины и 3 аршина ширины, где я помещался с семьей, то, само собой разумеется, в комнате вести с посетителями беседы было нельзя, и мы обычно выходили в палисадник, и там я им долго и пространно объяснял каждый параграф устава.

Многие слушали с большим вниманием, а некоторые просто не осмеливались встать и уйти, — и мы просиживали целыми часами. Но как только дело доходило до того, что от меня не только нельзя получить никакой работы, а нужно записываться в общество, которое ставит своей задачей борьбу с предпринимателями и что в это общество нужно платить 50 копеек вступительного и 30 копеек ежемесячного взноса, то сейчас же присутствующие начинали переглядываться, комкать в руках шапки, и под разными предлогами громадное большинство отказывалось записываться членами общества.

Одни говорили: «Мы подумаем, потом зайдем», — и, конечно, больше не заходили; другие говорили, что «пойду посоветуюсь с отцом, (хотя у самого говорившего об отце борода по пояс); кумом, братом» и прочее. Более смелые часто заявляли: «Благодарим покорно, на чужой спине Хотите заработать, нет, дудки», — и уходили, а некоторые прямо обкладывали матом. Были случаи, когда приходили гороховые пальто. Приходили и такие, которые спрашивали, не могут ли они вступить со мной в компанию, вложив некоторую сумму денег.

До так называемого учредительного собрания у меня перебивало несколько сот человек, а членами общества записалось каких-нибудь 30 человек. С каждым из записавшихся приходилось разговаривать в отдельности и в процессе этих разговоров подмечать наиболее опытных, подходящих кандидатов в члены будущего правления и ревизионной комиссии.

За несколько дней до открытия общества мы собрались втроем: Жалков, Голубев и пишущий эти строки, чтобы распределить между собой роли. Жалков, решили мы, должен будет председательствовать на общем собрании, Голубев секретарствовать, мне же делать доклад от имени учредителей, а затем о целях и задачах общества.

Мне же было поручено найти товарища, который прочитает устав.

За несколько дней до собрания я производил репетицию своего доклада, так как это публичное выступление мое в присутствии полиции должно было быть первым. Обстановка войны, усиленные репрессии полиции, которая за мельчайший промах может сейчас же закрыть наце

соборание и провалить все дело, — все это вместе взятое усугубляло затруднительность моего положения. Уже в день открытия учредительного собрания, которое было назначено в воскресенье 31 августа, я ходил по комнате и зубрил свой доклад, а присутствовавший здесь тов. Голубев трунил надо мной и говорил, что «провалишься, ничего не выйдет». Такие же сомнения, может быть, и большие, были и у меня самого, но делать было нечего — замены искать негде.

В день открытия учредительного собрания общества у меня перебивали почти все прежде записавшиеся члены. С каждым в отдельности я переговаривал о том, что нужно обдуманно выбирать правление, чтобы не попали туда люди, которые могут с первых же шагов дискредитировать наше общество: тогда пропадут все наши вложенные в это дело труды. За два часа до открытия собрания все записавшиеся членами общества собрались в чайной на Домниковской улице, в Банном переулке, для предварительного согласования действий по отношению к общему собранию, на котором в присутствии полиции нужно возможно глаже провести собрание; здесь мы предварительно наметили кандидатов правления и членов ревизионной комиссии. Затем мы прямо направились на биржу труда, где должно было происходить общее собрание. На дверях биржи уже несколько дней висело объявление о нашем собрании.

Ко времени его открытия на площади собралось около 500 чел. Конечно, громадное большинство из них не понимало цели и задачи нашего общества и пришло с целью узнать, не получают ли они здесь работенку. Когда мы показали целой группой, рабочие, увидавши у меня под мышкой регистрационную и протокольную книгу, окружили нас и начали спрашивать насчет работы и о целях и задачах общества. Не долго думая, я, встав на тумбочку, начал объяснять цели и задачи общества. Но долго говорить не пришлось; подоспевший околоточный берет меня за плечо и говорит: «Это что за митинг?». Я его стараюсь убедить, что это не митинг, а пришедшие на биржу труда за получением работы рабочие спрашивают у меня таковой, а я, как учредитель общества, на основании закона имею право разъяснять цели и задачи нашего общества. Околоточный вполне резонно мне указал на то, что я имею право это делать на общем собрании, а ни в коем случае не на площади. Пришлось подчиниться и вместе с околоточным отправиться в помещение биржи труда.

Собравшиеся рабочие, подстрекаемые любопытством, двинулись в помещение биржи труда и чуть не смяли стоявший в дверях контроль, а наш «большой черный мужик» (Жалков) уговаривал толпу, чтобы она не напирала, и доказывал, что на собрании могут быть только члены общества и что хотя в интересах учредителей пустить на это собрание и нечленов общества и разъяснить им там цели и задачи этого общества, но что они не имеют на это права и если они это сделают, то собрание самого общества, не успев начать своей деятельности, будет закрыто. Если же кто из нечленов общества желает все-таки попасть на это собрание, он может это сделать, если запишется членом общества. Тут же началась усиленная (по тогдашним временам) запись в члены общества.

На наше собрание пришли представители от обществ: «стекло и фарфор», «булочников», «древообделочников» и других. Все они, конечно, были с нашими членскими книжками, как будто бы члены нашего профессионального общества. Околоточный начал меня понукать, чтобы открывали собрание, я же ему доказывал, что происходит запись в члены общества и что записавшиеся еще не все пришли, поэтому необходимо несколько повременить. Подходит товарищ Голубев и сообщает, что уже записалось 90 человек членов, цифра превзошла всякие ожидания, и что все еще записываются. Но уже было некогда, околоточный угрожал, что если поздно откроем, он не даст нам закончить этого собрания и закроет его: «Поэтому в ваших же интересах, — обращаясь ко мне, говорил он, — посторее открыть это собрание». Делать нечего, пришлось собрание открыть.

Сделав краткую информацию, я предлагаю порядок дня собрания, спрашиваю, нет ли каких-либо изменений и в то же время предупреждаю, что порядок дня утвержден градоначальником и что если бы были какие предложения об изменении повестки дня, то пришлось бы новые вопросы отложить до следующего собрания.

Порядок дня принимается без изменений в следующем виде:

- 1) Выборы председателя и секретаря общего собрания.
- 2) Доклад учредителей.
- 3) Выборы правления и кандидатов, выборы ревизионной комиссии и кандидатов.
- 4) Чтение устава и объяснение его.
- 5) Доклад о целях и задачах общества.

Обращаем внимание читателя на тот порядок вопросов повестки дня общего собрания, который был принят общим собранием: выборы правления и ревизионной комиссии стоят 3-м пунктом, а чтение и принятие устава 4-м, о целях и задачах общества — 5-м, т.е. последним обсуждается то, что, логически рассуждая, должно бы было обсуждаться первым.

В самом деле, каким путем можно выбрать правление, когда устав еще не утвержден собранием? Но это делалось совершенно сознательно: пункт о выборах стоит третьим, а не последним по тем причинам, что при обсуждении устава и в особенности при обсуждении вопроса о целях и задачах общества много шансов на то, что полиция к чему-нибудь подойдет и закроет собрание, и что если бы вопрос о выборах правления стоял последним, то мы бы рисковали тем, что не выбрали бы правления, и общество не могло бы начать свои действия до второго собрания, которое могло бы состояться только по новому разрешению градоначальника и только по ходатайству кого-либо из учредителей. А мы ведь видели, что оба оставшиеся учредителя были кандидатами на фронт (товарищ Голубев на третий день после общего собрания уехал в деревню, а затем на фронт). Кроме того, если бы первое собрание прошло неудачно, то на разрешение второго почти никаких надежд не было, так как градоначальник мог бы мотивировать отказ в разрешении второго собрания тем, что учредители допустили противозаконное на первом собрании. Другими словами, устав мог бы остаться нереализованным, а на подачу на утверждение нового устава нечего было рассчитывать, так

как у нас для этого не было сил. Вот почему в таком порядке была составлена повестка дня.

К счастью, собрание прошло благополучно, но если бы оно и было бы закрыто на 4-м — 5-м пунктах, то у нас уже были бы выбраны правление и ревизионная комиссия, и общество могло бы начать функционировать.

По 4-му пункту повестки дня выступает представитель общества «стекло и фарфор», заделавшись на этот случай строителем, и читает устав. Но чтец оказался неудачным: читает нудно, без всяких пояснений, комментариев и прочее. Меня начали упрекать в неумении подобрать хорошего чтеца, но делать было нечего, пришлось примириться. Чтение устава закончилось. Жалков задает вопрос, есть ли какие-либо поправки к уставу, и снова предупреждает, что устав утвержден Московским присутствием по делам об обществах и союзах и что мы, конечно, можем обсудить поправки, принять их, но в устав включить их не имеем права. Если будут приняты какие-либо поправки, то они должны быть направлены со всем уставом на новое утверждение в вышеуказанное присутствие, и до тех пор, пока устав не будет вновь утвержден, общество не сможет функционировать. Да и неизвестно, будет ли с поправками утвержден этот устав, поэтому предлагается принять его без всяких изменений и поправок. Устав принимается, и тов. Жалков представляет мне слово для доклада о целях и задачах нашего общества.

Меня охватило некоторое волнение при мысли о том, что доклад должен быть популярным и в то же время дипломатичным для того, чтобы умело провести околоточного; поэтому я начинаю доклад робко и иесмело, но вскоре увлекаюсь, перебираю параграф за параграфом зазубренного устава, комментирую их, указываю на то тяжелое положение, в котором находятся строительные рабочие, говорю о низкой заработной плате, о плохом жилище, питании и прочее, и прочее. Я указываю на частые катастрофы на постройках, которые приносят вред не только для строительных рабочих, но и для государства, указываю на знаменитые катастрофы домов Бровкиных и Титовых в Москве, Залимановскую катастрофу в Петрограде, во время которых под развалинами и обломками погибла не одна сотня и тысяча строительных рабочих, подчеркиваю, что эти катастрофы происходят благодаря тому, что подрядчики, наживая большие барыши, экономят на строительных материалах, и что катастрофы угрожают не только строительным рабочим, но и тем жильцам, которые поселятся в неисправно построенном доме, и даже случайным прохожим, которые проходят по улице мимо этого дома. Увлечшись и забыв о присутствии околоточного, я с пафосом восклицаю: «Нет ни одного дворца, тюрьмы или церкви, кирпичи которых не были бы политы кровью строителей и все это в интересах подрядчиков!». Аудитория разражается аплодисментами, которые меня смутили и в то же время воодушевили для дальнейшего продолжения доклада. Околоточный, крикнув, сделал недовольное движение в сторону президиума, но от замечаний воздержался.

В дальнейшем я говорю о том, что строителям необходимо организоваться, и только тогда они могут улучшить свое положение и поло-

жить конец хищнической наживе и безобразиям подрядчиков. По окончании доклада аудитория снова аплодирует, и я, волнуясь, сажусь. Полицейский делает на стуле движения, все смотрят на него, какие могут последовать с его стороны действия, но действий с его стороны не последовало, и по моему докладу открылись прения: выступали представители обществ: «булочников», «стекло и фарфор» и других. Все они выступают под видом строительных рабочих, стараются говорить общими местами, кратко задевая строительное производство, но неумело, неуклюже, не зная этого производства. У нас возникают сомнения, как бы околотошный не постиг сию тайну. Вслед за представителями других обществ оживились и стали выступать наши строители. Прения в общем были очень интересны, все готовы продолжать их без конца, но околотошный не выдерживает, подходит ко мне и предупреждает: «Поторопитесь с окончанием собрания, иначе я его вынужден буду закрыть».

Пришлось прения прекратить.

В заключение было принято постановление: выразить благодарность учредителям общества и затем благодарность графине Бобринской и администрации биржи труда. Очень странно теперь, когда в распоряжении профсоюзов Москвы да и всей России имеются все дворцы, театры и проч.; читать в протоколах, что общее собрание выносит благодарность графине Бобринской за то, что она предоставила бесплатно помещение биржи труда для нашего общего собрания, и администрации биржи, которой мы причинили некоторое беспокойство своим собранием. Но тогда, когда за помещение для общего собрания нужно было заплатить по дешевке 20—30 рублей, а у нас не было ни гроша (все членские взносы ушли на печатание членских книжек, канцелярские принадлежности и прочее), поневоле вынесешь благодарность чорту и его бабушке, лишь бы давали помещение, сохраняя в душе к Бобринской и прочим «благодетелям» чувство классовой ненависти.

По окончании собрания поднялись шум, разговоры, поздравления, все подходят, жмут руки. Голубев сообщает, что членов общества записалось 113 человек, ругает Никитина за то, что он предлагал положить наш устав в сундук и не начинать дела до окончания войны, очень жалеет, что на этом собрании отсутствует Лапинин, который уехал на фронт с мыслями о том, что наше общество, не начавши жить, помрет естественной смертью.

Вдруг я чувствую, что кто-то стучит по моему плечу, обернувшись вижу два глупых, тупо устремленных на меня глаза околотошного.

— Молодчага ты, парень, давно бы так нужно организовать, но только, конечно, не с теми, которых вы давеча пьяных собирали, ведь это босяки, хитрованцы... А все же таки дельно вы говорили о своих нуждах, о подрядчиках и ни слова о политике, а вот тут собирались в прошлый раз какие-то слесаря, начали говорить не о своих нуждах, а о властях, о политике... А потом обижаются: полиция не хороша, закрывает собрание...

Я сделал невинное лицо.

— Куда нам до политики, нам бы немного улучшить свое существование и урезать аппетиты подрядчиков.

Околотошный делает под козырек и уходит, а за ним уходит и шпик, каким-то путем обманувший наш контроль и проникший на собрание. Им вслед товарищ Жалков говорит:

— Дурак ты, околотошный, Маркса не читал, и не знаешь, что такое политика и экономика.

Все присутствующие стали весело расходиться, рассуждая о будущей деятельности общества.

Таким образом, с 31 августа 1914 года начало легальное существование по счету третье «Общество архитектурно-строительных рабочих», которое, вопреки предсказаниям меньшевика Никитина, во время войны проделало громадную нелегальную работу и подготовило достаточно большой слой работников для новой и широкой революционной работы строительных рабочих после Февральской, а затем и после Октябрьской революции.

Итак, с 31 августа, т.-е. со дня вышеописанного так называемого учредительного собрания в Москве, начало существовать легально «Общество архитектурно-строительных рабочих». Но, само собой разумеется, рамки «легальных возможностей», предоставляемые самодержавным правительством, еще более к тому же урезанные с началом войны, никого из активных работников названного общества удовлетворить не могли, и поэтому, прикрываясь легальностью, мы старались весь центр тяжести работы перенести в подполье, что нам блестяще удалось.

На второй же день после общего собрания, т.-е. 1 сентября, было устроено заседание правления. На этом заседании правление точно распределило между своими членами обязанности. На дежурных членах правления лежала обязанность принимать посетителей, делать им соответствующие разъяснения и записывать членов общества. Заседания правления были установлены еженедельные. После первого же заседания правления у меня на квартире (моя комната и помещение общества находились в одной квартире) осталось несколько человек; за чашкой чая мы решили организовать первую партийную группу. Тут же наметили, кто должен в нее войти, и мне было поручено с каждым из предполагаемых членов партгруппы переговорить и затем созвать эту группу.

В первые дни члены правления да и рядовые члены общества усиленно посещали правление общества и со всех концов Москвы приносили новости в свой союз. А новостей было много: разжигание шовинистических страстей все больше и больше усиливалось. Продолжались манифестации, молебны в православных церквях, еврейских синагогах и пр. Буржуазные газеты усиленно подчеркивали, что и евреи хорошие патриоты, что и они защищают отечество. Буржуазия, не смея поднять решительно своего голоса протеста в годы реакции против еврейских погромов, в начале войны пыталась сгладить черносотенно-погромное настроение против евреев и привлечь еврейскую буржуазию на свою сторону. Письма Плеханова, Кропоткина и других, призывающие рабочих к гражданскому миру, победе над немецким империализмом и прочее, дали буржуазии повод утверждать (или, вернее, содействовали проводить начатую ею гнусную кампанию), что рабочие отказываются от классовой борьбы, что они вместе со всей нацией будут вести войну до полной победы над немецким империализмом. Рабочие этой клеветы на них,

за отсутствием печати и свободы слова, опровергнуть не могли, буржуазия же свои доводы подкрепляла патриотическими манифестациями студентов и подонков общества. 9 октября московские студенты «императорского» Университета, Института инженеров-путейцев, Лазаревского Института и других высших учебных заведений прекратили занятия, пели вечную память защитникам «родины», «боже, царя храни» и т. д. Студенты падали ниц, присягали служить верой и правдой «царю и отечеству», шли с манифестацией к дому прадоначальника, произносили там патриотические речи, просили передать «царю-батюшке» их верноподданнические чувства. В ответ на столь трогательные чувства «царь-батюшка» прислал им следующую телеграмму:

«Москва. Градоначальнику. Передайте доброй молодежи московских высших учебных заведений, что я тронут ее чувствами любви и преданности и ценю горячую готовность ее на деле послужить родине и мне. Николай».

Когда эта телеграмма оглашалась манифестирующим студентам, буржуазные сынки обнажали головы, раздражались криками ура и продолжали манифестировать, подходя к посольствам дружественных держав, выражая везде и всюду холопскую преданность варварскому царизму¹⁾.

Попытка части шанявцев и студентов Петровской сельско-хозяйственной Академии, сохранивших свое революционное достоинство, протестовать через буржуазную прессу против столь гнусного холопского поведения перед «царем-батюшкой» московского студенчества не удалась. Редактор «Русский Ведомостей» проф. Мануйлов, давши предварительное согласие студентам поместить их протест, категорически отказался это сделать, когда ознакомился с его текстом. Шанявцы ограничились выпуском нелегальной листовки, петровцы же и этого не смогли сделать, так как полиция многих из них арестовала.

Буржуазия усиленно распространяла слухи, что вскоре будет образовано либеральное министерство, будут проведены большие реформы, объявлена политическая амнистия и прочее. Эти слухи проникли даже в печать. Насколько кадеты верили или хотели верить в гражданский мир, можно видеть из записки виднейшего члена Государственной Думы, кадетского «златоуста» Маклакова, к московскому градоначальнику по поводу ареста меньшевика Никитина. Вот содержание этой записки:

«Многоуважаемый Александр Александрович:

Я раз пять до поздней ночи звонил вам по телефону, но безуспешно; теперь я уезжаю к себе в имение и, следовательно, не имею возможности вас повидать. А между тем мне необходимо представить нечто на ваше усмотрение.

Несколько дней тому назад здешнее Охранное отделение арестовало помощника присяжного поверенного А. М. Никитина. Я не знаю причин и поводов и даже допускаю поэтому, что с точки зрения охраны он может казаться опасным; он все же выступал

¹⁾ Подробно о поведении московского студенчества во время войны см. брошюру тов. Меницкого «Рабочее движение и социалистическое подполье Москвы в военные годы».

кандидатом в Думу от с.-д., но с политической точки зрения этот арест крайне вреден и несвоевременен. Никитин—человек слишком заметный и широко популярный в торгово-приказничьем мире. Он их юрисконсульт. Его все знают так же твердо, как я сам, все уверены, что, кроме агентурных сплетен, против него ничего нельзя выставить».

Маклаков был прав: против Никитина, действительно, ничего нельзя было выставить, «кроме агентурных сплетен». Никитин был большой барин и до войны с рабочими был связан постольку, поскольку давал советы членам обществ, в которых он состоял юрисконсультом, т.-е. в рамках «легальных возможностей». Инициативная же группа меньшевиков, членом которой состоял Никитин, сколько-нибудь больших корней среди рабочих не имела, а существовавшие связи держались его помощником Розенфельдом. Никитин же 28 июля был арестован, действительно, на основании «агентурных сплетен», т.-е. доноса провокатора. Вот что инкриминируется полковником Мартыновым Никитину.

«В самое последнее время с началом военных действий против Германии и Австрии Никитин повел усиленную агитацию против войны, делая попытки воздействовать на рабочих и солдат и предполагая, для большей усиленности пропаганды, оборудовать технику, дабы иметь возможность периодически выпускать соответствующие листовки.

Признавая, что при сложившихся обстоятельствах Германия должна быть разбита, а Россия будет праздновать победу, реакция восторжествует с новой и невероятной силой, а все, что достигнуто рабочим классом за последнее десятилетие невероятными усилиями и жертвами, — пропадет даром. Наоборот, поражение России поставит правительство в безвыходное положение, и социал-демократия сможет продиктовать ему свои условия. Поэтому необходимо напрячь все усилия, чтобы помешать России отпраздновать победу».

Будучи близко тогда знаком с Никитиным и его помощником по должности и единомышленником Розенфельдом, я убежден, что донос провокатора был ложен. Никитин, насколько мне известно, не стоял на пораженческой точке зрения, и мы уже выше говорили о их взглядах, выраженных Розенфельдом. В записке Мартынова говорится, что «Никитин повел усиленную агитацию против войны», но где, как и когда, записка Мартынова ничего не говорит, да и нам, работникам того времени, об этом ничего не было известно.

«Поэтому, — продолжает Маклаков, — его арест в настоящее время будет полн как желание под шум народного бедствия сводить счеты с политическими недругами. Это будет неправда, но это так поймут, а этого нечем будет опровергнуть, так как суду Никитина вы не предадите».

Тут, действительно, верх кадетского легкомыслия — будто бы «это неправда», что правительство «под шум народного бедствия сводит счеты с политическими недругами». Как раз в это время царское правительство, прикрываясь патриотическими чувствами, более чем когда-либо расправлялось со своими политическими противниками.

«Я знаю, — говорит Маклаков, — что в правительстве есть разномыслие во взгляде на то, какая политика теперь достойнее и разумнее, и что близорукие люди могут порадоваться всякому предлогу показать, что ничто не переменялось, что власть бодрствует и никого не боится. Их я не собираюсь в чем-либо убеждать. Но с другой точки зрения, на которой, я не сомневаюсь, стоите и вы лично, если не стоите как представитель министерства внутренних дел, с точки зрения тех, кто дорожит общественным спокойствием и патриотическим примирением, возможностью отложить выражение распри, с этой точки зрения арест А. Никитина по своим вредным последствиям не окупит той пользы, которую вы от него ожидаете».

Маклаков убежден, что в правительстве существует разногласие по вопросу о гражданском мире, поэтому он пускает все красноречие, чтобы убедить Адрианова и продолжает:

«Я пишу об этом лично вам не только потому, что по опыту знаю и глубоко ценю то внимание, с которым вы до сих пор относились к моим просьбам этого рода, но и потому еще, что в данном случае речь идет не о спасении невинного человека от незаслуженной неприятности, а о таком политическом акте, который бросает палки в колеса всем тем, где бы они ни стояли, кто понимает, что прежняя политика провоцирования населения несвоевременна. Если вы лучше меня знаете, что числится за Никитиным, то я лучше вас вижу, как этот арест отразится на психологии обывателя, и потому я молчать не могу».

Маклаков говорит о психологии обывателя и ни слова о рабочих. Это, конечно, не случайно; тут были две причины: первая, что арестом Никитина возмущались прежде всего кадеты и обыватели, — мелкая буржуазия, точку зрения которых он выражал и которые верили в лояльность правительства. Но рабочих этот арест несколько не удивил, а лишь только лишний раз подтвердил правильность их отрицательного взгляда на гражданский мир. Во-вторых, умный кадет умышленно не хотел тревожить сердце «его превосходительства» упоминанием о рабочих, которые, несмотря на всю тяжесть положения, не переставали беспокоить власть имущих. Вот почему Маклаков холопски продолжает:

«Еще раз убедительно прошу вас, Александр Александрович, оценить арест Никитина в связи с переживаемым моментом; пока все идет хорошо, но не надо искушать терпение».

Здесь уже намек на «терпение» рабочих. Ведь Маклаков и Адрианов не тупицы; они знают, что обыватели, на которых выше ссылается Маклаков, сколько угодно и что угодно будут терпеть, а если даже и допнет их «терпение», то они дальше холуйских петиций (просьб) или бумажных протестов не пойдут. Господина Маклакова беспокоило «терпение» рабочего класса, настроения которого столь умный политик не мог не видеть. Адрианов внял мольбам господина Маклакова, и, несмотря на приговор полковника Мартынова запечь Никитина в Туруханку¹⁾ сроком на три года под гласный надзор полиции,

¹⁾ Дело М. О. О. № 716. Записки Мартынова к градоначальнику.

он был освобожден. Но тем усерднее, тем свирепее «под шум народного бедствия сводило счеты» правительство с рабочим классом и продолжало разгром рабочих организаций. Ибо г-н Никитин — одно, а рабочий класс и рабочие организации — совсем другое, можно сказать «совсем наоборот».

Время шло, но желанных для кадетов и оборонцев реформ не было видно. «Царь-батюшка», несмотря на крепкие публичные в Государственной Думе поцелуи Миллюкова с Пуришкевичем, к власти кадетов не призвал. Кадеты пытались обидеться, пускали слухи, что английское правительство предложило Николаю II ввести реформы. Кадетская газета «Речь» пыталась намекнуть правительству на реформы, но ее за это стегнули хворостиной пятитысячного штрафа. В ответ на все это буржуазная пресса с удвоенной энергией стала раздувать шовинизм и травлю против немцев. Рассказывали рассказы о зверствах «варваров»-немцев, рассказывали, что якобы нашим пленным немцы режут уши, носы и другие части тела.

Рабочих прямо-таки оглушили этим звоном и бумом. Более сознательных рабочих, чем строители, провести, конечно, было трудно. Все же некоторая часть рабочих была втянута в общий водоворот патриотического угара. Что же касается строителей, то все члены общества, наслушавшись на работе всяких росказней, по окончании работ тянулись в единственный свой культурный уголок и политический центр — профессиональное общество. Благодаря тому, что члены общества почти ежедневно приходили в правление, у нас там велись беспрестанные споры на тему о причинах и задачах войны. Я, занимая одну квартиру с правлением общества, всегда находился в кругу спорщиков и давал направление этим спорам. Мне в два-три дня удалось переговорить со всеми теми товарищами, которых предполагали ввести в кружок. Разговоры дали положительный результат.

4 сентября 1914 года состоялось второе заседание правления, на котором стоял один важный и большой вопрос о порядке связи с массами и работы среди них. Для выполнения этого мы тогда нашли одно средство: поскорее создать институт «выборных» (делегатов) от предприятий, где имеются члены общества, и через их посредство вести работу среди массы строительных рабочих. Правление постановило немедленно произвести выборы «выборных», — от 5 членов общества одного, — и на 10 сентября созвать собрание «выборных». После заседания, выждав, когда уйдут «лишние» люди, мы открыли заседание группы. В первоначальный ее состав входило около десятка человек: т.т. Жалков, Нечаев, Сапронов, Клоков, Шелахов и еще несколько человек, фамилии которых не помню.

На повестке дня стояло два вопроса: отношение к войне и связь с другими профессиональными обществами. За поддержку войны очень определенно высказался товарищ Шелахов и за свои взгляды на войну из группы незаметным образом был впоследствии удален. Тов. Жалков высказывался против войны, но выражал свои сомнения, можно ли в интересах сохранения общества так прямолинейно и резко вести агитацию, как это ставит, мол, Сапронов, провозглашая лозунг: война — войне. Все остальные товарищи целиком и полностью были согласны

со мной; согласился со мной в конце концов и тов. Жалков, и группа голосами всех против одного Шелахова приняла резолюцию против войны. Резолюция была из конспиративных соображений устной, на бумагу не была записана. По второму пункту была принята единогласно следующая резолюция:

«Поручить тов. Сапронову войти к другим профессиональным обществам с предложением о создании ЦБ» (Центральное Бюро профессиональных союзов), которое во время предвоенных арестов было разрушено.

На другой же день после упомянутого заседания группы я отправился в общество булочников и вместе с их секретарем тов. Гусевым наметил тех лиц, с которыми нужно предварительно переговорить.

ЦБ удалось создать не сразу, так как никто не мог предоставить квартиру. Все говорили, что их квартиры скомпрометированы. Было поручено таковую найти мне, и после долгих поисков я остановился на комнате тов. Зыкова, в квартире Лапшина, сговорившись предварительно с женой последнего. Первое собрание ЦБ удалось устроить только в конце сентября.

Из конспиративных соображений явка была назначена не на квартире предполагаемого собрания, а в трактире на Сенной площади; из трактира же, разделившись на две части (одна часть в сопровождении тов. Зыкова, другая в сопровождении меня), выйдя через двор, направилась на квартиру тов. Лапшина. Предварительно мы никому не сообщили места собрания. На этом заседании присутствовали представители от обществ: булочников — тов. Гусев, архитектурно-строительных рабочих — Сапронов, кондитеров — Абентум, золото-серебряных — Женя — фамилии не помню, от мануфактуристов — фамилии не помню, кошелечников-портмонетчиков — фамилии не помню, от металлистов — Соколов (provokator), деревообделочников — Комаров (provokator), портных — Ионов, а позже Власов, «стекло и фарфор» — Соколов.

Представителей от общества поваров и официантов, вследствие того, что их правления были оппортунистическими и оборонческими, мы на свое заседание не пригласили. Не знаю, по каким мотивам не было приглашено и «общество торговых служащих», от которого, по всей вероятности, присутствовал бы Поскребухин. С другими же обществами (их было 2 — 3) у нас не было связей.

На заседании ЦБ у нас стояло два вопроса: о связи между профессиональными обществами и их совместной работе. Было решено организовать постоянное нелегальное ЦБ, каковым и назвало себя данное собрание. Второй вопрос — отношение к войне. Печатник Алексеев усиленно высказывался против обсуждения этого вопроса по тем мотивам, что это не дело профсоюзов, а дело партий, профсоюзы же должны заниматься своей профессиональной работой. Когда же было решено вопрос обсуждать, Алексеев рьяно высказывался за поддержку войны, но почувствия на этом собрании не встретил, так как все остальные оказались большевиками: была принята резолюция против войны. Было ли донесение относительно этого собрания в охранку, — нам установить по документам не удалось. По всей вероятности, таковое донесение

было, так как на этом собрании присутствовало два provokatora. Кроме того, тогда же за всеми нами была установлена слежка; усиленная слежка также началась за обществом архитектурно-строительных рабочих, у ворот которого постоянно дежурили 2—3 шпика. Как нам впоследствии удалось выяснить, шпик дежурил в коридоре дворницкой, которая находилась против квартиры общества, прорезав в стенке этого коридора специальное окошечко. Мы тогда подозревали о существовании внутри нашего общества provokatorов, так как общество, с точки зрения благонадежности, было далеко не безгрешным, и об этом, судя по шпикам, знала охранка.

На первом делегатском собрании, которое происходило 14 сентября 1914 года, мне был кем-то из товарищей поставлен вопрос:

— «Товарищ Сапронов, скажите, почему и зачем была объявлена война, и можно ли было России не участвовать в этой войне?» — Я ответил, что вопрос этот очень интересен, но что он чисто-политический, наше же общество является профессиональным, ставящим своей задачей и целью экономическое улучшение положения строительных рабочих, и что по закону мы не имеем права обсуждать поставленный вопрос, так как последствием этого могут быть аресты и закрытие общества. Поэтому я лишен возможности дать ответ на столь интересный вопрос. На это тот же товарищ возразил, что ведь здесь нет ни полиции, ни шпиков из охранки, и что никто не может узнать об этом, если мы обсудим этот вопрос, не записывая решений наших в протокол. Поднялся невероятный шум: одни говорили, что нужно обсудить вопрос, другие возражали, что в интересах сохранения общества не нужно этого вопроса обсуждать, но после долгого спора решили громаднейшим большинством обсудить вопрос о войне, но этого обсуждения не заносить в протокол и никому, нигде об этом не рассказывать; в случае же, если придет полиция, говорить, что обсуждали те вопросы, которые предусмотрены повесткой дня.

Меньшинство в несколько человек, голосовавших против обсуждения этого вопроса, подчинилось поставленным большинством собрания требованиям. Таким образом я начал делать доклад, который был выслушан с громаднейшим вниманием, хотя несколько раз был прерываем репликами. По моему докладу выступили против — тов. Шелахов и живописец Егор, который через некоторое время был избран членом ревизионной комиссии, и некоторые другие. В связи с докладом разгорелись страсти, и прения затянулись, а затем была почти единогласно принята предложенная мною резолюция. В протоколе этого собрания присутствующими записано только 9 человек делегатов, присутствовали же целиком правление и ревизионная комиссия и просто члены общества, всего, вероятно, более 30 человек, так как комната, хоть и небольшая, была набита битком.

После этого собрания у нас еще чаще стали вестись беседы на тему о войне и с еще большей страстностью. Определились две фракции: фракция большевиков — противников войны и фракция меньшевиков — оборонцев. Последняя была очень незначительна.

Наша партийная ячейка через посредство выборных, правление и ревизионную комиссию начала вести, наряду с чисто профессиональной

работой, усиленную агитацию против войны. Общество быстро приобрело популярность; несмотря на окончание строительного сезона и раз'езд строительных рабочих по деревням, Общество продолжало расти по тогдашним временам довольно быстро, что видно из протоколов делегатских собраний. В протоколе от 2 ноября, напр., видим:

«Из доклада правления выяснилось, что в Обществе на первое ноября имеется 208 членов, а на второе — 225».

Таким образом за два месяца общество выросло с 113 членов до 208, а с первого по второе ноября, т.-е. за один день, это Общество увеличилось на 17 членов. По тогдашним временам это количество было довольно значительным, так как Общества наиболее передовых рабочих тогда прозябали и хирели.

Может быть, вследствие того, что Общество наше только начинало свою деятельность и еще не испытало арестов, оно и было одним из наиболее активных как в профессиональном, так и в партийном отношении.

Упомянутая выше партийная группа довольно быстро стала расти, и ее вскоре пришлось разделить на две, а затем на три группы, и уже через полтора-два месяца в рядах нашей партийной организации насчитывалось около 30 человек.

Уже тогда мы стали встречать затруднения в руководителях нашими группами. Своих сил у нас не было, я лично был загружен чисто профессиональной работой, связью с другими профсоюзами, организацией групп и лишен был возможности готовиться к докладам и быть пропагандистом; другие товарищи также не могли выполнять эту работу, связи же с интеллигентскими силами нашей партии у нас не было, да и последние в то время держались из конспиративных соображений в стороне от партийной организации, которая имела тогда среди профсоюзов.

Легальная работа Общества велась усиленно. Всем членам и кандидатам правления и ревизионной комиссии, а также выбранным делегатам были розданы опросные листки, и они на местах производили запись членов, предварительно их обрабатывая и затем вводя в Общество. Каждый товарищ вербовал одного-двух членов в неделю, а наиболее активные догоняли до пяти. В этом отношении отличался тов. Клоков.

С первого же дня своего существования правление обратило особое внимание на культурно-просветительную работу; правление вошло в соглашение с «Обществом народных развлечений» на предмет представления ему театральных билетов, которые последнее имело на льготных условиях, а затем мы самостоятельно вошли в соглашение с театром Незлобина, дирекция которого представляла нам на галерку 30-копеечные билеты по 12 копеек.

При помощи этих билетов мы вели борьбу с пьянством и пр.

На одном из первых заседаний правление ассигновало на библиотеку 10 рублей, затем были устроены для этой же цели добровольные сборы пожертвований, которые шли довольно-таки ходко, — жертвовали деньгами и книгами. Вскоре правление ассигновало еще 10 рублей, а затем с 1 ноября в библиотечный фонд стали отчислять

15% из всех поступающих сумм в Общество. Вскоре у нас образовалась довольно-таки большая библиотека.

Правление выработало анкету и стало собирать сведения об условиях жизни и быта строительных рабочих. В этой анкете рабочие должны были ответить на вопросы: квартирные условия, харчи, зарплата, обращение со стороны десятников и хозяев с рабочими, об охране труда и пр.

Собирающие сведения товарищи раз'ясняли рабочим, что правление собирает сведения для того, чтобы успешней бороться с подрядчиками, вследствие чего эта работа имела успех, и рабочие из разных мест приносили сведения об условиях жизни и работы. Вопрос об условиях труда строительных рабочих часто ставился на заседании правления, и важнейшими вопросами повестки дня делегатских собраний были доклады с мест. В этих докладах строители бесхитростным языком рисовали мрачную картину своей жизни. Все строители, собственно говоря, жили приблизительно в одних и тех же условиях тяжелого гнета и беспощадной эксплуатации. Когда на собраниях строители начинали друг перед другом повествовать мрачные картины, то у всех немедленно просыпалось чувство человеческого достоинства и сознание необходимости классовой борьбы. Все эти доклады, разумеется, реально в смысле немедленного улучшения их положения ничего не давали, тем не менее все товарищи с большим жаром всегда повествовали о своем житье-бытье, и с наименьшей охотой слушались эти доклады. Доклады с мест, таким образом, были одним из средств агитации.

К сожалению, нельзя было тогда записывать того, что говорилось на делегатских собраниях, но и то, что теперь сохранилось в протоколах, очень много говорит тем, кто участвовал в тогдашней работе. Каждая строка протокола поднимает целый рой мыслей и воспоминаний. Из протоколов, напр., видно, что у подрядчика Столбова — сырые, грязные квартиры, отсутствие самых элементарных гигиенических условий, рабочие работают «сроками», а по праздникам целый день работают за гривенник. У Цигеля и Маршака — 11-часовой рабочий день, расценки низкие. Аскерию за сверхурочную работу платят по обыкновенной цене, рабочие нужны, но он их берет не иначе, как на сдельную работу. У подрядчика Лаубе — тяжелые условия работы, но рабочие смотрят на Общество как-то с недоверием; когда их спрашиваешь, почему они не записываются, то говорят: «некогда», или «подожду, что у вас выйдет». Трубогончарный завод в Ростокине: рабочие стремятся к организации, к духовному развитию. У подрядчика Козырева — невыносимо тяжелые квартирные условия, нищенская заработная плата. А вот так называемые «трудовые артели»: первая трудовая артель живописцев — 12-часовой рабочий день, антисанитарная квартира, среди рабочих забитость и неорганизованность; артель Хованских — 11-часовой рабочий день, тяжелые условия работы; Владимирская артель маляров — рабочий день свыше 10 часов.

Как мы видим, так называемые «трудовые» артели, которые организовались с целью борьбы с эксплуатацией предпринимателей, теперь сами превратились в более худших эксплуататоров. Рабочий день в трудовых артелях 11—12 часов, в то время как у подрядчика рабочий

день был в 10 часов. А вот так называемое «Мясницкое квартирное товарищество», которое ведет работу хозяйственным способом: тут тяжелые условия труда, несвоевременная выплата за работу. У других подрядчиков такие же тяжелые условия: низкая заработная плата, грубое обращение с рабочими, беспощадная эксплуатация и пр.

Все это строительные рабочие вскрывали на своих собраниях и призывали сплотиться в одну мощную организацию для борьбы со своим злейшим врагом — капиталом.

Правление приняло меры, чтобы облегчить положение безработных. Для этого из средств Общества было постановлено выдавать пособия из фонда безработных, который составлялся из 30% всех поступающих сумм Общества и из добровольных пожертвований.

20% этого фонда могли расходоваться немедленно, а 10%, как отмечено в протоколе, составляют «запасный фонд безработных», т.е. скрытый стачечный фонд. О порядке выдачи пособия безработным в протоколе правления от 1 октября имеется следующее постановление:

В фонд проценты отчислять со дня организации Общества; выдачу пособий производить не ранее 1 апреля 1915 года. Срок, на который выдавалось пособие, — три недели; холостому члену выдается — 20 коп. в день, женатому прибавляется на каждого члена семьи по 5 коп., но не более 35 коп. в день. Члену, у которого живет семья в деревне, выдается как холостому. За отсутствием средств зимою пособия не давались.

Хотя пособие, как видит читатель, было установлено очень мизерное, но, говоря без преувеличения, этот пункт в нашей агитации играл не малую роль. Фактически пособием до самой Февральской революции почти никто не пользовался, — не потому, что не было нуждающихся, а потому, что каждый предпочитал позаниматься у товарищей, но не ослаблять Общества.

Правление организовало для своих членов бесплатную юридическую помощь и дешевую медицинскую. Строители, имеющие связь с деревней, немедленно стали пользоваться юридической помощью не столько в борьбе с подрядчиками, сколько при разрешении всяких земельных и других споров в деревне. Правление строго следило за тем, чтобы никто из членов Общества не пользовался наемным трудом. Однажды было выяснено, что член Общества Груздев берет сдельно работы и себе в помощь нанимает поденных. Правление решило: сдельная работа допускается и в крайних случаях допускается брать себе в помощь, но не иначе как безработных членов Общества (если таковые есть), и на товарищеских началах. А Груздеву было заявлено, если он еще раз позволит подобные вещи, то будет исключен из членов Общества.

На заседаниях правления Общества и делегатских собраниях часто подымался вопрос о закрытом в 1907 году Обществе архитектурно-строительных рабочих. У членов Общества было большое желание найти какие-либо следы остатков старого Общества. Нас больше всего интересовали архивы; кроме того, враждебные рабочей организации люди пускали слухи, что в старом Обществе оставались деньги, и их прикарманила себе ликвидационная комиссия. Этот вопрос также не

раз подымался на заседаниях правления Общества и на делегатских собраниях — с целью выяснить вопрос, нельзя ли отыскать членов ликвидационной комиссии и те деньги, которые, якобы, остались от старого Общества. Так как, юридически, мы никаких прав на имущество старого Общества не имели, то в протоколе по этому поводу зафиксировано следующее. — Один из присутствовавших членов задает вопрос: «Правда ли, что старое Общество передало свое имущество будущему, такому же Обществу?». По этому вопросу собрание постановило: «Поручить правлению найти ликвидационную комиссию старого Общества и запросить, в чем выразилась деятельность таковой, и в каком положении находилось в последнее время Общество. И о результатах доложить».

Тут же на делегатском собрании одним из старых членов Общества, чтобы рассеять легенды о каких-то оставшихся деньгах, было заявлено, что от старого Общества не только не оставалось никаких денег, но у него не было даже чем платить за квартиру. Попытка правления найти какие-либо архивы старого Общества не увенчалась успехом. Вызванный некто Царев, бывший член правления Общества, состоявший членом «трудоной» артели, заявил, что часть архивов во время обыска забрала полиция, другая же часть была забрана неизвестно кем, и он, Царев, потерял своих товарищей из виду и не знает, где и что теперь можно найти.

Все наши поиски старого Общества не увенчались успехом.

Общество наше стало пользоваться популярностью не только в Москве, но и в других городах. Стали поступать письма из Шуи, Иваново-Вознесенска, Тулы, Богородска и других мест. Подрядчики стали побаиваться: некоторых из них привлекли к судебной ответственности, а некоторые, хотя и не было рабочей печати, протащили в желтой «Копейке». Начавшаяся была дружная работа вскоре осложнилась некоторой фракционной борьбой; правда, борьба была неравной, так как так называемые меньшевики почти никакого значения не имели, а наша партийная организация все больше крепла. Вскоре обескураженный Шелахов подал в отставку и, несмотря на все уговоры остаться, ушел из правления.

Все больше и больше стала налаживаться овязь с другими союзами. 8 октября 1914 г. происходит второе заседание ЦБ, на котором мы обсуждаем вопрос о том, как усилить профессиональную работу. Вопросы, касающиеся исключительно партии, решили на этом собрании не обсуждать, так как, как мы уже видели, в ЦБ участвовал меньшевик Алексеев. В частной беседе с некоторыми товарищами мы решили начать работу по восстановлению МК. Для этой цели решили создать партийное объединение из групп, организованных при профессиональных союзах.

О вышеуказанном заседании ЦБ охранка была информирована, и в моем «личном деле» имеется донесение Соколова — «Кондуктора», что Сапронов

«был на собрании представителей некоторых профессиональных обществ для выяснения вопроса о состоянии профессиональных обществ в настоящее время как представитель от Общества

архитектурно-строительных рабочих, происходивших 8/X с/г., в доме № 21, по Тишинскому пер., в квартире неизвестного»¹⁾.

В середине октября в «Обществе народных развлечений» или в помещении булочников²⁾ было устроено узкое партсовещание, на котором приезжим товарищем из Петрограда был сделан доклад о войне, с точки зрения тезисов ЦК, которых тогда у нас еще не было. Самых тезисов он нам не привез, а лишь передал ответ нашей фракции 4-й Государственной Думы на телеграмму Вандервельде, в которой последний призывал русских рабочих и социал-демократию поддерживать русский царизм в войне с немцами. В ответе говорилось, что великий конфликт, разразившийся между так называемыми цивилизованными народами, не может оставить российскую социал-демократию безучастной, но это участие предусматривается не в той форме, которую хотел бы Вандервельде, т.-е. не в форме защиты русского самодержавия, а в борьбе с этим самодержавием. Ответ говорит:

«Учитывая в полной мере антидемократический характер прусской гегемонии и прусского милитаризма, мы, русские социал-демократы, не можем забывать и другого, не менее опасного, врага рабочего класса и демократии, а именно, русский абсолютизм. Русский царизм, так же, как и прежде, является выразителем беспощадного угнетения и беспредельной эксплуатации рабочих масс и преследования их организаций. Все социалистические газеты закрыты, рабочие организации распущены, аресты и ссылки без суда продолжаются». Дальше в воззвании говорится, что если русский царизм выйдет из войны победителем, то он не только усилит реакцию внутри страны, но будет также оплотом международной реакции. Поэтому теперь перед русской социал-демократией стоит задача не поддержки царизма, а «борьба с господствующим в России режимом за очередные революционные лозунги». — «Только таким путем, — говорит дальше ответ, — мы сослужим действительную службу и русскому рабочему классу, и всемирной демократии, и социалистическому Интернационалу». Роль Интернационала неизбежно должна будет возрасти под напором трудящихся масс, которым война откроет глаза и заставит их выступить на борьбу с капитализмом и империализмом за осуществление социалистического идеала»³⁾.

Этот же товарищ нам сообщил о настроениях петроградских рабочих, о работе фракции Государственной Думы, о том, что в Петрограде восстановлен петроградский комитет РСДРП, который ведет, несмотря на все трудности, восстановление пострадавшей перед войной и в ее начале петроградской организации, что комитет выпустил листовки против войны. Это была наша первая после объявления войны связь с Петроградом и более или менее точная информация об отношении к войне ЦК и петроградских товарищей.

¹⁾ Дело М. О. О. Сведения А. З. № 23.

²⁾ «Общество народных развлечений», булочники и металлисты находились в одной квартире — Троицкая 15.

³⁾ Ответ Вандервельде полностью помещен — «Канун 17 года», А. Шляпников, стр. 41.

В Москве к этому времени в нашей организации не проявлялось ни одной листовки; перед 17 октября усиленно распространялась лишь эсеровская листовка, призывающая прежде к победе, потом к революции. Организация же продолжала оживать, и во всех профсоюзах усиленно организовывались партийные группы, на что, разумеется, не замедлила обратить свое внимание охранка.

На 16-е октября 1914 г. у строителей было назначено заседание правления. К этому времени у нас было довольно-таки большое количество приобретенных книг, и мы любовно их рассматривали и сортировали, что можно ставили в шкаф, а конфискованные складывали ко мне в комнату с тем, чтобы потом организовать передвижные нелегальные библиотечки. Перед заседанием правления л. познакомил присутствующих с содержанием ответа Вандервельде. Была прочитана упомянутая эсеровская листовка, — рассматривали также конфискованный и закрытый перед войной журнал «Рабочий Труд».

Жалков хотел уже открыть заседание, но я попросил его подождать и наскоро вынес нелегальную литературу и подsunул ее с улицы в печурку под полом нашей же квартиры. Вбегаю обратно в квартиру и говорю Жалкову: «Ну, теперь можешь открывать». В этот момент сзади раздалась команда: «Ни с места».

Я думал, что кто-нибудь из строителей шутит, но — увы! Оглянувшись, я увидел в дверях нашей маленькой комнаты стоявшего высокого, плечистого помощника пристава, а сзади — с полдюжины «фараонов».

Тут же у меня мелькнула мысль, что погибло наше Общество. Наряд полиции так быстро вошел за мной в квартиру, что я был убежден, что он видел, как я убирал литературу, и, конечно, забрал ее из «хранилища». На лицах всех выразилось недоумение, но раздумывать было некогда. Полицейский объяснил, что все находящиеся здесь задерживаются, и что он, мол, должен произвести в «Обществе архитектурно-строительных рабочих» — обыск. Тогда Жалков заявляет, что обыск может быть произведен только на основании ордера московского охранного отделения, поэтому он его просит предъявить.

Полицейский ехидно отвечает: «А-а, грамотный народ» и дал нам с тов. Жалковым посмотреть ордер, но до конца дочитать не дал, сказав: «Достаточно того, что вы видите, т.-е., что охранное отделение предписывает произвести обыск».

Немедленно же началась процедура личных обысков: выволакивали всевозможные записки из засаленных карманов строителей, но ценного, с точки зрения устанавливаемого «крамолу», ничего не находили. В помещении Общества, собственно говоря, ничего и негде было искать, так как там был стол, скамейка, несколько табуреток, никаких особых хранилищ там не было. Был один критический момент, когда полицейский начал перелистывать стеной календарь: мы были уверены, что он возьмет засунутое и торчащее из-под календаря письмо, которое тов. Жалков только что написал перед этим своему сормовскому товарищу, где он описывал московские настроения о войне и работу в нашем Обществе. Материалов в этом письме, хотя бы для того, чтобы

арестовать тов. Жалкова, было достаточно, но гроза миновала благополучно: письмо осталось.

В коридоре вдруг поднялся шум: оказывается, ко мне пришел товарищ печатник и, увидевши полицию, хотел удрать. Его захватили и тащат ко мне в помещение, а он упирается и говорит:

— Я не сюда пришел, а к своим знакомым.

В это время из одной комнаты выходит женщина и говорит:

— Это мой знакомый, он пришел ко мне.

Полицейский тогда отпустил его к ней в комнату.

Личный обыск был в самом разгаре, как вдруг является второй наряд полиции, также во главе с помощником пристава, который, обращаясь к сидевшему уже у нас полицейскому, говорит: «И вы здесь?».

Недоразумение скоро было выяснено: оказалось, что второй наряд полиции был послан для производства обыска у меня лично. Однако как в помещении Общества, так и у меня лично обыск кончился безрезультатно. Мы остались на свободе.

Этот случай не ослабил внутренне, а укрепил наш союз, так как все рядовые члены этого союза как будто бы убедились, что не так это уж страшно.

Одновременно с обыском в «Обществе архитектурно-строительных рабочих» были произведены обыски у металлистов, печатников и в нескольких других обществах. С хорошим для полиции результатом обыск был только в союзе печатников. Там каким-то путем опростоволосились, и у секретаря Общества тов. Аничкина было найдено 91 экземпляр вышеупомянутой эсеровской листовки. Насколько мне помнится, тов. Аничкин был большевиком, — и мы тогда шутя говорили: «Пострадал за чужое дело». Тов. Аничкин и с ним 4 или 5 человек были арестованы и преданы суду, а Общество печатников было признано «угрожающим общественному спокойствию и безопасности» — и закрыто. С этого момента за профессиональными союзами еще больше установилась слежка шпиков, и ухудшились условия работы. На несколько дней пришлось притихнуть и повывждать, что будет дальше.

Меньшевики, увлекаясь прагматическим миром, начали придумывать, где бы можно было продемонстрировать сотрудничество классов. Как одну из форм этого сотрудничества, они рекомендовали профсоюзам входить в правления бирж труда. К этому вопросу тогда ЦБ относилось спустя рукава и даже иронически. У нас тов. Жалков увлекался идеей участия в работах правления биржи труда. Эту идею усиленно выпячивал наш юрист Розенфельд (меньшевик). Не один раз этот вопрос обсуждался на заседаниях правления, на делегатских собраниях и даже на общем собрании членов Общества, где однажды сторонники участия победили, и даже были произведены выборы Сапронова, как представителя в Совет биржи труда при московской городской управе, где подвизалась графиня Бобринская и другие «благодетели» и «отцы» города. Но мне в этом Совете работать не пришлось, так как я был мобилизован в царскую армию, да и вообще не пришлось бы работать, так как городская управа в этом нам отказала.

Были попытки нашего Общества направить своего представителя и в правление биржи труда: мотивировалось это тем, что на бирже труда клиентами являются преимущественно строительные рабочие, и поэтому союз строительных рабочих заинтересован в том, чтобы защищать там их интересы.

На бирже труда с рабочими обращались очень грубо, были даже такие случаи, что сторожа биржи наносили рабочим побои; однажды был избит даже член нашего Общества. Мы тогда постановили передать это дело в суд. Не помню, однако, чем это дело кончилось.

Активные, организованные рабочие вели кампанию за закрытие казенки. Как известно, с началом войны была закрыта казенка, а потом началась кампания за ее открытие. Все профессиональные союзы, видевшие в казенке одно из злейших зол рабочего класса, выступили решительно за закрытие казенки, и, насколько мне помнится, ЦБ также обсуждало этот вопрос и вынесло решение бороться против казенки.

Хуже дело обстояло в Обществах поваров и официантов; так как заработок поваров и официантов ресторанов и даже служащих трактиров зависел, главным образом, от продажи спиртных напитков, то в этих двух обществах происходила ожесточеннейшая борьба. Наиболее сознательные выступали за закрытие казенки, указывая, что нельзя строить маленьким группам ресторанных и трактирных служащих свое благополучие на спаивании стомиллионного крестьянства и рабочих масс. В конце концов после долгой борьбы и под напором общественного мнения рабочего класса и в этих обществах, насколько мне помнится, были приняты резолюции против казенки.

Были опасения, что городская дума примет резолюцию за казенку, поэтому профессиональные союзы, не помню по чьей инициативе, решили послать на заседание городской думы своих представителей. Правда, некоторые профсоюзы к этому собранию относились бойкотистски, и они оказались правы. Когда в городскую думу собралось около 20 представителей профессиональных союзов, то швейцар их в зал заседаний не допустил. Они выбрали от себя делегацию и хотели направить ее к Челнокову, но и делегацию не допустили, и секретарь господина Челнокова даже не изволил принять представителей профсоюзов. Их в конце концов допустили на места для публички. Когда выступал черносотенец Котлецов, требовавший открытия казенки, он пускал в ход всякие инсинуации против профессиональных обществ, заявляя, что приводимые, мол, резолюции не есть резолюции профсоюзов, а кучки социал-демократов, и поэтому с ними нечего считаться. Представители профсоюзов, не дожидаясь результатов голосования, покинули зал заседаний с мыслью, что им нужно не ходить на такие собрания, а укреплять свои классовые организации.

Разгул шовинизма и национальной травли с каждым днем все больше и больше усиливался, однако рабочие массы, даже те, которые в первое время были увлечены общим шовинистическим угаром, все больше и больше от него освобождались и проникались сознанием необходимости классовой борьбы. Чтобы показать, насколько организованные рабочие отрицательно относились к национальной травле, приеду один характернейший эпизод.

В начале ноября «Общество народных развлечений» устроило лекцию господина Кафенгауза (полуменьшевик — полукадет) на тему об экономических причинах войны.

Первую часть лекции Кафенгауз провел довольно осторожно: шовинистический дух лишь чуть веял от его рассуждений. Во время перерыва между большевиками, с одной стороны, и Розенфельдом и двумя-тремя ликвидаторами — с другой, возник спор. Мы доказывали, что лекцию Кафенгауз строит шовинистически, тенденциозно, — Розенфельд же доказывал, что при теперешних полицейских условиях даже отъявленный большевик большего сказать не смог бы. Мы, конечно, друг друга не убедили и решили послушать, что будет дальше.

Очевидно, ободренный тем, что не было протеста против первой части лекции, Кафенгауз вторую часть начинает с национальной травли, говорит о немецких зверствах и прочее. — Аудитория предупреждающе покашливает, но лектор не унимается и говорит, что «война, в случае поражения, для русских рабочих несет нищету и голод. Немцы завоюют Польшу, Прибалтийский край, и сотни тысяч русских рабочих останутся без работы». — Вся аудитория встает, несмотря на окрик полицейского: «Прошу оставаться на местах», и все демонстративно уходит из зала. Я помню, как злобно вслед нам посматривали всколотые полицейские (на лекции присутствовали помощник пристава и два околотовных). Розенфельд, сидевший на задних скамьях с парой ликвидаторов, растерянно хватал нас за рукава и, неодобрительно покачивая головой, говорил: «Не хорошо, не хорошо».

В ответ на злобу полиции и растерянность меньшевиков рабочие иронически говорили: «Пусть его слушают ликвидаторы да полиция».

Наш лектор бросает кафедру, как укушенный бешеной собакой, и, обгоняя всех слушателей, под остроты и насмешки, схватывает с вешалки пальто и улепetyвает во все лопатки.

Это был первый и в то же время внушительный публичный протест против шовинистического угара, национальной травли и империалистической войны всех организованных рабочих г. Москвы, так как на этой лекции были представители всех профессиональных союзов.

Но этим делом не кончилось. Кой-кого ждали полицейские сюрпризы. Идя домой, мы рассуждали, что, чего доброго, после срыва этой лекции охранка может произвести аресты, и кто знает, может быть, теперь на квартирах поджидает полиция, эти рассуждения оказались пророческими: тов. Гусев, входя во двор, где помещалось Общество булочников (там же была и его квартира), увидел у дверей подозрительного типа и хотел повернуть обратно и удрать, но, обернувшись назад, увидел еще двух не менее подозрительных типов, загоразживающих ему выход к воротам на улицу. Каким-то путем он сумел из своего кармана сунуть в снег нелегальную литературу, после чего был задержан. Его ввели в помещение Общества, а там уже хозяйничал наряд полиции, производил обыск у булочников, металлистов и в «Обществе народных развлечений». Обыск кончился ничем, и тов. Гусев был оставлен на свободе.

Деятельность «Общества народных развлечений» нас не совсем удовлетворяла, так как во главе его стояла ликвидаторская публичка. Хотя при желании мы быстро могли бы овладеть им, но мы этой цели

себе не ставили по двум причинам: во-первых, потому, что это Общество имело за собой большой стаж своего существования и не было закрыто в начале войны, во-вторых, потому, что, несмотря на то, что во главе его стояли ликвидаторы, у представителей профессиональных союзов была все-таки некоторая возможность проводить через Общество свои намерения. При захвате же его большевиками Общество могло бы быть немедленно закрыто, поэтому мы решили на этом пункте не затевать борьбы. Кроме того, у нас был зарегистрирован устав клуба «Образование», — и мы решили восстановить деятельность этого клуба. Инициаторами восстановления клуба были, насколько мне помнится, т.т. Запелалов, Сидоров от золото-серебрянников и другие. От нас был там представителем тов. Жалков, а впоследствии тов. Кромин. Для обсуждения вопроса о возобновлении деятельности клуба несколько раз представители профсоюзов собирались в трактирах. В конце ноября 1914 года довольно большая группа собралась для обсуждения этого вопроса в трактире «Лира», но это собрание было сорвано не то шпижаками, не то пришедшей полицией, — хорошо не помню, — после чего были произведены некоторые аресты. Но, несмотря на все это, начатое дело оставлено не было, и, как мы увидим ниже, клуб «Образование» продолжал существовать, хотя и при тяжелых условиях и беспрестанных репрессиях.

К началу ноября 1914 г. у нас уже функционировало два органа: ЦБ и партийное объединение, называющееся инициативной марксистской группой, которая ставила своей задачей в первую очередь организовать партийные ячейки в профессиональных союзах, а также установить связь с существовавшими уже тогда партийными группами в некоторых высших учебных заведениях и по отдельным предприятиям, а затем восстановить Московский Комитет. Состав вышеуказанной группы был почти тот же, что и ЦБ: от печатников в это время совсем никто не входил, от металлистов входил молодой, не более 18 лет, энергичный товарищ Богданов, он же Казаков; от портных — тов. Власов, от деревообделочников, вместо Комарова, — кто-то другой.

В эту группу не попал ни один провокатор, но, тем не менее, имеется в охранке в моем личном деле донесение «Кондуктора» (Соколов) от 12 декабря, гласящее, что «входит (Сапронов) в организовавшуюся особую марксистскую инициативную группу из соц.-дем. представителей некоторых профессиональных обществ, поставившую целью своей деятельности создание марксистских групп при профессиональных обществах и таковых же ячеек в фабрично-заводских предприятиях».

Объясняется это тем, что тов. Казаков, входивший от металлистов в эту группу, должен был докладывать своей партийной организации о том, что делается в группе, а Соколов в этой организации играл руководящую роль. Тем не менее подробно о работе этой группы Соколов не знал, чем и объясняется лаконичность его доноса в охранку о существовании группы.

Провала группы тогда не последовало. Правда, вследствие всяких мобилизаций, работа этой группы ослабела, а потом и совсем прекратилась, и задача восстановления московского комитета не была выпол-

нена. Да и в начале существования этой группы трудно было развернуть сколько-нибудь широкую работу и не только потому, что свирепствовала реакция, но главным образом потому, что не успеешь организовать новую группу, как сейчас же об'является новая мобилизация, и большая часть группы, а иногда и вся целиком должна уходить на фронт.

Арест членов Государственной Думы для нашей партийной организации и для узкого круга рабочих, организованных в профессиональные союзы, не был неожиданностью. Для широких же рабочих масс арест депутатов, а затем правительственное сообщение как бы раскрыли глаза на действительное положение вещей. Все время буржуазная пресса кричала о патриотическом подъеме, о гражданском мире, о единодушии социал-демократической организации в поддержке войны, а тут вдруг рабочие из правительственного сообщения узнают, что:

«С самого начала войны народ русский, объединившись в сознании необходимости защищать достоинство и целостность родины, дружно, с патриотическим подъемом, помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванных военными действиями.

Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены социал-демократических обществ, которые поставили целью своей деятельности, поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды. В октябре правительство получило сведения о предполагаемом созыве тайной конференции представителей социал-демократических организаций для обсуждения мероприятий, направленных к разрушению русской государственности и к скорейшему осуществлению мятежных социалистических задач».

Петроградское телеграфное агентство в специальной телеграмме разнесло по всему миру, что:

«4 ноября полиция выяснила, что заседание упомянутой конференции происходит в одном из домов на Выборгском шоссе, в 12 верстах от Петрограда; прибывший на место наряд полиции застал там одиннадцать человек, среди коих были, как потом оказалось, члены Государственной Думы: Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов и Шагов. Так как противогосударственное значение конференции не подлежало сомнению, то участники собрания, застигнутые на месте преступления, после обыска были задержаны, а члены Государственной Думы отпущены.

По поводу описанного судебный следователь Петроградского окружного суда по особо важным делам Машкевич немедленно приступил к производству предварительного следствия.

Ознакомившись с бумагами, найденными при обыске, судебный следователь постановил всех участников конференции привлечь в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 102 (ч. I) уголов. уложения, и заключил под стражу.

Вечером 8 ноября в Государственную Думу на имя председателя М. В. Родзянко поступило сообщение министра юстиции, что «члены Государственной Думы: Бадаев, Самойлов, Муранов, Шагов и Петровский привлечены к судебной ответственности по ч. I ст. 102 угол. улож. и после допроса судебным следователем по особо важным

делам при Петроградском окружном суде Машкевичем подвергнуты, по постановлению следователя, личному задержанию»¹⁾).

После этих сообщений для всех рабочих стало ясно, что мыльный взрыв трагического мира лопнул, что для них нет другого выхода, кроме революционной борьбы и свержения царского самодержавия. Поэтому, несмотря на разгром арестами и войной рабочих организаций, они снова и снова возникали, а в ноябре 1914 г. появились первые ласточки перелетного слова в виде подпольных листов, призывающих рабочий класс бороться против войны.

¹⁾ «Против течения», стр. 8.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1915 год

Упадок профессиональной и партийной работы. Настроение в воинских частях. Январское совещание интеллигенции. Девятое января. Работа «Общества народных развлечений». Отношение ЦБ к суду над депутатами и разгром ЦБ. Работа в Петрограде и связь группы строителей с Москвой. Суд над депутатами. Мисоодовщина. Доставка в Москву «Пролетарского голоса». Подъем рабочего движения. Поездка в Орел и арест. Провал типографии. Продовольственные беспорядки в Москве. Работа в клубе «Образование». Первомайские стачки. Организация и разгром ЦБ. Работа правления «Общества строителей». Продовольственное совещание. Клуб «Просвещение». Попытки к изданию легальной газеты. Нелегальная работа строителей, связь со студентами Коммерческого Института. Организация и провал МК. Приемы нелегальной работы в легальных организациях. Экономические и политические стачки. Усиление движения против войны. Биржи труда, кооперация и прочие «легальные возможности». Отношение к военно-промышленным комитетам.

К многочисленным арестам, которые тогда происходили в профессиональных союзах, прибавлялись еще об'являвшиеся тогда беспрестанные массовые мобилизации на войну, что сильно дезорганизовывало культурно-просветительную, профессиональную и партийную работу. Не успевает тот или другой союз сформировать свое правление, как оно через несколько дней разбивается мобилизацией. Только что получишь связь с тем или другим союзом через определенного товарища, смотришь, уже этот товарищ мобилизован; приходится искать новых связей. Не успеешь сколотить партийную группу, как она уже подвергается разгрому, опять-таки той же мобилизацией. Исключение в этом отношении составляли металлисты, работавшие на оборону, но и тех ставили под угрозу отправки на фронт в случае проявления ими какой-либо самостоятельности, и это не могло не отражаться на деятельности рабочих организаций к началу 1915 года.

Мобилизация нанесла тяжелый удар и «Обществу строительных рабочих»: было мобилизовано несколько членов правления и его секретарь, что нанесло количественно сравнительно слабому Обществу тяжелый удар.

Мы уже выше видели, насколько активно работало наше Общество в течение первых трех месяцев своего существования: еженедельно заседало правление, раза два-три в неделю всевозможные комиссии, и регулярно в две недели раз происходили делегатские собрания. Но с по-

ловины декабря 1914 г. работа Общества начала хиреть и к январю 1915 г. совсем ослабела. К бесконечным мобилизациям в царскую армию прибавилась абсолютная безработица. Некоторые члены правления и много выборных раз'ехались по деревням. Насколько зимой, в начале 1915 года, была слаба работа, можно судить теперь, если заглянуть в книги протокола: вместо еженедельных заседаний правления мы видим, что последнее заседание в 1914 году было 11 декабря, а в начале 1915 года первое заседание было только 22 января, т.-е. перерыв был более месяца. Что же касается делегатских собраний, то перерыв в их работе продолжался от 14 декабря 1914 г. до 19 апреля 1915 года, т.-е. всю зиму не было ни одного делегатского собрания. К разногласиям с оборонцами прибавились разногласия внутри большевистской организации; на этой почве произошли изменения в правлении Общества, что также ослабляло работу.

В других профессиональных обществах дело обстояло несколько лучше, но и там к этому времени дела основательно пошатнулись.

Вернувшись нелегально из воинской части в свой союз 23 января, я выяснил на частном совещании активных членов этого союза, что правление почти не заседало, делегаты все раз'ехались, комиссии культурно-просветительные, библиотечные и другие совершенно прекратили свою работу.

На этом частном совещании я заявил товарищам, что решил не возвращаться в часть и перейти на нелегальное положение. После споров по этому поводу товарищи решили одобрить мое намерение, и впоследствии, в интересах работы в организации, многие товарищи из строителей и других профессиональных обществ не являлись по мобилизации, а переходили на нелегальное положение и вели работу в своих организациях или же уезжали в другие места.

Несмотря на слабость легальной работы «Общества строителей», партийная группа (к этому времени осталась одна группа) продолжала существовать. Связь с другими организациями сохранилась полностью, и в некоторых вопросах наша группа даже проявляла инициативу. Представитель нашего Общества участвовал в работах по восстановлению клуба «Образование». Что же касается партийной работы вообще, то она хотя и не была об'единена одним руководством, тем не менее в значительной степени оживала: стали появляться отдельные группы и вне профессиональных союзов, главным образом в высших учебных заведениях.

По мобилизации пишущий эти строки попал в город Шую в кадровую дружину. Поместили нас в развалившуюся, с выбитыми стеклами и поломанными дверьми, старую фабричную казарму. В помещении непролазная грязь, холод, одежонка у всех плохонькая и никаких матрацев или тапчанов для спанья. Настроение среди мобилизованных не то, чтобы пораженческое, а наплевательское. Наплевать, кто победит, а лишь бы скорей домой, домой! Только и разговору слышишь: дома куча голодных детей, без корма скот, а кто же будет обсеменять поля? В победу никто не верит, учебой не интересуется, а каждый стремится как бы удрать домой, хотя бы на несколько дней. В результате каждый день числится масса людей в самовольной отлучке, а много и в бегах, и это несмотря на усиленные посты в воротах казарм и почти непро-

ходимые кордоны на вокзале. На рождественские праздники две трети солдат было в самовольной отлучке не только из кадровой дружины, но и из маршевых рот. Жестокие репрессии в виде ареста, стояния на морозе по несколько часов под винтовкой и даже отдание под суд не сокращали побегов, не улучшали дисциплины, а, наоборот, больше озлобляли солдатскую массу и создавали настроение, которое характеризовалось словами: «скорее, скорее домой», что в свое время усиливало репрессии со стороны командного состава.

Трудно было крестьянской массе привить лозунги немедленной революции, с последней у ней связывались мысли: «а вдруг убьют, расстреляют, а как же дом? На кого же останутся дети?» и пр. и пр. Но зато охотно эти массы прислушивались к словам, что война не в интересах рабочих и крестьян, а в интересах помещиков и фабрикантов, и что от победы над немцами выиграют только эти господа, лучшие же силы рабочих и крестьян будут повырезаны, а их хозяйства разорены. В таких случаях солдатская масса поддакивала и думала о том, как бы поскорее кончить войну. Но как? Когда же задашь вопрос: «Если шуйские рабочие запотестуют против войны, прекратят работу и выйдут на улицу с лозунгом «долгой войну», будете в них стрелять?». Получаешь ответ: «Оно бы, конечно, стрелять-то в своих братьев не стоило, но что же с нами-то будет? Расстреляют, — а как же дом, жена, дети?»

Как бы то ни было, почва для работы среди солдатской массы с самого начала войны была благодарная, но работать было почти невозможно: шпионаж был развит невероятный, за «неблагонадежными» лицами устанавливалась слежка, а за многими и гласный надзор. Пишущему эти строки даже в уборную приходилось ходить в сопровождении патруля. После этого ничего не оставалось, как бежать из части и перейти на нелегальное положение.

Ни на какие почти болезни не обращали тогда внимания и всех инвалидов и калек гнали на войну. Подкуп, взяточничество процветали во-всю. Каждый горлапан из лавочников, буржуев и деревенских кулаков, кричавший: «война до победного конца», оставался в тылу, на снабжении и на обороне или же в тыловых частях, подготовлявшихся для усмирения рабочих. Полиция, жандармерия от призыва в армию освобождалась. Все это вместе взятое еще более увеличивало недовольство и было хорошим материалом для нашей агитации против войны.

Приехав в Москву, я узнал, что здесь в начале января происходило объединенное совещание петроградской и московской интеллигенции, на котором обсуждались вопросы об отношении к войне и к меньшевистской думской фракции. Тов. Жалков, докладывая об этом совещании, указывал на то, что оно ничего серьезного из себя не представляло, по одному тому, что на нем были слишком разношерстные люди: не только меньшевики, но и такие господа, как госпожа Кускова и Прокопович. Большевики там были в меньшинстве¹⁾

¹⁾ Ив. М е н и ц к и й. «Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914—1917 г.г.)», — опубликовывает состав упомянутого совещания в следующем виде: Алексей Максимович Никитин, Софья Моисеевна Зарецкая, Любовь Николаевна Радченко, помощник присяжного поверенного

Жалков ругал большевистскую интеллигенцию за то, что она идет на совещание со всякой сволочью и до сих пор сторонится от рабочих организаций; никого, мол, не затянешь с докладом на рабочую группу.

На этом совещании подымался вопрос о признании меньшевистской фракции в Государственной Думе выразительницей идей социал-демократии в целом. Хотя это предложение не было принято, но все же принятая резолюция, предложенная Максимом Горьким¹⁾, была весьма расплывчатой, говорившей о том, что при сложившихся условиях эта фракция может быть выразительницей идей социал-демократии в целом. Все присутствующие при докладе тов. Жалкова смеялись и говорили: «Для того, чтобы фракция стала выразительницей идей соц.-демократии в целом, а следовательно, интересов рабочего класса, не требуется резолюции питерской и московской интеллигенции, а требуется активная деятельность самой фракции, из которой вытекало бы признание этих действий в интересах рабочего класса самим рабочим классом».

На мой вопрос, голосовали ли большевики за предложенную Горьким резолюцию, тов. Жалков ответил, что нет, большевики голосовали против. Они предлагали свою резолюцию, которая была отвергнута, и они ее полагают самостоятельно послать в социал-демократическую (меньшевистскую) фракцию Государственной Думы.

Вопрос об упомянутом январском совещании был поставлен на одном из заседаний лекционной комиссии «Общества народных развлечений», где были представители от всех профессиональных союзов. За поздним временем этого вопроса обсудить, однако, не успели.

Заседание лекционной комиссии в «Обществе народных развлечений» происходило 9 января 1915 г. Это заседание было посвящено, между прочим, событиям 9 января 1905 года. Была почтена вставанием память погибших и пелись революционные песни. Об этом заседании мы имеем в делах охранного отделения донесения двух провокаторов.

Провокатор «Рязанский» (Комаров) доносит, что Жалков «был 9 января 1915 года на заседании лекционной комиссии Общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений, где почтили вставанием и пением революционных песен память погибших товарищей 9 января 1905 года». Провокатор «Ярославский» (Бороздин) дает об этом заседании полный отчет охране:

«Вчера вечером в помещении Общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений состоялось собрание объединившихся лекционной и экскурсионной комиссий, оставленных, как известно, из представителей местных профессиональных обществ.

Валериан Иванович Яхонтов, Владимир Павлович Милютин, Иван Иванович Скворцов, Сергей Николаевич Прокопович, Екатерина Дмитриевна Кускова, Петр Гермогенович Смирнов, Максим Горький — Пешков Алексей Максимович, Василий Николаевич Лосев, Петр Павлович Маслов, всего до 25 человек.

¹⁾ По донесению провокатора «Пелагея» (Романов) на этом совещании была принята предложенная Максимом Горьким следующая резолюция: «При сложившихся обстоятельствах на оставшуюся в Государственной Думе соц.-дем. фракцию выпадает роль представительства соц.-демократической партии в целом; поэтому она политически и морально обязана перед пролетариатом считаться в своих выступлениях с мнением обоих течений в партии». Ив. М е н и ц к и й, стр. 35.

На этом собрании присутствовало свыше 20 человек, из коих известны: портной Отсечкин, кондитер Виноградов, деревообделочники: Боролин, Митрофанов, Запелалов и Комаров, служащий в союзе потребительских обществ Росин, архитектурно-строительный рабочий Жалков, булочник Легостаев и из Общества народных развлечений: Альперович, Савельева, Василий Тимофеевич Иванов, Волков и Орлов.

Председательствовал Легостаев. По открытии заседания Виноградов сделал доклад о результате переговоров его с доктором Грановским об устройстве лекции на тему об алкоголизме, из коего было видно, что Грановский изъявил согласие прочесть лекцию, согласно просьбе рабочих, осветив затрагиваемый вопрос не с точки зрения медицинской, а общественной.

Ввиду того, что подобная лекция вряд ли была бы разрешена, решено к заявлению о разрешении этой лекции приложить конспект лекции, составленный в совершенно невинном духе.

Само собою разумеется, для того, чтобы получить разрешение, все проекты, будь это конспект лекции или программа вечера, составлялись в духе совершенно невинном, а затем программы расширялись в зависимости от того, кто из полицейских присутствовал на данном вечере или лекции. Многие вечера и лекции нам не разрешались, несмотря на их совершенную невинность. Происходило это, как мы теперь видим, потому, что раньше наших заявлений о разрешении градоначальник получал донесения провокатора, из которых узнавал, какая суть скрывается под невинной программой или конспектом.

Такая же участь постигла лекцию Грановского. Провокатор, описав, как и какие происходили выборы на упомянутом собрании, продолжает:

«Иванов доложил, что недавно в Москве происходило какое-то совещание, на котором обсуждались вопросы об отношении к Российской социал-демократической фракции Государственной Думы и к бюджету, и была вынесена по этому поводу резолюция».

Под словами «какое-то совещание» надо понимать вышеупомянутое январское совещание петроградской и московской интеллигенции. Под «отношением к бюджету» — разумелось отношение меньшевистской фракции к военным кредитам, отпускаемым Государственной Думой.

«Однако, — повествует предатель, — ввиду того, что на происходившем совещании совершенно отсутствовали рабочие, необходимо и рабочим обсудить этот вопрос в правлении профессиональных обществ или еще лучше в марксистских группах, если таковые имеются при обществах, и также вынести соответствующие резолюции, которые направить во фракцию».

Это предложение за поздним временем не обсуждалось, и, таким образом, этот вопрос остался открытым».

Я теперь не помню, обсуждался ли где-либо на подобном собрании или в ЦБ вопрос о январском совещании, — но вопрос об отношении к меньшевистской фракции Государственной Думы обсуждался не только в ЦБ, но и в отдельных партийных группах, где выносились резолюции, указывавшие на то, что фракция Государственной Думы может быть выразительницей интересов рабочего класса при условии, если она сумеет

в своих выступлениях стать на строго классовую и антивоенную точку зрения. Опубликовывать эти резолюции, за отсутствием рабочей печати, не было возможности, но фракции некоторые из них, очевидно, соображались.

К концу января 1915 г. нелегальная работа в Москве усилилась. Ожидаемый суд над членами Государственной Думы большевистской фракции вызвал среди рабочих всякие разговоры и приготовления к возможным протестам. В «Обществе народных развлечений» под видом всякого рода заседаний комиссий происходили заседания ЦБ, партийные совещания и просто расширенные совещания профессиональных и культурно-просветительных обществ.

Теперь, когда имеются в нашем распоряжении материалы охранки, приходится удивляться, как она допускала подобные собрания и не закрыла «Общества народных развлечений», зная о том, что там происходит. Очевидно, она совершенно сознательно этого не делала, чтобы через него выслеживать нелегальную работу и вылавливать работников. О том, что охранка знала, что там происходило, видно из донесения провокатора Боролина от 10 февраля 1915 г., в котором он совершенно правильно освещает происходившие заседания комиссии:

«В Обществе содействия устройству общеобразовательных народных развлечений происходят по понедельникам заседания объединенной лекционной и экскурсионной комиссии, на которые обыкновенно, кроме членов этой комиссии, являются и представители различных профессиональных обществ, не состоящие даже членами Общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений, что явно противоречит уставу Общества».

Однако, в предупреждение каких бы то ни было недоразумений, в случае если бы явилась полиция, всем таким нечленам, еще до начала заседания, выдаются членские билеты, отбираемые по окончании, при чем эти билеты не записываются ни в какие книги, и фиктивность их легко доказать проверкой на месте членских билетов по книгам Общества (по той, в которую вносятся членцы Общества, и по той, в которую вносятся членские взносы)».

Такие же заседания и совещания под теми или другими предлогами происходили в обществах портных, торгово-промышленных служащих, у строителей и других. В это время появилось несколько листовок об отношении к войне и с призывом к протесту против суда над депутатами. Листовки привозились из Петрограда, издавались московскими группами Коммерческого Института, Технического Училища и другими. Но все эти группы были разрознены, не объединены, и каждая группа действовала за свой страх и риск. Связи если и имелись, то только персональные. Группы были объединены лишь существующим при профессиональных союзах Центральным Бюро профессиональных союзов, которое теперь являлось целиком большевистским; от печатников в него уже входил другой Алексеев, Петр, большевик.

ЦБ теперь разрешало вопросы не только узко профессиональные, но и партийные. Однако все попытки Центрального Бюро издать свою листовку кончались неуспехом; затруднения встречались и в составле-

нии листовки, и в технике: в ЦБ не было ни одного интеллигента, и связи с интеллигенцией почти не было.

Вскоре после заседания 8 февраля 1915 г. ЦБ было разгромлено. Члены почти все были арестованы, и с большим трудом пришлось его восстанавливать.

На заседании 8 февраля обсуждался вопрос о протесте в день суда (10 февраля) над нашими депутатами. Подробности этого заседания я узнал в Петрограде, о них мне сообщил тов. Нечаев. О том, что на указанном заседании происходило, описывать не буду, предоставляя слово по этому вопросу провокаторам.

Об этом заседании в делах охранного отделения имеются донесения двух провокаторов: «Кондуктора» — Соколова и «Ярославского» — Боролина. Оба эти донесения совершенно точно описывают происходившее заседание и одно другое дополняют. Донесение «Кондуктора» является более полным и представляет большой интерес, почему оно и приводится здесь полностью:

«Вчера вечером, по инициативе бывшего секретаря профессионального Общества рабочих хлебопекарного производства Гусева, в доме № 15, по Троицкой улице, было созвано экстренное собрание Центрального Бюро профессиональных союзов, на котором присутствовало 11 человек: булочники Гусев и Коляскин, металлист Соколов, золото-серебряник Пчелкин, стекольщик Соколов, портной Отсечкин, деревообделочник Боролин и неизвестный, архитектурно-строительный рабочий Жалков, неизвестный печатник и неизвестный экипажник (последние двое не являлись представителями профессиональных обществ).

Председательствовал Гусев, который и сделал доклад о предстоящем 10 сего февраля суде над рабочими депутатами, заявив, что булочники на заседании правления 6 сего февраля принципиально решили отметить этот день в знак протеста: однодневной забастовкой и уличными демонстрациями, но ввиду того, что выступление одних булочников не могло иметь серьезного значения, было решено вопрос о выступлении передать на обсуждение ЦБ, при чем, в случае одобрения ЦБ этого решения, произвести выступление сообща, т.е. всеми московскими рабочими.

Предложение Гусева о выступлении сочувствия не встретило, так как такое выступление было признано несвоевременным и даже невыполнимым при настоящем настроении рабочих масс, почему вопрос этот, поставленный на голосовании, был провален большинством девяти голосов против двух; в меньшинстве голосовали Гусев и неизвестный по фамилии деревообделочник.

После голосования произошел маленький инцидент: Гусев напустился на Коляскина (булочника), ругая его за то, что он не поддержал его предложения, на что Коляскин заявил, что он на собрании булочников был того же мнения, но не возражал тогда Гусеву потому, что тогда не принималось определенного решения, а только обсуждался вопрос принципиально.

Все присутствующие поддержали Коляскина, и инцидент был исчерпан.

Тогда Гусев, видимо, желая добиться хоть частичного успеха, вынул из кармана прокламацию Петроградского Комитета РСДРП, полученную им будто бы из Петрограда, и прочел таковую, в которой заключается призыв к демонстративным выступлениям в день суда над депутатами.

После прочтения этой прокламации он предложил вынести хотя бы резолюцию протеста.

Это предложение было принято, и для составления такой резолюции была избрана особая комиссия из трех, в которую вошли: Гусев, Отсечкин и Боролин.

Покончив с вопросом о выступлении, был поднят вопрос об анкете «Музея содействия труду», которая большинством голосов была признана неудачно составленной и не отвечающей интересам рабочих, почему было решено внести в нее некоторые поправки, редактирование которых было поручено той же комиссии из трех.

На этом собрание Центрального Бюро и закончилось.

В частной беседе неизвестный по фамилии деревообделочник говорил, что было бы недурно выпустить листовку, но ему было указано на несвоевременность такого выпуска, и вопрос этот даже не подвергался обсуждению.

В донесение провокатора необходимо внести некоторые поправки: листовка не была выпущена не потому, что это было признано несвоевременным, а потому, что до суда над депутатами оставался один день, и в такой срок сколько-нибудь серьезной листовки выпустить было нельзя. Кроме того, здесь были затруднения и технического характера, хотя Соколов в той же записке сообщает охранке, что

«призванный на военную службу Василий Тимофеев Иванов¹⁾ перед своим отъездом из Москвы говорил, что имеющийся у него типографский шрифт передан им какой-то группе студентов, и если он понадобится, то его можно будет получить при посредстве известной Савельевой, которая знает, где он находится».

Но об этом ЦБ в целом ничего не знало.

Заявление провокатора, что «неизвестный» печатник не был представителем Общества, не совсем соответствует действительности: я не помню, было ли к этому времени восстановлено закрытое Общество печатников. Возможно, что это Общество легально еще не было восстановлено. Таким образом официального представителя от Общества, как такового, быть не могло, но товарищ Петр Алексея (неизвестный провокатору Соколову) являлся официальным представителем большевистской подпольной организации печатников.

На этом донесении провокатора начальник охранного отделения положил резолюцию:

«Гусева и неизвестного деревообделочника, в коем нужно полагать Запелалова, а также их связи заарестовать сегодня же».

¹⁾ Тов. Иванов — большевик, член союза торговых служащих, был приятелем Поскребухина.

О том, что неизвестный деревообделочник был действительно Запевалов, а неизвестный печатник был Алексеев, охранка знала из донесений провокатора «Ярославского» — Боролина. Резолюция полковника Мартынова с 9 на 10 февраля была приведена в исполнение ¹⁾, и товарищи Гусев, Запевалов, строитель Жалков, печатник Алексеев, Савельева и ряд других товарищей были арестованы и после некоторой отсидки высланы из Москвы, вследствие чего резолюция ЦБ об отношении к суду над депутатами выработана не была, так как не только комиссия, которая должна была редактировать эту резолюцию, но и почти все целиком ЦБ было арестовано.

После этого разгрома ЦБ было восстановлено не сразу, так как в связи с арестами были потеряны связи, и их приходилось искать.

Тогда группа, существовавшая при союзе металлистов, во главе с товарищами Казаковым и Маленковым, не без участия провокатора Соколова, решила в интересах конспирации действовать самостоятельно. Ими был приобретен тектограф, и они решили выпускать листовки. Но их предприятие не увенчалось успехом; они, очевидно, Соколовым были преданы: в ночь на 14 марта полиция нагрянула и товарищей Казакова и Маленкова застала за работой.

Возвратимся к деятельности Общества архитектурно-строительных рабочих. Как мы выше видели, Московское Общество строителей стало пользоваться известной популярностью не только в Москве, но и вне ее, и мы вполне официально, легальным путем, вели переписку с отдельными многогородными товарищами. Когда я окончательно решил не являться на военную службу и перейти на нелегальное положение, тогда наша группа решила отправить меня в Петроград и возложить на меня обязанность получить там связи с нелегальной организацией строительных рабочих, если таковая там существует, если же нет, то организовать ее. От имени ЦБ мне было поручено наладить связь с Петроградом. В Петроград я приехал в конце января 1915 г. по явке к булочнику тов. Абрамову, жившему на Выборгской стороне (Варваринская улица). Тов. Абрамов и ввел меня в группу булочников, от которой я вошел потом членом Городского районного комитета.

В это время, несмотря на уже начавшийся подъем рабочего движения и существование многих партийных групп на Выборгской стороне, — районного комитета там не было. Поэтому отдельные партийные группы входили в городской район, который в описываемое время был самым сильным районом в Петрограде. Наряду с ним существовали районные комитеты — Нарвский, Васильеостровский и другие, существовал и петроградский комитет партии, в распоряжении которого была типография (оборудовалась вторая), выпускались листовки и готовилась к изданию нелегальная газета «Пролетарский Голос».

Через несколько дней по приезде в Петроград я получил связь с членом петроградского комитета тов. Андреевым ²⁾, по профессии

¹⁾ Цитируемые донесения провокаторов «Ярославского», «Кондуктора» и «Ярославского» имеются в личном деле тов. Жалкова № 138 орг. соц.-демокр.

²⁾ Не помню, подлинная ли это фамилия этого товарища, или это была его нелегальная фамилия. Впоследствии я с этим товарищем встретился на VI Съезде,

лепщиком, у которого были связи с отдельными товарищами, членами закрытого Общества строительных рабочих. Организации, однако, среди них не существовало. Тов. Андреев целиком был поглощен работой петроградского комитета; собирал членские взносы, работал в типографии и проч.

Получив от тов. Андреева связи со строителями, я тогда взялся за организацию среди них группы. Первая наша группа была не чисто партийная, а профессиональная, так как в нее входили два эсера. Партийная же группа наряду с профессиональной у нас создалась немножко позже. Обсудив тогда вопрос о создании легального Петроградского профессионального Общества строительных рабочих, мы пришли к заключению, что при существующих полицейских условиях восстановить легальное существование профессионального объединения строительных рабочих не представляется возможным, и поэтому перед нами стоит задача расширить и укрепить нелегальную организацию строительных рабочих.

В Петрограде я несколько дней искал работу, пока меня не пригласил с собой на работу член нашей группы тов. Гаврилов, который брал ее сдельно, у домовладельцев непосредственно (по выражению маляров, «побирался»). Однажды, отправляясь утром на работу, он мне говорит:

— А знаете, куда мы идем работать?

— Куда?

— В школу охранного отделения, — отвечает Гаврилов.

Я немножко опешил.

— Вы не пугайтесь, — продолжал Гаврилов, — этак лучше. Когда вы будете там работать, и шпики будут вас знать, они никогда не будут устраивать за вами слежку. Напротив, сами будут от вас прятаться.

И, действительно, когда работаешь в этом доме, то шпики, идя мимо вас, стараются всегда отвернуться и не показывать своего лица.

Внутри самой школы мне работать не пришлось, а лишь пришлось наблюдать, работая в этом доме, как приходили и уходили шпики, мужчины и женщины, старые и молодые. Их было, очевидно, около ста человек.

Тов. Гаврилов, которого знал управляющий домом, как благонадежного, несколько раз работал внутри этой «школы» и рассказывал мне следующее:

«Шпики, наряду с исполнением своих обязанностей, проходили известные курсы; им там преподавали разного рода предметы, необходимые для шпики; по стенам были развешены фотографические карточки всевозможных видов, костюмы высших учебных заведений, погоны и значки, отличающие учебные заведения, а также форма воинских частей. Школа эта занимала две квартиры на шестом этаже дома, стоявшего на стрелке двух больших улиц, и из окон этих квартир можно было наблюдать на далекое расстояние на все четыре стороны».

он был членом петроградского комитета, а затем работал в ГПУ и, кажется, в 1922 г. умер от чахотки.

Вскоре наша группа выпустила хорошо отпечатанную листовку, печатание которой выполнял упомянутый тов. Андреев в нескольких тысячах экземпляров; она была распространена в Петрограде и в Москве. Эту листовку было поручено написать студенту, руководителю нашей группы, но она им была написана слишком интеллигентским языком, совершенно непонятным для строительных рабочих. Поэтому было поручено написать мне проект листовки, который был принят с некоторыми поправками. Я помню, у нас был спор: один из товарищей настаивал, чтобы наряду с «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» было бы поставлено: «В борьбе обретишь ты право свое», и чтобы не подписывать — «Группа марксистов», а просто «Группа революционных строителей». Мотивировал он это тем, что среди строителей много рабочих с эсеровским уклоном, и с принятием его предложения листовка будет иметь большой успех. Само собой разумеется, мы это предложение отклонили, удовлетворив его настояния тем, что в тексте листовки употребили слово *борьба*. Приводим полностью текст этой листовки:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Товарищи строительные рабочие!

Настало время борьбы! Весь рабочий класс готовится к бою за свои права и за лучшую жизнь. Только строительные рабочие спят непробудным сном, как будто им живется хорошо. На самом деле строительный рабочий — настоящий раб: длинный рабочий день, низкая заработная плата, спим на чердаках, в сараях, подвалах, на постройках, на верстаках и под верстаками, вместе с дворовой собакой; едим всякие отбросы, тело покрываем грязными лохмотьями. Неужели вы можете быть довольны такой жизнью? Неужели вы допустите, чтобы она досталась и вашим детям? Взгляните, товарищи, как мы гибнем, под тяжким гнетом капитала! Вспомните катастрофы на стройках у Залимана в Петрограде, у Бровкина и Титова в Москве и на многих других, под развалинами которых похоронена не одна тысяча ваших товарищей. А дети их ходят оборванные и просят корку хлеба и этих несчастных гонят отовсюду; а если жена буржуя и подаст копейку, то называет себя «благотельницей». Капиталисты же за наши пот и кровь пользуются всеми земными благами, живут в роскошных дворцах, раз'езжают в автомобилях. Для угнетения же трудящихся масс устраивают тресты и синдикаты («союзы и соглашения»). Когда же рабочие пытаются улучшить свою жизнь, продажное правительство ссылает, вешает и расстреливает непокорных. Всю же эту шайку бандитов берет под свое покровительство палач Романов. Когда же разрослось рабочее движение, и всей шайке вампиров прозвизжала неминуемая гибель, то эти палачи объявили братоубийственную войну, лишь бы спасти подгнивший строй; они призывают забыть внутренние распри с врагами рабочего класса и посылают вас избивать братьев ваших — немецких рабочих, ко-

торых их правительство также насильно посылает на эту бойню, как русское правительство вас. Арестуют и высылают наших товарищей, закрывают рабочие союзы и даже избранников народа арестовали и бросили в тюрьму. Продажная же пресса подняла национальную травлю. Объявили бойкот немецким товарам, а капиталисты торгуют ими же, только по повышенным ценам. Наемные же банды правительства устраивают погромы. Когда же стало ясно, что войной не удастся избежать новой революции, то правительство спохватилось, что напрасно подралось оно со своим верным другом, на помощь которого оно могло надеяться для подавления революции; стали вывозить последний хлеб в Германию, в то время как свое население голодает. Когда же этого оказалось мало, начали продавать военные тайны, лишь бы скорее передуть ненавистные им массы. Был раскрыт заговор, в котором шпионы оказались из ставки главнокомандующего, министерства внутренних дел и юстиции, всех свыше ста человек, во главе с жандармским офицером Мясоедовым и бароном Остен-Сакен. Вот уже восемь месяцев кровавой бойни, и что же мы видим: горы трупов, море крови, миллионы убитых и раненых, десятки миллионов голодных, а теперь надвигается новый бич — эпидемия, которая начнет косить бедноту. Товарищи! Можно ли дальше молчать? Нет, товарищи! Настало время борьбы! Организуйтесь в группы и присоединяйтесь к общей массе борющегося пролетариата! Долг наш, товарищи, взяться за святое дело борьбы и крикнуть вампирам: «Прочь ваши кровавые руки! Долой рабские окопы! Долой палачей и предателей! Долой всю буржуазию! Долой самодержавие! Да здравствует общеевропейская революция! Да здравствует Интернационал и федеративная республика Европы!

Группа рабочих-марксистов-строителей»

В это время в Петрограде работа шла куда лучше, чем в Москве. Было большое количество листовок; петроградский комитет отвечал на все злободневные вопросы и, несмотря на царившую реакцию и объявление города на военном положении, листовки усиленно распространялись. Помню один эпизод, наделавший много шума. Был расклеен какой-то строгий приказ, кажется, от имени градоначальника, направленный против рабочих. Тогда кто-то из рабочих ухитрился, оставив заголовок и подпись, вклеивать в середину этого приказа прокламации петроградского комитета, благодаря чему расклеенная листовка была обнаружена не сразу и прочитывалась массой народа.

Ко дню суда над депутатами была выпущена листовка с призывом к протесту. Эта листовка в большом количестве нами была отправлена в Москву, и ее, очевидно, цитировал товарищ Гусев на заседании ЦБ, о чем говорил провокатор Соколов. Широкого стачечного протеста в день суда над депутатами провести тогда не удалось, но отдельные стачки были. Против войны же в Петрограде высказывались гораздо

откровеннее, чем в Москве. Протесты раздавались в вагонах трамвая, на трамвайных остановках, не говоря уже о том, что на фабриках и заводах совершенно открыто высказывались мнения против войны. Рабочие с большим интересом следили за судом над депутатами. Правда, их в здание суда не пускали, своей рабочей печати не было, и приходилось удовлетворяться освещением этого вопроса буржуазной прессой. Рабочие очень волновались по поводу газетных сообщений о неустойчивом поведении некоторых подсудимых и высказывали предположение, что буржуазные газеты дают неправильные отчеты о суде и поведении подсудимых. Помню, у нас на квартире почти ежедневно происходили жаркие споры с двумя анархистами, которые обвиняли некоторых подсудимых, видных большевиков, в трусости. Им товарищи, Башмаков и Абрамов, доказывали, что, во-первых, при настоящих условиях, когда может грозить расстрел, не обязательно нужно выкладывать царскому суду все на-чистоту, и, во-вторых, мы не знаем насколько буржуазная пресса правильно освещает ход суда. Когда же уходили анархисты, тов. Башмаков, скорбно вздыхая говорил: «А ведь анархисты во многом правы. Поведение некоторых товарищей на суде выдержанным назвать нельзя».

Приговор суда для рабочих был неожиданным. Оправдания, конечно, никто не ждал, но ждали более сурового приговора, и когда последний был опубликован, то рабочие не без основания говорили, что, ввиду начавшегося рабочего движения, царский суд побоялся вынести более суровый приговор избранникам рабочего класса.

Дороговизна в это время в Петрограде давала себя чувствовать. Хвосты у булочных все больше и больше росли, и в то же время беспрестанно обозы везли муку на Финляндский вокзал. Все обыватели, стоявшие в очередях, обвиняли правительство в том, что оно вывозит хлеб в Германию, и, очевидно, эти обвинения имели основание. Во всяком случае какую-то почву под собой имели, так как, как читатель мог видеть в вышеприведенной листовке строителей, правительству предьявлялось то же обвинение.

К этому еще присоединились шпионаж и предательство в ставке Николая Николаевича, что вызвало сильное возмущение не только среди рабочих масс, но и обывателей и облегчило нашей партии вести агитацию против войны.

К концу марта 1915 г. петроградским комитетом был выпущен первый номер нелегальной газеты «Пролетарский Голос», листовка б мясоедовщине и другие. Вся эта литература усиленно распространялась по фабрикам и заводам Петрограда, а также большое количество было отправлено в Москву с тов. Козловским («Дятель»)

Вскоре, благодаря плохому климату, ухудшившему состояние моего здоровья, мне пришлось из Петрограда уехать. Оставив тогда паспорт тов. Нечаева, по которому я жил, одному товарищу, я взял паспорт тов. Башмакова, решив через Москву поехать в какой-нибудь из южных городов. К этому времени типография петроградского комитета отпечатала большое количество «Пролетарского Голоса», листовки о мясоедовщине, имелись и остатки листовки строительных рабочих. Не использовать поездки для транспорта упомянутой литературы, конечно,

было невозможно, — и мы отправляемся с тов. Андреевым на Лиговку¹⁾, упаковываем там два тюка литературы — один для Москвы, другой для петроградских районов — и отправляемся пешком, наметив маршрут по Суворовскому проспекту на Охту, а затем на Выборгскую сторону.

Прошли не больше ста шагов, как за нами сейчас же увязались два шпики. Увидав ношу, они, очевидно, почуяли добычу и шли за нами не на расстоянии, а по пятам. Мы пытались переходить улицу, итти шибко, вообще теми или другими способами от них увильнуть, но это нам не удавалось. Тогда тов. Андреев на углу Лиговки и Невского подходит к группе проституток и начинает с ними «торговаться», а затем зовет меня и говорит: «цена подходящая». Тогда мы в сопровождении этих проституток направились прямо навстречу шпикам, последние растерялись и недоуменно смотрели нам вслед, а затем, решив, очевидно, что ошиблись, преследование оное прекратили. Увидав, что за нами все чисто, мы решили продолжать свой путь и совершенно благополучно добрались на Охту; сдали транспорт Андреева одному товарищу, кажется, Пороховского завода, а затем отправились ко мне на квартиру. Уложив «Пролетарский Голос» в свою корзину, листовку строителей и о мясоедовщине тщательно завернув в сверток, я отправился на Николаевский вокзал.

Прибыв из Петрограда в Москву, я прямо с вокзала явился к товарищам Журавлеву и Нижулину, которые тогда работали в булочной Филиппова, в Подвесках. Немедленно же мы разгрузили привезенный мною транспорт, распределив его, главным образом; между партийными группами при профсоюзах, которые должны были распространить все привезенное среди рабочей массы.

Воззвание к строительным рабочим почти целиком передали нашему Обществу; другим же дали всего по несколько экземпляров для ознакомления. К себе на квартиру я, по вполне понятным причинам, конечно, не заглядывал.

В этот период, в течение 1—2 недель, из Петрограда в Москву, очевидно, было привезено несколько транспортов литературы. В моем личном деле и в личном деле тов. Кромина в охранке, имеются донесения по этому вопросу трех провокаторов. Провокатор «Воскресенский» — Буксин, донося о приезде из Петрограда в Москву за шрифтом от имени об'единенной организации меньшевиков, очевидно, от имени «межрайонки» (тов. Покунина), между прочим, сообщает:

«Как теперь выясняется, листовки из Петрограда на пасхальной неделе были привезены в Москву печатником Комаровым и каким-то архитектурно-строительным рабочим и одно время были спрятаны в помещении профессионального Общества архитектурно-строительных рабочих, о чем было известно только немногим лицам, в том числе члену Общества Кромину»²⁾.

¹⁾ На Лиговке близ Николаевского вокзала в квартире портного, если не ошибаюсь, по фамилии Шляхова, происходили заседания районного комитета, а иногда и петроградского комитета; в этом же доме или там же поблизости находились типография и склад литературы.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП от 20 апреля 1915 года. № 59. Дело М.О.О.

«Евгений» — Поскребухин запиской в охранку от 28 марта доносит:

«На Пасху из Петрограда приезжал неизвестный по фамилии социал-демократ, привезший в Москву большое количество экземпляров № 1 «Пролетарского Голоса» — органа петроградского комитета РСДРП.

Кому именно он передал эти листки, неизвестно, но известно, что он был в профессиональном Обществе рабочих хлебопекарного производства, где на второй или на 3-й день Пасхи сделал доклад на тему: «Очередные задачи пролетариата в настоящий момент».

Булочникам он оставил большое количество экземпляров этого листка, часть коих сегодня увезена Журавлевым в Мытищи, где им будет сделан доклад на указанную выше тему.

Туда же завтра утром уезжает и архитектурно-строительный рабочий Жалков, недавно высланный из Москвы и проживающий здесь где-то без прописки.

В Мытищах они будут видаться с высланным из Москвы Запаловым, работающим теперь там, кажется, в местном заводе.

Часть этих листовок уже получила распространение, так как вчера они были в незначительном количестве в клубе «Образование» и в «Обществе содействия устройству общеобразовательных народных развлечений» у Савельевой, сегодня же вечером в количестве 60 экземпляров неизвестным по фамилии булочником отнесены в профессиональное Общество рабочих и работниц портновского производства».

(Экземпляр «Пролетарского Голоса» прилагается¹⁾.)

В охранке сделали заметку, что неизвестный — это Сапронов, Тимофей Владимирович, однако это не соответствует действительности. Охранка была введена в заблуждение отчасти потому, что в это время Москва из Петрограда была наводнена нелегальной литературой — а главное, вероятно, донесением «Ярославского» — Боролина, который к 19 апреля дает сведения, что

«после Пасхи в Москву приезжал из Петрограда бывший секретарь профессионального Общества архитектурно-строительных рабочих в Москве, Сапронов, проживавший в Петрограде под чужим именем, так как он скрывался от призыва в действующую армию.

Из Москвы Сапронов уехал в Орел, где и предполагает устроиться, очевидно, тоже под чужим именем.

В Москве Сапронов побывал у некоторых лиц, которым передал вышедшие в Петрограде листовки, при чем сообщил архитектурно-строительному рабочему Нечаеву и булочникам Журавлеву и Никулину (ныне арестованным) несколько петроградских адресов для письменных сношений на предмет получения из Петрограда листовок.

С Сапроновым виделся также проживающий на М. Бронной ул., в д. № 15, кв. 3, студент Тележников, который находится в сношениях с Нечаевым»²⁾.

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 28 марта 1915 года. № 44. Дело М.О.О.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП от 19 апреля 1915 года. № 57. Дело М.О.О.

Провокатор Поскребухин прав, что «на Пасху из Петрограда приезжал неизвестный»..., но неправа охранка, что якобы этот неизвестный был Сапронов; прав провокатор Буксин в том, что на Пасху из Петрограда был привезен листок (мне неизвестно, приезжал ли из Петрограда в Москву какой-либо печатник Комаров), но неправ, что якобы листовки привезены «каким-то архитектурно-строительным рабочим». На Пасхе, действительно, в Москву привезли большое количество «Пролетарского Голоса» и еще какую-то листовку, но привезший был не архитектурно-строительный рабочий Сапронов, а железнодорожник петроградского узла Николаевской жел. дороги тов. «Дятел». Тов. «Дятел» имел служебный проездной билет и, воспользовавшись служебной поездкой в Москву, забрал только что вышедший из-под станка «Пролетарский Голос», взяв у меня явку к О. В. Сапроновой и сдал ей литературу.

Вот эту-то литературу хранил некоторое время тов. Кромин, о котором доносит в охранку провокатор Буксин. Другую часть литературы тов. «Дятел» передал булочникам и «на второй или на третий день Пасхи сделал доклад», о котором доносит охранке Поскребухин. Для Поскребухина да и для всех москвичей тов. «Дятел» остался неизвестным. Связи с Петроградом он оставил, кажется, только одному тов. Нечаеву, да и то связь эту он оставил не с собой лично, а с кем-то другим. Я же в Москву приехал несколько дней спустя после т. «Дятла», т.-е. «после Пасхи», как правильно доносит провокатор Боролин, и привез действительно большое количество «Пролетарского Голоса» и другой литературы. Но Боролин, очевидно, в интересах того, чтобы казаться охранке более осведомленным или чтобы на этом деле больше заработать, сообщает охранке больше, чем было на самом деле. Никакого студента Тележникова я не видал и до сих пор не знаю, был ли вообще таковой, а мое с ним свидание — выдумка провокатора.

Несмотря на усиленную реакцию, рабочее движение в Москве ожидало. Суд на депутатами всколыхнул самые отсталые слои рабочих масс. Разрозненная наша организация пытается использовать начавшееся оживление и создать московский центр, но неудачно.

После ареста ЦБ 9 февраля впоследствии было создано новое ЦБ, но гораздо слабее прежнего, и его деятельность проявлялась слабо. Но движение самих масс и распространенность нелегальной литературы заставляет охранку шевелиться. Везде и всюду шныряли шпики, производили непрестанные обыски. Перед моим приездом был произведен у товарищей Хрящикова и Кромнина (которые тогда занимали помещение в одной квартире с Обществом строителей) безрезультатный обыск. Поводом к этому обыску, очевидно, послужил известный нам приезд тов. «Дятла».

У квартиры товарищей Никулина и Журавлева, где я остановился, беспрестанно дежурили шпики. Можно было ежеминутно ожидать полиции. Ночевок надежных абсолютно не было, квартиры все были скомпрометированы, и мне волей-неволей приходилось думать о немедленном выезде из Москвы. Вот почему я в Москве долго оставаться не мог.

Не имея возможности тогда получить связи с Киевом или с Харьковом, куда я думал поехать, я вынужден был воспользоваться связью, полученной от тов. Лосева к высланному тогда из Москвы под надзор полиции в Орел Мусатову. Туда я и выехал после двухдневного пребывания в Москве.

Несмотря на все принятые мною меры предосторожности, я уже был провален. Очевидно, тов. Нечаев, который был очень близок с провокатором Боролиным (последний помогал ему оборудовать типографию), проболтался о моем приезде, и тот донес охранке. Охранка же вслед за мной сообщает об этом в Орел.

В Орле никакой партийной организации вообще не было, не было и организации среди строительных рабочих. Сидеть без всякого дела у меня не было никакого желания. Пришлось из Орла уезжать. На вокзале я был задержан; меня сразу же уличили, что я не Башмаков. Несмотря на то, что я прожил в Орле две недели, моя квартирная хозяйка не знала ни моего имени, ни фамилии. Но когда я стал уходить, она спросила, как моя фамилия. Собираясь уезжать и думая, что я ее больше не встречу, я машинально сказал: «Дудкин». Когда же меня с вокзала приводят прямо на оставленную мною квартиру и спрашивают квартирную хозяйку, не знает ли она меня, последняя отвечает:

— Да, господин Дудкин поселились у меня на квартире.

Я тут же был уличен в обмане.

При обыске у меня было найдено несколько зашифрованных адресов в Петрограде и Москве; на вопрос, что это такое, я жандармам ответил, что это старая записка размера стекла, которые я вставлял. Был найден также пузырек с жидкостью для смывания паспортов. Я указал, что эту жидкость дали мне в аптеке для выжигания бородавок, и жандарм выбросил ее из корзинки.

Московская охранка в это время начала усиленную переписку с департаментом полиции и с петроградской охранкой. В Петрограде напали на следы типографий петроградского комитета и накрыли ее. Упомянутые нами выше товарищи «Дятел» и Андреев были, насколько мне помнится, застигнуты при печатании второго номера «Пролетарского Голоса» и арестованы, а затем сосланы на каторгу.

Московская охранка установила усиленную слежку за профессиональными Обществами булочников, архитектурно-строительных рабочих и др. В частности велась усиленная слежка за товарищами: Никулиным, Журавлевым, Кроминым и Нечаевым.

Несмотря на всю слежку, с наступлением весны усилилось рабочее движение. Была выпущена листовка протеста против ленских расстрелов 4 апреля и начала вестись подготовительная работа к первому мая. Центр нелегальной работы из «Общества народных развлечений» переносится в клуб «Образование». Клуб подвергается жестоким преследованиям — его члены арестовываются. Тем не менее он продолжает свое существование и объединяет работу всех профессиональных союзов.

Работников подполья в их действиях подбодряло не только движение рабочих, но и волнение обывателей. Недовольство на почве дороговизны, отсутствие хлеба, хвосты — все больше и больше создавали

брожение не только среди рабочих, но и среди обывательских масс. Недовольство войной стало высказываться во всеуслышание, и это недовольство в конце концов, в начале весны, в апреле месяце 1915 года, вылилось в продовольственные беспорядки. На Преображенском рынке одна женщина ударила помощника градоначальника Модля камнем, затем толпа потащила его в реку топить, и грозный начальник стал умолять толпу: «Простите, братцы, я ничего плохого вам не сделал».

Такие же беспорядки были на Сенной площади, на Пресне и в других местах.

Строительный сезон 1915 года был очень плохой, была большая безработица. Наше Общество от зимнего застоя оживало весьма слабо, но в нелегальной работе оно играло активную роль: в клубе «Образование» активно работали товарищи Кромин, Хрящиков и Нечаев. Общество строителей также проявило инициативу и в организации ЦБ, участвовало в экскурсиях и пр.

В апреле месяце 1915 г. охранка обратила свое усиленное внимание на клуб «Образование» и решила с ним покончить. Получив сведения, что в клубе «Образование» ведется подготовительная работа к первому мая, и что 23 апреля в нем должно состояться расширенное заседание ЦБ для обсуждения первомайского праздника, охранка поспешила закрыть этот клуб и перед этим произвела аресты. Среди арестованных были Журавлев, Никулин и ряд других товарищей. Но эти аресты не остановили действий московских организаций.

Подготовительная работа к первому мая велась усиленно, проводились нелегальные собрания, и вопрос о первом мая обсуждался также во всех профсоюзах под видом заседаний правлений и разного рода комиссий. Но все эти работы велись порознь, каждый решал вопрос за свой страх и риск. Само собой разумеется, все товарищи, участвовавшие в разных организациях, чувствовали необходимость объединенных действий и стремились к их согласованию. В конце апреля предполагалось нелегальное собрание представителей профессиональных союзов, но, несмотря на всевозможные конспиративные мероприятия, охранка узнала о предстоящем собрании и приняла свои меры: чтобы предупредить упомянутое нелегальное собрание представителей профсоюзов, — 26 апреля были произведены массовые аресты.

В конце апреля в Москве непрерывно происходили массовые обыски и аресты рабочих и студентов и пр., но это не мешает все-таки к первому мая некоторым группам московской организации нашей партии выпустить несколько листовок. Несмотря на все репрессии, призывы буржуазной прессы к гражданскому миру, отказ западно-европейских социал-предателей от празднования первого мая во имя национальной солидарности, московские рабочие сумели в 1915 году отпраздновать свой революционный пролетарский праздник международной солидарности частичной однодневной забастовкой¹⁾.

¹⁾ В этот день в стачках участвует 19 тысяч рабочих в 74 предприятиях Москвы. — Статья К. Войновой «Рабочее движение в Москве в 1914—1917 г.г.» в журнале «Пролетарская Революция» № 2/14, 1923 г., стр. 472.

После первого мая клуб «Образование», несмотря на его закрытие, продолжает существовать нелегально, и в него от имени строителей входит тов. Нечаев. Клуб же имеет связь и с Петроградом. Несмотря на бесконечные аресты, после первого мая связь строителей с другими профессиональными союзами начинает быстро восстанавливаться, но и тут опять-таки деятельность рабочих организаций не ускользает из поля зрения охраны. 16 мая «Ярославский» — Боролин доносит:

«Во время экскурсии в «Измайловский зверинец» (11 сего мая) по инициативе архитектурно-строительного рабочего Нечаева состоялось нелегальное собрание для обсуждения вопроса об отношении к войне.

На этом собрании присутствовало 12 человек, из коих известны: архитектурно-строительный рабочий Нечаев, председательствовавший на собрании, деревообделочник Боролин, Заботкин и Хотенков, кондитер Бондаревич, конторщик Попов и печатники Сухарев и Хромов.

На собрании деревообделочником Боролиным был прочитан составленный Нечаевым доклад о войне, трактующий о том, что настоящая война, как бы она ни кончилась, принесет пролетариату один только вред, почему пролетариат должен стремиться к скорейшему ее окончанию; достигнуть же этого можно путем широкой пропаганды идеи ненужности войны как устной агитацией, так и выпуском ряда соответствующих листовок.

Затем, по предложению того же Нечаева, был произведен сбор денег на расходы по печатанию листовок, при чем было собрано 2 рубля 21 копейка, переданные Нечаеву.

Никаких прений на этом собрании не было и ввиду позднего времени было решено прения по этому вопросу перенести на пятницу, для чего собраться в помещении Общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений в 8 часов вечера; однако это собрание не состоялось, так как почти никто не пришел⁴⁾.

Через неделю после упомянутого нелегального собрания, т.е. 17 мая 1915 г., под прикрытием экскурсии кожевников, состоялось по инициативе тов. Нечаева нелегальное собрание представителей профессиональных обществ. На этом собрании обсуждался вопрос об укреплении партийной организации и об организации техники для печатания листовок. Тут же Нечаев сообщил, что техника у него налаживается и ее, очевидно, скоро можно будет употребить в дело. У тов. Нечаева, действительно, было приготовлено фунтов 20—30 шрифта, касса, два валика и соответствующее количество типографской краски. Но так как на этом собрании присутствовало три провокатора: «Воскресенокий» — Буксин, «Валентин» — Миронов, «Ярославский» — Боролин, и последний даже помогал Нечаеву организовывать технику, — то это предприятие не удалось, и 24 мая, в день, когда было назначено новое собрание, где, как говорит агентурная записка провокатора «Валентина» — Миронова,

⁴⁾ Агентурная записка по РСДРП от 16 мая 1915 года. № 71. Дело М.О.О. № 14.

тов. Семенов должен был сделать доклад о «Московской руководящей группе», — товарищи Нечаев, золото-серебренник Сидоров, стекольщик Башмаков и целый ряд других товарищей, другими словами, вновь организованное ЦБ было арестовано. Правда, та типография, о которой шла речь, при обыске у тов. Нечаева найдена не была, но, тем не менее, вся эта группа по постановлению московского градоначальника от 13 июня 1915 г. была выслана из Москвы. Упомянутую типографию постигла такая участь: перепуганная теща тов. Нечаева ящик и валики, кажется, сожгла, а шрифт положила в мешок и выбросила в пруд⁴⁾.

Но все-таки после этих арестов работа все больше и больше развивалась: продолжались нелегальные собрания под прикрытием легальных экскурсий и т. п. В конце мая или в начале июня были даже попытки создать московский комитет. Последний должен был быть избранным на конференцию в начале июля, но предполагаемая конференция не состоялась, так как незадолго до ее созыва были произведены аресты товарищей: Альперовича, Митрофанова и других.

О том, что происходило в апреле и в мае в Москве, я в общих чертах узнал в конце мая в Орловской тюрьме, куда ко мне приехала тов. Сапронова, и у нас произошел следующий разговор через решетку в присутствии надзирателя:

«Дядя Митя взял расчет и переехал на другую квартиру в Таганку, Кузьма от нас из квартиры уехал и живет в Нижнем, трудовая артель ваша рассыпалась и теперь работает у какого-то подрядчика, кажется, в Таганке». На нашем условном языке, на котором мы вели переписку, это означало, что Нечаев арестован и сидит в Таганке, Кромин — «Кузьма» выслан из Москвы. «Трудовая артель» — это значит, что происходят массовые аресты, а кто именно был арестован, — тут приходилось догадываться; может быть, массовые аресты в Обществе архитектурно-строительных рабочих, или же массовые аресты вообще. На мой вопрос, помирился ли дядя Митя, и какие у него теперь отношения с петроградским двоюродным братцем, — она мне ответила, что отношения как будто бы наладились, и он с ним переписывался. Под «двоюродным братцем» разумелся тот товарищ, который должен был проживать в Петрограде по паспорту Нечаева. Он меня интересовал с той точки зрения, что с моим провалом и провалом тов. Нечаева он может быть раскрыт и арестован. Из переписки теперь выясняется следующее: московская охранка, очевидно, в интересах отыскания источников, откуда привозятся из Петрограда листовки, запрашивала сведения у петроградской охраны р. Сапронове, а последняя отвечала, что таковой в Петрограде не проживал. Московская охранка только 26 мая 1915 г. из донесения провокатора «Ярославского» узнает, что Сапронов в Петрограде жил по паспорту Нечаева, о чем сообщает петроградской охране.

⁴⁾ В предисловии к московскому листку «Правда» 1916 года в журнале «Пролетарская Революция» № 1 (24), 1924 г. я писал, что шрифт той типографии, в которой печатался листок «Правда» в 1916 году, был тещей тов. Нечаева выброшен в пруд, — это не соответствует действительности и явилось результатом моей забывчивости: в пруд был брошен шрифт типографии 1915 года, а шрифт типографии 1916 года был благополучно переправлен в другую квартиру.

Но перед этим я, сидя в Орловской тюрьме и убедившись, что скрывать свое настоящее имя бесполезно, открыл жандармскому офицеру свое настоящее имя, и он мне разрешил написать в Москву письмо. Благодаря этому письму стало известно, что я арестован, о чем тов. Нечаевым или тов. Сапроновой было сообщено в Петроград, и двойник Нечаева постарался из квартиры убраться. Петроградская охранка 13 июня сообщает московской, что в Петрограде по Екатерининскому каналу, в доме № 79 со 2 апреля по 26 мая действительно проживал Дмитрий Нечаев, но выбыл оттуда без указания адреса. Московская охранка петроградской на это отвечает, что у них Нечаев проживал не настоящий, а нелегальный, и что настоящий Нечаев в Москве арестован. На этом переписка двух охранок по указанному вопросу окончилась, и двойнику Нечаева удалось, по видимому, спастись, но в Петрограде, как мы выше указывали, произошло худшее: была арестована типография, в которой печатался «Пролетарский Голос».

Все вышеупомянутые аресты не могли не отразиться на росте и дееспособности нашего Общества. Лозунг всей буржуазии во время войны был «все на войну и для войны». Продукты широкого потребления перестали поступать на рынок, так как вместо ситца, сукна и других тканей, необходимых населению, фабрики стали вырабатывать лишь ткани для обмундирования армии. Ведь 10—12 миллионов солдат во что-нибудь да нужно одеть! Вместо сельскохозяйственных машин, орудий производства вообще, стали вырабатывать пушки, пулеметы, т.-е. орудия уничтожения рабочего класса и крестьянства. Вся буржуазия старалась вложить свои капиталы с наибольшей выгодой, а так как выгоднее всего в то время было обворовывать армию, то каждый к этому делу и стремился примазаться. Все домовладельцы перестали ремонтировать и строить дома и тем самым создавали квартирный кризис, который давал им возможность драть десять шкур с населения, а свободные капиталы они направляли на подряды и поставки в армию, наживая дополнительно колоссальные барыши.

Кризис строительства затруднял рост и развитие профессионального Общества строительных рабочих. Мы видели, что в 1914 году, после объявления войны, в конце строительного сезона, когда рабочие разъезжались по деревням и призывались по мобилизации в армию, все же на общем собрании присутствовало более ста человек, хотя строительные рабочие были мало осведомлены о своем Обществе. Второе собрание было 19 октября 1914 г., т.-е. тогда, когда уже фактически прекращались все строительные работы; на нем присутствовало около ста человек. Общее же собрание, которое состоялось 19 мая 1915 г., т.-е. в начале строительного сезона, когда, казалось, должен бы быть количественный рост Общества, собрал всего 52 человека, на 10 человек больше, чем было членов на общем собрании в январе месяце 1915 года, когда прекратились абсолютно все строительные работы.

Слабость работы профессионального Общества строителей летом 1915 года по сравнению с деятельностью в начале его существования видна из протокола делегатских собраний; в 1914 году, как мы выше видели, последние происходили регулярно каждые две недели, а в 1915 году за все лето было лишь три делегатских собраний. Очевидно, одной

из важнейших причин этого были беспрестанные мобилизации и новые призывы. Однако при всех этих тяжелых условиях правление нашего Общества более или менее регулярно заседало, хотя легальные вопросы, т.-е. те вопросы, которые при полицейских условиях можно было бы записывать в протокол, обсуждались очень мало. Но зато правление обсуждало, не записывая в протокол, все политические вопросы,—напр., о продовольственных беспорядках, немецком погроме, который тогда организовывался охранкой; вообще строители вместе с другими профсоюзами всеми силами стремились организовать стихию и направить силы рабочего класса на свержение самодержавия. Они принимали участие также вместе с другими профсоюзами в кампании, проводимой во время совещания врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов, посвященного вопросу о борьбе с алкоголизмом и созываемого «обществом русских врачей в память Пирогова». На этом совещании представители рабочих проводили чисто классовую точку зрения, указывая собравшимся на то, что нельзя серьезно говорить о борьбе с алкоголизмом при настоящем бесправии рабочего класса. Они проводили ту мысль, что только замена капиталистического строя социалистическим прекратит массовое зло алкоголизма, которое является злом социальным.

Быстрый рост дороговизны вызвал настолько большое недовольство среди широких масс, что даже сама буржуазия из союза земства и городов вынуждена была подумать об изыскании мер для облегчения голода, чтобы тем самым отсрочить свою собственную гибель. Одной из таких мер являлся созыв совещания по борьбе с дороговизной из представителей городов, земств, кооперативов и даже представителей рабочих организаций.

Сознательные рабочие, зная, что буржуазия попытается представителей рабочих использовать а своих интересах и в интересах войны, были настроены бойкотистски. Но так как меньшевики решили туда итти и, конечно, стали бы говорить от имени рабочего класса, а характер такого подтасованного представительства сознательные рабочие, за отсутствием рабочей печати, массам разъяснить не имели бы возможности, то, в конце концов, все московские профсоюзы решили пойти на это совещание, чтобы использовать легальные возможности этого совещания и еще раз разоблачить империалистический характер войны и настоящие причины голода.

Перед этим совещанием в московских рабочих организациях происходила большая кампания: меньшевики хотя и не имели авторитета и сколько-нибудь большой опоры в этих организациях, но, тем не менее, пытались провести свою позицию. Им это не удалось, восторжествовала точка зрения большевиков: не сотрудничество с буржуазией, а классовая борьба.

Когда буржуазия узнала о такой позиции московских рабочих, то она не рада была, что их пригласила. Но было уже поздно.

Пред этим совещанием рабочая группа на своих совещаниях наметила план работы и выработала декларацию.

На первом заседании этого совещания тов. Давыдов, начавший читать эту декларацию, был лишен слова, но все-таки во время прений

он, несмотря на лишение его слова и звонки председательствующего Челнокова, прочел ее до конца:

«Настоящий с'езд, по мысли его инициаторов, должен демонстрировать объединение всех классов русского общества на единственной задаче — национальной обороне.

От имени рабочей группы я заявляю, что такого объединения в действительности не существует.

Мы же, как и раньше, стоим на классовой точке зрения, которая является точкой зрения пролетарского Интернационала.

Наше знамя — знамя объединения пролетариата всех стран. Организация ведения войны — не наша задача.

Наша цель — путем упрочения пролетарского объединения осуществить мир.

Явившись на с'езд, мы считаем нужным заявить, что участвуем в его работах исключительно в целях освещения, с точки зрения пролетариата и широких слоев демократии, вопроса дороговизны и борьбы с ней.

Только в этих пределах мы примем участие в работах с'езда»¹⁾.

Все речи ораторов рабочей группы на этом собрании были направлены против войны, на разоблачение обмана буржуазией рабочего класса, на критику существующего строя и призывы к свержению этого строя.

Клуб «Образование», как мы выше видели, за свою революционную деятельность был закрыт. Хотя затем этот клуб продолжал нелегальное существование, но таковое существование было бессмысленным постольку, поскольку клуб имел в виду втягивать отсталые массы — во-первых, и служить легальным прикрытием для нелегальной работы — во-вторых. Поэтому после его закрытия немедленно возникла мысль об открытии на его место нового клуба. Вскоре устав такого клуба под названием «Просвещение» был утвержден, и вокруг него стали группироваться те же лица из тех же организаций, которые входили в клуб «Образование». Этот клуб сразу же взяла под свой надзор охранка, и с первого же заседания провокатор «Валентин» — Миронов доносит о том, что 27 августа в помещении профессионального общества пароваров происходило общее собрание членов этого клуба, где были произведены выборы правления, и тут же прилагает список правления, в который входили представители профессиональных союзов²⁾.

Как видно, профессиональные союзы и этот клуб пытались использовать, как центр организованных рабочих Москвы, но эту роль ему сыграть не удалось, деятельность его проявлялась слабо, и активность рабочих, о чем мы будем говорить ниже, была направлена в другие области работы.

Рабочее движение, возникшее на почве дороговизны, недовольства войной и проч., летом 1915 года не вмещалось уже в рамках нелегаль-

¹⁾ Ив. М е н и ц к и й, стр. 171. Упоминаемое нами совещание у т. Меницкого описано подробно.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП № 141. Дело М.О.О. № 14. 1915 г.

ных маленьких ячеек и вполне естественно расширяло сферу своего влияния. Московские рабочие начали усиленную подготовительную работу к изданию своей легальной газеты. Устраивались легальные собрания по этому вопросу в профсоюзах, а также на фабриках и заводах устраивались сборы. В частности среди строительных рабочих первый сбор в первой половине августа месяца дал 25 рублей, а затем эти сборы повторялись. Дело уже было на полном ходу, собралось достаточное количество средств, и в сентябре месяце предполагалось начать издание этой газеты. Но и здесь работа опять-таки натывается на шпионаж и рогатки охранки.

От 24 августа провокатор «Евгений» — Поскребухин доносит охранке, что

«в субботу 22 сего августа в квартире портного Корпункова состоялось созванное Кизельштейном собрание представителей профессиональных обществ, больничных касс и «Тверской группы РСДРП» для обсуждения вопросов: 1) об издании в Москве легальной рабочей социал-демократического направления газеты и 2) о создании центрального бюро по оказанию помощи беженцам.

Присутствовали:

- 1) от редакционной коллегии по изданию газеты — Кизельштейн;
- 2) от торговых служащих — Гончаров и один неизвестный;
- 3) от портных — Прокофьев-Сахаров и Корпунков;
- 4) от кондитеров — Абентум и председатель правления;
- 5) от металлистов — член правления Захаров;
- 6) от архитектурно-строительных рабочих — председатель правления;
- 7) от текстильщиков — председатель правления Комаров и бывший казначей Купавых;
- 8) от кошелечников — неизвестный член правления;
- 9) от центральной больничной кассы — Карасев;
- 10) от центральной кассы типо-литографии — секретарь Павлуновский и товарищ председателя больничной кассы Николаев;
- 11) от «Тверской группы» — латыш «Мартын Васильевич».

От имени «редакционной коллегии», в состав которой входили Яхонтов, Скворцов, Смидович, Милютин, Абрамов, Кизельштейн и трое неизвестных, выступил Кизельштейн, указавший, что отсутствие в таком центре, как Москва, рабочей газеты крайне вредно отражается на рабочем движении, что хорошо всегда сознавалось как руководителями рабочего движения, так и самими рабочими, однако до последнего времени издание такой газеты в Москве не представлялось по полицейским условиям возможным, и только теперь явилась возможность поднять вопрос об издании газеты, для чего необходимы не только люди, но и средства, которые «редакционная коллегия», взявшая на себя труд по изданию и фактическому редактированию газеты, рассчитывает получить от самих же рабочих.

После Кизельштейна выступал «Мартын Васильевич», стремившийся доказать, что легальная газета не может в достаточной степени удовлетворить сознательный пролетариат, и что необходимо издать не легальную, а нелегальную социал-демократическую газету, которая только и может вполне определенно осветить создавшееся в связи с войной положение и указать рабочим путь к достижению гражданских свобод.

Говорил «Мартын Васильевич» с большим подъемом, но доводы его оказались мало убедительными и единогласно против него одного было решено издавать легальную газету, что никоим образом не могло служить помехой к выпуску в нужных случаях соответствующих листовок нелегальным способом.

Затем Кизельштейном от имени редакционной коллегии было предложено принять резолюцию, которой следовало руководствоваться при редактировании газеты.

К этой резолюции «Мартын Васильевич» предложил добавить еще один пункт о том, что пролетариату совершенно безразлично, победит ли Россия или Германия.

Предложение это было отвергнуто.

Также отвергнуто предложение И. Гончарова о внесении пункта о том, что наименьшим злом является поражение России.

Резолюция была принята без всяких изменений.

После принятия резолюции было доложено, что некоторыми профессиональными обществами уже приступлено к сбору денег на газету, и пока собрано: в союзе потребительских Обществ — 142 руб., в Обществе взаимопомощи торговых служащих — 50 руб., в Обществе портных — 50 руб., в Обществе архитектурно-строительных рабочих — 25 руб., в Обществе кондитеров — 15 руб., и, кроме того, имеются сведения, что производится денежный сбор на московскую газету в г. Богородске, где уже собрано 12 руб.

Все как эти, так и вновь собранные деньги поступят в распоряжение редакционной коллегии через особую Комиссию, которая и была избрана в составе двух лиц: портного Сахарова и неизвестного торгово-служащего.

На обязанности этой Комиссии будет лежать и подыскание ответственных редакторов.

Это была временная Комиссия, так как на собрании присутствовали представители не всех профессиональных обществ; поэтому было решено, что на следующем собрании она будет переизбрана.

Так как обсуждение вопроса об издании газеты затянулось, то второй вопрос — о создании центрального бюро по оказанию помощи беженцам — совсем не обсуждался и был отложен до следующего собрания¹⁾.

Эта газета фактически была бы органом московского Центрального Бюро профессиональных союзов, но осуществить ее издание было

¹⁾ В делах охранки упомянутая резолюция не сохранилась. Агентурная записка по РСДРП № 135. Дело М.О.О. № 14. 1915 г.

не суждено: охранка заранее знала, какое направление будет иметь эта газета, кто в ней будет участвовать и насколько заинтересованы рабочие в ее выходе. Поэтому газета разрешена не была. И снова московским рабочим пришлось ограничиваться выпуском время от времени небольших подпольных листовок.

С того же времени снова начинается собирание партийных сил, сколачивание ячеек на фабриках и заводах. В той же самой записке провокатор сообщает о том, что имеется связь с Богородском, что там устраиваются массовки, на которые собирается по три-четыре тысячи человек, имеются попытки вести работу в областном масштабе, и что в Москве «Кизельштейн проектирует создать при каждом профессиональном обществе особую с.-д. группу и в этом направлении ведет соответствующую агитацию, которая имеет успех».

Но последнее не совсем соответствует действительности: тов. Кизельштейн мог вести агитацию за усиление групп, но не проектировал создание их, так как таковые группы, в особенности при профсоюзах металлистов, портных и строительных рабочих, не переставали существовать. В разное время количество этих групп было различно; часто эти группы, благодаря арестам, не объединялись общим партийным руководством и не знали о существовании друг друга. Провокатор Поскребухин также мог не знать о существовании отдельных групп, так как он вращался, главным образом, в верхах, непосредственно же низовой работы не видел, которая в это время, можно сказать, кипела.

Группы создавались, распадались, благодаря арестам и беспрестанным мобилизациям, а затем снова вырастали, как грибы, после дождя.

С другими профессиональными союзами у нас связь была попрежнему через «Общество народных развлечений». Персонально туда входил тов. Курин или Кудрявцев. Я лично из конспиративных соображений был лишен товарищами права вести легальную работу, т.-е. быть официальным членом правления Общества или вообще занимать какую-либо официальную должность, и мне было поручено заняться лишь нелегальной работой. Моей задачей было организовать партийные группы, каковых к моему приезду из орловской тюрьмы (10 сентября 1915 г.) была одна, а вскоре сформировалось три или четыре. Вскоре я получил связь со столовкой Коммерческого Института, персонально с тов. «Егором» — Мышкиным, Акоповым, «Рыжиком» (фамилии не помню), позже с Соней, Тер-Ваганяном и еще одной девицей, которая руководила нашей группой (фамилия мне неизвестна).

Вскоре мы получили частью от «Егора», частью еще откуда-то около 150 брошюр для нелегальной библиотеки. Составили из них около десятка передвижных библиотечек, которыми пользовались наши группы, а впоследствии наша библиотека стала обслуживать группы нескольких профессиональных союзов. Литература хранилась, главным образом, у тов. Шарова, который складывал ее на чердаке, распределял между группами и следил за ее целостью.

ЦБ в сентябре и первой половине октября работало слабо, с текущим составом, регулярно не собиралось, но партийные группы почти при всех профессиональных союзах существовали. У портных было две-три группы; во главе их работали Токарев, Сахаров и Бирюков;

во главе групп у металлистов стоял попрежнему провокатор Соколов и некий Кривошеин, энергичный и очень деятельный, который, как впоследствии оказалось, был тоже провокатором. Были группы у булочников, текстилей; имелись отдельные группы на заводах в Лефортове, Симонове; впоследствии была установлена связь с Орехово-Зуевым и другими рабочими центрами.

Работа по укреплению ЦБ быстро стала налаживаться, и вскоре даже был организован московский комитет. К сожалению, последнему не удалось даже начать своей работы, так как по доносу провокатора «Кондуктора» — Соколова он был разгромлен. От 28 октября 1915 г. имеется следующее донесение этого провокатора в охранку:

«Временный московский с.-д. комитет уже образовался путем избрания его членов по отдельным организациям. Пока комитет ни разу не собирался, и только было одно частное совещание некоторых членов «комитета». В «комитет» вошли:

1) От с.-д. группы портных — некий «Андрей Андреевич», старый партийный работник.

2) От Лефортовской с.-д. группы — «Петр Петрович», проживающий на Покровской ул., д. № 50, кв. 16.

3) От Тверской с.-д. группы — Петр Яков Пурин, работающий у «Дукса», проживающий по Пыхову пер., д. № 5, кв. 3.

4) Некий «Михаил», он же «Кирилл» — служащий, кажется, во Всероссийском союзе городов на Камергерском пер. (от какой группы неизвестно).

5) От Замоскворецкой с.-д. группы — неизвестный.

6) От литературной с.-д. группы — Смидович.

Пока, таким образом, в «Комитет» вошло всего 6 человек, при чем собрание всех членов комитета должно состояться в воскресенье 1 ноября где-то на Благушах»¹⁾.

К донесению этому необходимы поправки: тов. Андреев представлял не только группу портных, но и группы всех профессиональных союзов. Хотя формально выборы не производились, но связи были, и оформление предполагалось на очередном заседании представителей профессиональных союзов.

На этом донесении полковник Мартынов положил резолюцию с директивой об установлении «наблюдения за членами комитета и затем их аресте на ближайшем собрании 1 ноября».

Не помню, при каких обстоятельствах был арестован этот комитет, но несомненно то, что захватить этот комитет на самом заседании с личным, с материалами охранке не удалось. Большинство членов комитета было арестовано, и некоторые из них были высланы в Сибирь.

После этих арестов снова начинается подготовка к созданию московского комитета, и к концу 1915 г. был составлен вторично московский комитет. Над его восстановлением работали, главным образом, студенты Коммерческого Института и представители профессиональ-

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 28 октября 1915 г. № 222. Дело М.О.О. № 14.

ных союзов. Но и новый состав, не успев начать своей работы, был дезорганизован частичными арестами. Провал второго состава Комитета, насколько мне помнится, был делом рук провокатора «Евгения» — Поскребухина. К этому времени относится первое подозрение, а несколько позже фактическое его устранение от работы, хотя официально он провокатором объявлен еще не был.

К концу 1915 года рабочее движение все больше и больше развивалось. Ячейки при профсоюзах, несмотря на частые мобилизации, росли и крепились, партийная работа углублялась. Примером роста партийной работы может служить деятельность союза строителей. Этот союз вступил во второй год своего существования всего лишь с несколькими десятками активных членов, но зато все это небольшое количество членов почти целиком состояло из нелегальных ячеек.

Работа развертывалась, а квартир не было, собраний устраивать было нельзя, под кустами стало сыро и холодно. Всем известно, что строительный рабочий, даже самый передовой, жил на койке где-нибудь на кухне или в коридоре; лишь изредка на двоих имелась одна комната. Немногом лучше квартирные условия были и у других рабочих. Если и есть у кого-нибудь комната, то ее переборки настолько тошки, что сквозь них слышен малейший шорох. В таких помещениях не устроишь нелегального собрания. Многие представители партийной интеллигенции и имели квартиры, но они так конспирировали и сторонились рабочих организаций, что не только нельзя было получить у них квартиры, но и привлечь кого-нибудь из них в качестве пропагандиста было невозможно. Поэту пришлось использовать помещения легальных организаций, рискуя их закрыть. Во избежание этих закрытий приходилось прибегать к таким юридическим тонкостям: правление постановляет создать культурно-просветительную, библиотечную и другие комиссии, допустить к работе в этих комиссиях всех желающих. И вот, под видом-то этих комиссий заседали партийные группы, при чем членам союза выдавались соответствующие документы, как членам. На заседаниях правления не только обсуждались вопросы о военно-промышленных комитетах, кооперации, рабочем съезде, но и читались доклады по истории рабочего движения, об отношении к войне. Отчеты этих заседаний не записывались; их можно восстановить только в той мере, как это могло сохраняться в памяти того или другого товарища.

В протоколах записано: выдать пособие такому-то безработному товарищу. На самом деле это выдается пособие пострадавшему политическому. Или видим в протоколе такие записи: поручается тов. Н. переговорить с юристом, можно ли принимать женщин в члены профессионального Общества строительных рабочих, а в следующем протоколе записано, что, по разъяснению юриста, женщины могут приниматься в члены Общества. На самом же деле ни к какому юристу не обращались, и эта запись была произведена по следующему соображению: как мы уже выше видели, еще при выработке нами устава подымался вопрос, включать или не включать в устав параграф о том, что женщины могут быть членами Общества. Боясь, что если мы включим этот параграф в устав, то последний не будет зарегистрирован, —

мы включили в устав параграф, согласно которому членами профессионального Общества строительных рабочих могут быть все рабочие, занятые в строительном производстве; сделано это было по тем соображениям, что, поскольку нет параграфа, запрещающего женщинам быть членами Общества, постольку они могут быть членами такового. За год существования нашего Общества к нам не обратилась ни одна женщина с просьбой записать ее в члены Общества. В описываемый же период у нас в партийной организации имелась женщина, тов. Паша, по фамилии Прокофьева; она работала прислугой у какого-то доктора. Так как у нас ожидалась новая мобилизация, а затем, конечно, не было гарантий от арестов, то мы решили тов. Пашу зарегистрировать членом нашего Общества, как якобы занятую в строительном производстве, с тем, чтобы потом ее можно было избрать членом правления. Но боясь того, что, придравшись к этому случаю, полиция на формальном основании может закрыть наше Общество, мы решили это обставить юридически и якобы справиться у юриста, а потом сказать на основании протокольного постановления, что нам разъяснено, что с юридической точки зрения женщины могут быть членами Общества. Впоследствии, с легкой руки тов. Паши у нас было несколько женщин членами Общества, которые даже входили в правление. Так принуждены были хитрить и другие профсоюзы.

Мы уже выше говорили о том, что рабочее движение в нелегальные рамки вкладываться не могло. Летние экономические стачки с начала осени 1915 г. превращаются в политические. Начало сентября ознаменовывается массовым протестом против роспуска Государственной Думы: бастуют предприятия, работающие на оборону, бастуют такие заводы, как Бари, Густав Лист, Гакегталь, Гужон (3 тысячи человек), Прохоровка (4 тысячи), бастует городская электрическая станция и несколько дней стоят трамваи.

В октябре происходит целый ряд экономических забастовок; в половине октября снова останавливается трамвайное движение, и рабочие предъявляют городской управе экономические требования.

Царская охранка для подавления движения усиливает свои репрессии. Рабочие, в свою очередь, отвечают большим сплочением своих рядов и усилением стачек. Положение настолько обостряется, что горячие головы поговаривают о баррикадах. Вырастает потребность в широком легальном обсуждении рабочими организациями создавшегося положения. По инициативе бастовавшего тогда завода «Динамо», являвшегося в это время застрельщиком всех выступлений, в городской управе было созвано явочным порядком собрание представителей городских предприятий, заводов и больничных касс. Был поставлен вопрос об изыскании мер и средств для поддержки трамвайных служащих в их неравной борьбе. Пришедший на это собрание городской голова Челноков начал кричать, стучать по полу палкой, всячески ругать собравшихся и выгонял их из помещения. Председательствующий тов. Розенгольц одергивал его, препирался с ним и продолжал вести собрание. Все участники, несмотря на крики и угрозы Челнокова, оставались на своих местах, и собрание хотя и в спешном порядке, но все-таки было закончено.

перепуганные власти производят массовые аресты и высылки; начинается массовое снятие с учета военнообязанных и отправка их к воинскому начальнику; закрываются на время даже некоторые заводы, работающие на оборону, несмотря на промаднейший недостаток в армии боевых припасов. В это же время арестовываются выбранные рабочими городских предприятий делегаты для переговоров с городской управой об улажении конфликта и предаются военному суду. Забастовка этими репрессиями была подавлена, но возбуждение и недовольство рабочих масс не было остановлено, а, наоборот, все больше росло и крепло.

Вопрос об отношении к войне стал подниматься на более широких собраниях. Если в таком небольшом сравнительно профессиональном Обществе, как строители, ни одно заседание правления и культурно-просветительной комиссии не проходило без политических докладов, то, конечно, без них не обходились и более крупные союзы, созывавшие широкие собрания, с участием представителей других профессиональных обществ. Например, в начале октября 1915 г. на собрании Общества торговых служащих присутствовало представителей других профессиональных союзов более ста человек. Тов. Яхонтов начал делать доклад о войне и об отношении большевиков к участию рабочих в военно-промышленных комитетах. Вдруг—ни с того, ни с сего—он переходит на какую-то другую тему, совершенно невинную. Среди присутствующих товарищей—недоумение. Но это недоумение быстро разъяснилось: в дверях показался пристав, а за ним наряд полиции. Начались личные обыски, переписка всех присутствующих. Эта процедура тянулась до двух-трех часов ночи. Я, как сейчас помню, вынул из кармана несколько паспортов, которые в этот день приготавливал для нелегальных товарищей, подошел к разговаривавшим между собой Царику (член Общества торговых служащих) и Поскребухину и попросил их убрать этот пакет. Поскребухин мне сказал: «Суньте за шкаф». Я ему ответил, что ведь там могут найти и закроют Общество,—на что он возразил мне, что обыск в помещении едва ли будет.

Дело обошлось без арестов.

Были, однако, и более смелые выступления в присутствии полиции. Помню один эпизод.

На общем собрании портных, в присутствии помощника пристава, не помню, при обсуждении какого вопроса, выступил живший тогда нелегально в Москве золото-серебренник Сидоров и начал говорить против войны и правительства, чуть ли не призывая к свержению его. Председатель не успел лишить его слова, как помощник пристава бежит к оратору, пытаясь его арестовать. Последний бросился бежать, пристав за ним, в зале поднялась естественная, отчасти умышленная суматоха,—все повскакали со стульев. Тов. Сидоров споткнулся и упал, помощник пристава готов был уже его сцапать, но шумевшая аудитория «нечаянно» загородила ему дорогу и всячески стала препятствовать ему задержать Сидорова. Последний так и не был арестован. Собрание было закрыто, об инциденте был составлен протокол, но общество не закрыли.

На-ряду с упомянутыми собраниями и «Обществом народных развлечений» устраивались лекции и вечера, доход от которых поступал на работу организаций. Такая активность рабочих организаций вывела из растерянности колеблющуюся интеллигенцию.

К этому времени среди нее было также два размежеванных лагеря — пораженцев и оборонцев. Вышедшая книга Суханова была среди интеллигенции в большом спросе. В нашем распоряжении были уже женевские брошюры «Социал-Демократ» и «Коммунист». Правда, все это у нас было в ограниченном количестве: 3—5 экземпляров «Социал-Демократа», пара брошюр; что же касается журнала «Коммунист», то его, кажется, было не больше двух экземпляров на всю Москву; в первую очередь они попали к интеллигенции, а единственный экземпляр этого журнала в рабочие организации попал, кажется, не раньше февраля месяца. Тем не менее, этой литературой мы руководствовались в нашей работе и при помощи ее подвдвали теоретический фундамент под правильно занятую нами с самого начала войны позицию.

Меньшевики, эсеры, господа вроде Кусковой и Прокоповича и вся либеральная буржуазия всячески старались сбить рабочих с их классово-й позиции. Для этого изобретались всевозможные организации, напр., проповедывались идеи паритетных бирж труда, через посредство которых меньшевики и эсеры думали влиять на рынок труда, на культурный уровень рабочих путем устройства при биржах труда библиотек, читален и проч. Проповедывалось далее создание санитарных со-вещаний, при помощи которых эти социал-предатели думали вести борьбу за улучшение жилищ рабочих, за гигиенические и санитарные условия их существования и пр.

Следует здесь отметить происходившую в это время борьбу по вопросу о кооперации. Господа Кусковы, Прокоповичи, Головины и К°, а за ними меньшевики и эсеры придумали постигшие рабочих бедствия голода уничтожить при помощи так называемой единой кооперации. Они усиленно проповедывали организацию в единую кооперацию всех обывателей, — буржуазию и рабочих, — преследуя, конечно, одну цель: растворить среди мелкой буржуазии рабочий класс и отвлечь его от революционной классово-й борьбы. Конечно, на эту удочку московские организованные рабочие не пошли, несмотря на то, что их много и часто уговаривали, первоклассные меньшевистско-эсеровские и буржуазные ораторы.

Бывало, для заседания ЦБ или вообще какой-либо партийной группы ни за что не достанешь подходящей квартиры. Соберешься в каком-либо подвале и сидишь друг на друге, — дышать нечем. А для обсуждения вопроса о кооперации — поди какой простор! Идешь на такое совещание (тоже «нелегальное»), где должны присутствовать господа Кусковы, Масловы, Головины и пр., и смотришь: подъезд со швейцаром, мраморная лестница, а затем прекрасно обставленная квартира. Прекрасные ораторы соловьем заливаются, доказывая, какие блага принесет всеобщая кооперация. В ответ на все эти медоточивые речи рабочие по своей «простоте» и «грубости», обыкновенно, «загибали» на-счет революции, баррикад и пр., так что господа Кусковы и Головины

ерзали на своих стульях, — чувствовалось, что их это задевало, что называется, за живое.

Однажды г-жа Кускова решила в помещении так называемого «Родительского Комитета» устроить диспут на тему о кооперации. Собрались довольно много публики нерабочего пошиба. Когда мы туда пришли, то подумали, следует ли среди такой аудитории выступать. Решили, однако, выступить. Не помню, с кем-то из товарищей-портных мы наскоро составили резолюцию, условились о чем поговорить, но говорить не пришлось: г-жа Кускова на часик запоздала, а затем, вслед за ней, явилась полиция и, заняв все выходы в том числе и черную лестницу, объявила собрание незаконным. Г-жа Кускова запротестовала, заволновалась, звонила по телефону градоначальнику, но там ей никто не отвечал. Металась из угла в угол. Ничего не помогло. Началась процедура личных обысков, переписки и пр., а мы стали выработать план, как спасти нелегальных. Нашли выход: около двери зала стоял рояль; рядом с роялем стоял столик, где сидел помощник пристава, который переписывал и пропускал присутствовавших по одному; напротив его, у стены — другой столик, где сидел второй полицейский и проделывал ту же операцию, что и первый. У кого были документы или два благонадежных из присутствующих поручителя, — того отпускали; у кого же не было этого, — арестовывали. Но отпускали не сразу: за роялем и за столиком, между которыми был узкий проход, стояли городовики. Когда около них скоплялось 4—5 человек, обысканных и опрошенных, городовики их выводили на улицу и только там отпускали и затем приходили снова. Тогда мы, сгруппировавшись около рояля, как только увидим, что с той стороны рояля имеется два-три человека обысканных, подымаем легкую возню около рояля, и нелегальный — шмыг под рояль, аккуратноненько выползет из-под него по ту сторону и становится со всеми обысканными, а затем его выводят и отпускают. Таким образом нам удалось спасти нелегальных товарищей.

В профсоюзах по вопросу о кооперации была проведена целая кампания. Все рабочие организации, за исключением некоторых небольших касс, высказались против вхождения в единую кооперацию. В частности, правление союза строительных рабочих вынесло решение, что оно не запрещает отдельным членам союза входить в кооперацию, если это по каким-либо местным соображениям для данного члена выгодно, но само правление, как организация, высказалось против этого.

Среди строительных рабочих велась агитация против вхождения в эту кооперацию. Упомянутый компромиссный пункт, по которому правление не запрещает членам своим входить в кооперацию, был принят на том основании, что строительные рабочие распылены, не имеют своей кооперации, как фабрично-заводские рабочие, и все равно вынуждены покупать продукты или в частной лавке, или в той же единой кооперации, где продукты для членов ее продавались все же несколько дешевле.

В союзе строительных рабочих на заседаниях правления, на специальных собраниях не раз обсуждался вопрос об отношении к воен-

но-промышленным комитетам. Хотя работа военно-промышленных комитетов, куда должны входить по положению фабрично-заводские рабочие, непосредственно к строительным рабочим не относилась, но наш профессиональный союз, как рабочая организация, в столь принципиальном вопросе молчать и не высказывать своей точки зрения не мог, и он свою точку зрения высказал вместе со всеми организованными рабочими Москвы в специальном наказе (см. ниже).

По этому вопросу были большие столкновения между рабочими и буржуазией и ее приспешниками. Военно-промышленные комитеты возникли в результате поражения царской армии и растерянности царского правительства. Буржуазия решила взять на себя инициативу «опасения отечества» и организации обороны страны и не прочь была поделить власть с помещиками. А так как к этому времени среди рабочего класса уже было сильное движение против войны, и буржуазия отлично знала, что при противодействии рабочего класса не может быть и речи о войне не только «до победного конца», но даже и об обороне страны, — то она принимала все меры к тому, чтобы втянуть рабочий класс в дело «защиты отечества», в чем ей усердно помогали господа меньшевики, эсеры и проч.

Еще с начала августа 1915 г. Гучков с братией обратился за содействием по выборам в военно-промышленные комитеты к петроградским организованным рабочим в лице больничных касс и рабочей группы страхового совета. Им ответили, что они обратились не по адресу, и предложили обратиться непосредственно к рабочим на фабриках и заводах. С этого момента началась усиленная по всей России кампания меньшевиков за вхождение в военно-промышленные комитеты. Наша партия выступила против. Первая схватка произошла в Петрограде при неравных условиях легальных возможностей, так как меньшевики выступили за оборону отечества и их поддерживали и буржуазия, и полиция, — большевиков же, выступавших против войны, арестовывали, сажали в тюрьмы, посылали в ссылку и пр. Тем не менее, первая битва в Петрограде на всех крупных фабриках и заводах, а затем на собрании уполномоченных большевиками была выиграна.

В Москве эту борьбу пришлось вести при более тяжелых условиях. Наученные горьким опытом Петрограда, меньшевики и эсеры не настаивали на особо широких собраниях. Полиция пачками арестовывала передовых рабочих на фабриках и заводах. На открытых собраниях выступать никак возможности не было, поэтому приходилось ограничиваться обсуждением этого вопроса на узких нелегальных собраниях профсоюзов, больничных касс и пр. В Москве не только ликвидаторы, но и так называемые меньшевики-партийцы выступали за войну. Они говорили:

«Вспыхнувший мировой пожар является следствием империалистической политики господствующих классов всех стран. Но (!) в ходе войны, вследствие целого ряда причин, она стала у нас оборонительной. Даже больше, наша родина сейчас стоит перед угрозой нашествия германских войск к центрам ее общественной и политической жизни — Петрограду, Москве, Киеву. Ей угрожает омертвительная опасность быть разбитой, разгромленной прусским

юнкерством. В такие минуты нельзя отделяться трафаретным: «мы против»... (далее следуют оговорочки, что меньшевики идут в военно-промышленные комитеты защищать интересы рабочего класса, выступать против милитаризации труда и пр. — Т. С.) «...Стоя за оборону страны он (пролетариат. — Т. С.) остается верен заветам международных социалистических интересов. Ибо только при активном участии исчезает опасность подмены лозунга «оборона стран» лозунгом буржуазных кругов «все для победы»¹⁾.

Нашим ответом им был следующий наказ, который принимался во всех рабочих организациях Москвы:

Собрание уполномоченных по выборам в Военно-Промышленный комитет, обсудив вопрос о своем отношении к комитету, приняло следующую резолюцию, которая должна в то же время служить наказом нашему уполномоченному.

1) Современная война есть война буржуазная. Начатая вопреки желанию народа и во вред ему, эта война в то же время всей своей тяжестью ложится на плечи неимущих слоев населения.

Международный пролетариат не может связывать с этой войной никаких положительных задач; идя к своей основной цели, рабочий класс должен использовать современный военный кризис для объединения всех живых сил пролетариата, для осуществления своих классовых задач.

Наша задача — не сотрудничество с буржуазными классами в деле организации войны, а борьба с ней в интересах классовой самозащиты и классового освобождения. Эти задачи могут быть достигнуты не участием во враждебных нам буржуазных организациях, а в создании и укреплении своих классовых организаций.

2) Военно-Промышленные Комитеты есть классовая организация русской буржуазии. Объединяясь вокруг комитетов, буржуазные классы пытаются использовать военный кризис для укрепления своего политического и экономического господства.

Мобилизуя промышленность под знаменем «защиты отечества», Военно-Промышленные Комитеты дают возможность промышленникам на счет народа нажить промадные состояния. Под знаменем патриотизма происходит расхищение народных средств. «Защита отечества» стала выгодным предприятием.

Создав для себя привилегированное положение, русские промышленники в союзе с правительством пытаются закрепить рабочих путем введения милитаризации труда, чрезмерных сверхурочных работ, усиления эксплуатации женского труда и использования желтых рабочих.

Переживаемый страной экономический кризис обострил классовые противоречия. Невыносимые условия жизни вынуждают ра-

¹⁾ Меньшевистская самарская газета «Наш Голос» № 8, выражавшая фактически точку зрения всех российских меньшевиков; статья Р. Германа «Итти или бойкотировать».

бочий класс напрячь свои силы для того, чтобы дать решительный отпор «патриотам»-эксплоататорам.

Только сплачивая свои силы в своих рабочих организациях, сумеем мы дать им надлежащий отпор.

3) Исходя из этих соображений, мы заявляем, что и участие русских рабочих в Военно-Промышленных Комитетах явится изменой делу международного пролетариата и принесет глубокий вред русскому рабочему движению. На призыв буржуазных классов принять участие в работах Военно-Промышленного Комитета для сотрудничества с нею в деле организации войны, мы, рабочие, должны ответить отказом от участия в Комитете и приложить всю свою энергию к тому, чтобы укрепить существующие и создать всюду новые свои рабочие организации.

Призывая рабочих Москвы к отказу от выборов в Военно-Промышленные Комитеты, мы вместе с тем обязываем нашего уполномоченного на собрании уполномоченных отстаивать вышеуказанные наши положения и голосовать против выборов в Военно-Промышленный Комитет¹⁾.

Меньшевики на это отвечали:

«Если даже допустить, что вы правы, что рабочие не должны входить в Военно-Промышленный Комитет, то этого не могут решить ни петроградские, ни московские рабочие, а всероссийский рабочий съезд».

«Необходимо, — говорили они, — требовать, чтобы был созван рабочий съезд, а до тех пор никто не имеет права отказываться входить в Военно-Промышленный Комитет».

Со своей стороны мы возражали им, что, во-первых, правительство не разрешит рабочего съезда. Если же он, паче чаяния, и состоится, то состав его будет подтасованным; в съезде, не подготовленном рабочим классом, примут участие не представители последнего, а посланники и лакеи буржуазии. Для тех же, кто попадет на него, как действительный представитель рабочего класса, — этот съезд окажется ловушкой. Поэтому мы категорически высказываемся против такого «рабочего съезда».

Как мы уже говорили выше, борьба была не при равных условиях: благодаря тому, что рабочим зажимали рот путем жестоких репрессий, меньшевики «победили», т. е. пошли сотрудничать с Крестовниковыми и Рябушинскими и увеличивать производство орудий уничтожения рабочего класса. Впоследствии господа из военно-промышленных комитетов — Черегородцев, Десяткин и Ко не раз обращались к профессиональным союзам за связью, за помощью, за поддержкой, но все профессиональные союзы твердо стояли на раз принятой классовой позиции; клеймя предателей интересов рабочего класса.

¹⁾ Этот наказ тогда фигурировал, как принятый Московским Комитетом, и принимался в профсоюзах с некоторыми поправками и дополнениями. Из донесения «Кондуктора» — Соколова от 28 октября 1915 г. видно, что его составляли товарищи Яхонтов и Смидович.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1916 год

Слабая сторона союза строителей. Оживленная работа партийных групп. Инициатива ЦБ по организации МК. Издание листка «Правда». Московский листок «Правда» 1916 года. Суд над трамвайщиками. Арест МК. Работа ЦБ. Подъем рабочего движения. Экономические стачки. Несчастные случаи у Невинского и у «Проводника». Стачки у «Проводника». Связь с Петроградом. Неудача 4 апреля. Организация МК и подготовка к 1 мая. Массовые аресты и разгром МК. Выпуск первомайской листовки. Экономические забастовки 2 мая. Борьба союза строителей с предпринимателями, стачки строителей. Парторбота строителей. Подъем рабочего движения. Стачки. Рабочая газета. Организация МК и его провал 1 декабря. Восстановление МК. Подготовка к 9 января.

Первые месяцы 1916 года «Общество архитектурно-строительных рабочих» жило особой жизнью. Строительная работа, за исключением мелких ремонтов и снеговых работ, прекратилась. Рабочие раз'ехались по деревням, и нам, если бы мы замкнулись в свои узко-профессиональные задачи, пришлось бы на зимние месяцы свое Общество закрыть. Но мы тогда жили общим рабочим движением. Августовские и сентябрьские стачки оставили глубокий след на рабочем классе вообще, а в частности и на строителях.

Наша нелегальная работа велась беспрестанно в ячейках; и культурно-просветительная комиссия и правление заседали, не прекращая своей работы и в рождественские праздники.

К этому времени едва ли был у нас хотя бы один активный член профессионального союза, который не состоял бы в то же время членом партийной группы. При правлении была ячейка высшего типа, которой руководил товарищ «Егор» — Мышкин. Члены этой ячейки организовывали другие ячейки и, как организаторы, входили в них. Другими ячейками руководили студенты Коммерческого Института: Соня (Софья Францевна Карчевская-Немчинова), Тер-Ваганян и другие.

Партийная работа наших групп настолько была связана с рабочими других профессий, что наши ячейки часто были смешанными. Например, в Золоторожскую ячейку, руководителем которой был товарищ Тер, входили и строители и рабочие фабрик, заводов и Курской ж. д. В одну из ячеек входила домашняя прислуга Паша; была также сме-

шанная ячейка, куда входили некоторые члены Всероссийского союза потребительных Обществ.

С партийными организациями при профессиональных союзах у нас все время была тесная связь. Теперь она еще больше наладилась.

После второго осеннего разгрома Московского Комитета долгое время как будто бы не было попыток к его восстановлению, как будто бы было молчаливое соглашение из конспиративных соображений воздержаться временно от его восстановления. У всех была уверенность, что в самом центре, откуда исходила всегда инициатива по созданию московского комитета, свила себе прочное гнездо провокация. Все были убеждены, что в нашей организации имеются хорошо законспирированные провокаторы. Было легкое подозрение на Соколова, но он настолько себя конспиративно и тактично вел, что всякие подозрения рассеивались. В конце 1915 года стали ходить слухи о провокаторстве Поскребухина, но этому как-то не хотелось верить.

В конце декабря 1915 года ЦБ взяло на себя инициативу сорганизовать московский комитет и временно взять на себя обслуживание всей московской партийной организации. Кажется, как раз в этот период ЦБ назвало себя «Инициативной группой».

Мы полагали тогда взять на себя руководящую роль по ознаменованию дня 9 января. Предпосылки для проведения частичных стачек были налицо, что показали происходившие осенние стачки, да и теперь волнения на фабриках и заводах, в особенности среди городских служащих, трамвайных и проч., не улеглись.

Одновременно с этим в Коммерческом Институте также возникла мысль о создании московского комитета, и там был организован Организационный Комитет по восстановлению районных организаций и московского комитета. В начале января тов. «Егор» просил меня зайти переговорить о кой-каких делах. Когда я пришел в указанное место, то застал там студентов Акопова, Фокина, «Егора», представителя «Латышской группы» и других, фамилии которых не знал. По моему приходе лишние люди из комнаты были удалены, и в ней осталось только четыре человека, которые мне заявили, что это заседание ОК⁴⁾, которому желательно получить связь с партийными организациями, находящимися при профсоюзах. На это я им ответил, что в настоящее время я могу быть представителем от этих организаций, а к следующему заседанию от нас будет официальный, выбранный представитель.

На заседании этого ОК было постановлено приступить к организации московского комитета. Но ввиду того, что перед этим были провалы, решено было теперь вести работу более конспиративно, не пользоваться старыми связями, так как неизвестно, откуда исходят провалы; кроме того, в целях гарантии от провалов было постановлено старых работников оставить в стороне от московского комитета.

⁴⁾ Тов. Тер в своей статье «Накануне великой революции» пишет, что в конце 1915 и начале 1916 года МК не существовал и что ОК возник к марту 1916 г. Это не соответствует действительности, а лишь говорит о том, что в то время конспирация была настолько сильна, что даже Тер, участвовавший в гуще партийной работы, в той организации, в помещении которой происходило заседание центра, не знал о существовании такового.

И тут же с уверенностью говорилось, что Поскребухина вообще нужно отставить от работы, так как против него есть основательные улики. В ближайшее время эти улики подтвердились сообщениями из тюрьмы товарищей из «Тверской группы», которые были уверены, что провал «Тверской группы» был делом рук Поскребухина. В частности, на этом заседании было выражено пожелание, чтобы в комитет не вошел Соколов и Николаев, хотя против них никаких обвинений не выдвигалось, но это было сделано из соображений большей конспирации.

Через несколько дней после этого заседания я доложил в Комитет Городского района (или ЦБ, что одно и то же) о том, что существует ОК, который должен будет восстановить московский комитет, и что мы туда должны будем выбрать своего представителя. На вопрос, откуда исходит инициатива, я заявил, что ОК постановил об этом никакой организации не сообщать, и я передам связь только тому товарищу, который будет выбран для представительства. Само собой разумеется, никаких расспросов на эту тему по правилам конспирации не последовало, и мы приступили к выборам.

Как об одном из видов конспирации того времени, следует рассказать, как у нас в большинстве случаев производились выборы.

При выборах каждый товарищ был под порядковым номером, первый, второй и т. д. Чтобы присутствующие не знали, кто будет выбран, выборы производились тайным голосованием, при чем таким путем: прежде выбирался явным голосованием товарищ, который должен подсчитывать голоса. Этому товарищу каждый дает записку с пометкой того номера, кого он хочет выбрать. Получивши записки, подсчетчик объявляет о результате выборов только тому товарищу, который выбран, все же остальные не знают, кто выбран в руководящий центр. Выбранный товарищ, приходя из центра, делает подсчетчику доклад, а подсчетчик делает доклад о центре своей организации.

Таким образом казалось, что наш Комитет в целом никогда не знал, кто выбирался представителем в ОК, но эта конспирация не всегда достигала своей цели. На упомянутом собрании пишущий эти строки был избран подсчетчиком и он же был избран членом ОК. О том, что это оказалось не тайной, видно из донесения провокатора «Кондуктора». Этот провокатор от 13 января 1916 г. доносит, что «старый партийный с.-д. работник Сапронов в ближайшие дни свяжется с «Организационной группой по восстановлению московского комитета РСДРП»⁵⁾

Из конспиративных соображений ЦБ тогда часто не собиралось, и всю работу было поручено вести его Исполнительному Бюро или Рабочему Бюро, как мы его тогда называли, которое было выбрано в составе трех: пишущего эти строки, Виктора (от Общества официантов — тов. Сихарулидзе) и Николаева, который оказался провокатором⁶⁾.

⁵⁾ Агентурная записка от 13 января 1916 года, № 20—1916 г., в личном деле Сапронова. Дело М.О.О.

⁶⁾ Состав Рабочего Бюро ЦБ или Городского района (что одно и то же) менялся очень часто, при чем в следующих вариациях: Сапронов, Сихарулидзе, Николаев—Сапронов, Николаев, Кривошеин—Сапронов, Кривошеин, Сихарулидзе.

К 9-му января решили выпустить листовку. Теперь не помню, была ли эта листовка от ЦБ или от ОК; но составление ее было поручено тов. Кудрявцеву¹⁾ и Соловьеву. Не помню, по каким причинам это поручение было дано помимо меня; если бы не это, то вряд ли к этому делу был бы привлечен Соловьев, к которому относились тогда с недоверием; впоследствии он, действительно, оказался провокатором. Листовка не получила большого распространения, так как была провалена. Во время работы на квартиру Соловьева и Кудрявцева нагрянула полиция, но, к счастью, обыск прошел благополучно.

Вскоре был организован Московский Комитет. От Городского района на одном из заседаний был избран представителем в этот Комитет тов. Сахаров. Об этом заседании провокатор «Кондуктор» доносит:

«24 января в помещении профессионального общества портных по инициативе Василия Прокофьева-Сахарова должно было состояться собрание представителей с.-д. групп при профессиональных обществах, на которое явилось только четыре лица, в числе коих был и Сапронов. На этом собрании Прокофьевым-Сахаровым был поднят вопрос о создании оформленной с.-д. организации из представителей местных профессиональных обществ, каковое предложение было одобрено, и решено такую организацию создать теперь же, объявив себя, т.-е. присутствовавших, с.-д. организацией Городского района и кооптировать в нее партийных работников от других профессиональных обществ. Затем Прокофьев-Сахаров доложил, что в Москве создается «Московский с.-д. Комитет»; и предложил избрать от вновь созданного Городского района одного члена — избранным оказался Прокофьев-Сахаров»²⁾.

Является ли точной дата заседания Городского района, указанная провокатором, — сказать теперь трудно, но в самом донесении имеется одна неточность.

В этом донесении говорится, что Сахаровым «был поднят вопрос о создании оформленной с.-д. организации» при профсоюзах. Это не соответствует действительности, так как таковая, как мы видели, существовала, и речь могла идти — и по всей вероятности шла — об укреплении этой организации и поднятии ее работоспособности. Представителем в МК действительно был избран тов. Сахаров, но о том, что на этом же собрании предлагалась кандидатура Соколова, и он усиленно отказывался, провокатор почему-то не доносит. Почему-то также вышеуказанный провокатор не доносит о листке «Правда». Возможно, что Сахаров тогда из конспиративных соображений об этом

Но в какой период и в какой последовательности были эти составы. Исполнительного Бюро, я не помню.

¹⁾ Тов. Кудрявцев — по профессии маляр. В моей статье «Из записок маляра» в сборнике «Накануне великой революции» о Кудрявцеве говорится, что он типограф. Это не верно. Да и вообще в этой статье имеется много неточностей. Произошло это, по моему, потому, что она мною писана в 1919 году наспех в вагоне от Харькова до Москвы, по просьбе тов. Овсянникова, и тут же была ему передана для напечатания. Указанный сборник вышел только в 1922 году, при чем моя статья напечатана без авторской правки.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП № 27 в личном деле Сапронова, Дело М.О.О.

ему не сказал. Насколько тогда была велика конспирация, можно видеть из того факта, что Сахаров, показывая мне листок «Правда», говорил, что работа, мол, налаживается, и в Замоскворечьи издается листок, который предполагается выпускать периодически. Он этот листок получил, очевидно, из Коммерческого Института, не зная о том, что этот листок издавался при моем ближайшем участии и не в Замоскворечьи, а в селе Всехсвятском; распространять мы его тогда решили не через меня непосредственно, который был членом Рабочего Бюро Городского района и ОК, а окольным путем:

Мы полагали с тов. «Егором» продолжать выпуск листка «Правда», и, очевидно, по тем же самым причинам конспирации, на этом заседании я воздерживался сообщать об организации Московского Комитета. Тов. же Сахаров не был официальным представителем в ОК, а имел с ним персональную связь.

Мысль об издании листка «Правда»¹⁾ возникла в начале 1916 года, после того, как за несколько месяцев было арестовано несколько составов Московского Комитета, — в тот период, когда более, чем когда-либо, процветали провокация и предательство. В это время в Москве активно «работали» провокаторы: Поскребухин, Регекампф, Николаев, Соколов, Бородин, Кривошеин (Чернов) и др.

Несмотря на то, что в этот период существовали нелегальное Центральное Бюро профессиональных союзов и Инициативная группа по организации Московского Комитета большевиков, листок вышел не за подписью какой-либо из этих организаций, а за подписью «Московской с.-д. группы рабочих». Объясняется это тем, что тогда не было уверенности, что какое-либо серьезное начинание с участием большого количества лиц пройдет благополучно. Провокация настолько развилась, что на нелегальных заседаниях все друг друга подозревали. В это время была уже разоблачена деятельность Поскребухина, ходили слухи о Николаеве, Кривошеин обвинял Соколова в провокации. Тем не менее, все эти люди активно работали в организации.

Вот почему тогда мы вдвоем с тов. Мышкиным («Егор») решили издавать периодический листок, нигде не обсуждая даже тех статей, которые должны были быть помещены в этом листке. Деньги были получены, насколько помню, от группы интеллигентов, которая, в свою очередь, достала их путем устройства концертов. Часть шрифта была доставлена через провокатора Николаева. Этот шрифт недели три хранился у меня на квартире в Тишинском переулке и за 2—3 дня до отправки его в «типографию» чуть не попал в руки полиции. Дело было так.

Часов в 10 утра приходит квартирная хозяйка и рассказывает, что какой-то огородник спрашивает обо мне у дворника, и что, очевидно, этот огородник скоро зайдет ко мне в гости. Зная, что никакого знакомого огородника у меня не имеется, — я сразу взял его на подозрение, выглянул в окно и увидел, как этот «огородник» усиленно что-то вьлгтывает у дворника, а тот ему что-то рассказывает и смотрит в окно моей комнаты. Мне сразу все стало ясно. Когда же я выглянул из ком-

¹⁾ См. приложение № 5.

наты квартирной хозяйки на улицу, то увидел двух шпиков, разгуливающих по переулкам (квартира была угловая и выходила в два переулка). Возник вопрос, что делать с шрифтом, так как было ясно, что, несмотря на всю конспирацию, дело, очевидно, провалено. О том, чтобы спрятать шрифт в комнате, не могло быть и речи, так как комната была в 3—4 аршина вдоль и поперек. Унести шрифт куда-либо в другое место — значит, попасться в руки полиции. После пятиминутного раздумья тов. Сапронова схватила корзину, с которой ходила на рынок за продуктами, положила туда около 20 фунтов шрифта и отправилась на рынок. Я же в это время также вышел на улицу; шпики бросились за мной, но мне удалось, бегая по Тишинским переулкам, быстро от них отделаться. А тов. Сапронова занесла шрифт к тов. Шарову (рабочий, маляр), жившему на Владимиро-Долгоруковской улице. После этого я не ночевал два дня дома, при чем все это время у моей квартиры дежурили шпики. Но опасения, что придет полиция, не оправдались. Теперь я полагаю, что причины этого таковы: в тот же день у нас происходило заседание Инициативной Группы, где я сообщил о происшедшем, и, вероятно, Николаев или Кривошеин сообщили в охранку, что шрифт они прозевали.

Через несколько дней нами для «типографии» была снята квартира в селе Всехсвятском. В этой квартире была организована маленькая столярная мастерская, хозяин которой был тов. Нечаев, столяр, член правления Общества строительных рабочих. Поселился он в этой мастерской под чужим именем, привез в свою «мастерскую» десятка полтора тесу и начал делать табуретки на продажу. Его подручным был товарищ Мышкин. Один из них тесал топором, стучал молотком, а другой набирал.

Нами была придумана следующая примитивная техника: на дне небольшого ящика должна была лежать мраморная доска, на эту доску и нужно было набирать шрифт, а затем резиновым валиком в краске прокатывать шрифт, а с этого шрифта делать оттиск при помощи другого валика. Но не знаю, по каким причинам мраморная доска в нашу «типографию» доставлена не была, и наши наборщики, по своей неопытности, решили набирать без мраморной доски. Когда стали прокатывать валиком дно деревянного ящика, продавливалось, вследствие чего наше издание вышло не совсем удачным. Напечатано было больше двух тысяч экземпляров, но значительную часть пришлось выбросить за негодностью.

Характерно то, что наши «печатники» при исполнении работы не так опасались полиции, как надоедливой хозяйки, которая то и дело смотрела в окно, а то прямо-таки лезла в мастерскую. Тогда прекращалось печатание, и в ход пускались топор и рубанок. Любознательность хозяйки, очевидно, не была проста, так как впоследствии она стала придирается к тов. Нечаеву, требуя напорт в пропуску, а Нечаев, как ни старался, не мог добыть хорошего паспорта. Хозяйка стала смотреть подозрительно, о чем-то догадываться, так как за мастерскую в месяц надо было платить 25 руб., а в ней никто не работал: за две недели было сделано несколько табуреток. Хозяйка разводила руками и говорила:

— Как же вы оправдываете плату за мастерскую, да еще и жить же вам чем-либо нужно?

У нас, действительно, скоро иссякли средства, и листок «Правда» прекратил свое существование на первом номере.

В это время перед Московским Комитетом стояла задача организации протеста против суда над трамвайщиками.

Осенью 1915 г., как мы видели, происходили трамвайные стачки. Переговоры с городской управой велись избранными от рабочих уполномоченными, и за то, что эти товарищи защищали интересы рабочих и выполняли их директивы, они были арестованы и преданы военному суду. Суд должен был состояться 7 марта, и Московский Комитет постановил призвать всех городских рабочих и служащих, весь московский пролетариат в день суда над трамвайщиками к всеобщей стачке.

По этому вопросу была издана листовка, но она большого распространения не получила: за несколько дней до суда и накануне суда в Москве были произведены массовые аресты среди рабочих, в том числе были арестованы и члены Московского Комитета. Таким образом массовыми арестами предполагаемая всеобщая забастовка в Москве была сорвана. Об этом охранка ехидно замечает: «Организованных сил для проведения забастовки не наблюдается»¹⁾.

Для нас же было ясно за несколько дней до 7 марта, что всеобщая стачка сорвана. 28 февраля происходило заседание Городского района; донося об этом, провокатор «Кондуктор» — Соколов пишет, что Сапронов

«28 февраля от архитектурно-строительных рабочих в помещении профессионального Общества металлистов «Единение» присутствовал на собрании членов «Городского с.-д. района», где представитель «Организационной группы» Рындин делал доклад о Московском Комитете РСДРП, и где было решено переименовать «Городской район» в «Центральное Бюро профессиональных союзов».

На этом же собрании Сапронов был избран членом Московского Комитета, вместо арестованного Прокофьева-Сахарова»²⁾.

Был ли действительно на этом собрании переименован Городской район в Центральное Бюро профессиональных союзов, — я точно не помню, но факт, тот, что эта организация исполняла функции и Городского района и Центрального Бюро. Кто делал доклад на этом собрании о Московском Комитете, я также не помню. Помню одно, что тогда Московский Комитет еще не весь был арестован, и что, таким образом, никакой Организационной группы не могло существовать, поскольку существовал МК; и я был избран туда в спешном порядке для пополнения МК от Городского района. Но заседать ему до 7 марта так и не удалось, так как в ближайшие дни последовали дополнительные аресты и последние члены Московского Комитета были арестованы.

¹⁾ Статья К. В о и н о в о й «Рабочее движение в Москве 1914—1917 г.г.» — Журнал «Пролетарская Революция» № 2, 1923 г., стр. 480.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП № 49 в личном деле Сапронова. Дело М.О.О.

После того несколько недель нам не удавалось восстановить Московский Комитет. Перед ЦБ все чаще и чаще подымался вопрос о переходе инициативы организации Московского Комитета в руки профессиональных союзов. Беспрестанные аресты и провалы выводили всех из себя. Отыскивали причины, искали виновников, но не находили, несмотря на то, что они сидели рядом и делали свое предательское дело.

В марте месяце усиленно ходили слухи о Соколове, и мы его уже стали оттирать: заседание ЦБ стали происходить без него, хотя материалов для того, чтобы объявить его провокатором, у нас абсолютно не было. Насколько умели провокаторы заматывать свои следы, видно из следующего факта.

Когда мы на одном из заседаний Инициативной группы (ЦБ) делали предположения, кто является провокатором, — Кривошеин категорически утверждал, что он уверен, что Соколов является провокатором, и это нужно ему объявить. Когда мы опросили Кривошеина, какие у него имеются данные для объявления Соколова провокатором, Кривошеин оказал: «Я готов сам ему это объявить и, если разрешите, я его удуш своими собственными руками», при чем говорил это с таким видом преданного и искреннего революционера, что никак нельзя было заподозреть, что этот негодяй, говорящий языком революционера, был таким же предателем, каким являлся и Соколов. Из сохранившихся документов охраны видно, что до тех пор, пока не было подозрения на Соколова, и он был в центре нашей организации, все время фигурирует его донесения, а с половины марта 1916 года, когда Соколов уже был отшит, о ходе работ в ЦБ и Московском Комитете почти еженедельно доносит «Орехов» — Кривошеин и «Андреев» — Николаев. Просматриваешь документы и удивляешься, как могла производиться работа при таких условиях, когда во всех наших организациях сидело по 2—3 провокатора.

Одно время Рабочее Бюро Городского района было создано из трех лиц: Сапронова, Кривошеина и Николаева, из коих два последние — провокаторы. Изволь при таких условиях работать! К счастью, на собраниях Инициативной группы мне были поручены связи с МК, заведывание кассой Комитета и техника, так что провокаторы не знали, где и что находилось. И впоследствии, когда я был арестован, охране так и не удалось захватить никаких материалов, несмотря на то, что о каждом моем шаге доносили вышеуказанные провокаторы. Если тогда возможна была какая-либо работа, то, очевидно, благодаря усиленной конспирации.

Насколько нужна была сугубая конспирация, можно видеть из следующего факта.

Однажды у нас было назначено заседание ЦБ. Ввиду того, что квартиры было добывать трудно, Виктор — Сихарулидзе — решил устроить это заседание в Обществе официантов, так как оно было вне подозрений, ввиду его оппортунистического, обывательского характера. Явка была назначена в трактире, из трактира Виктор — Сихарулидзе направлял всех в свое Общество. Когда я пришел в трактир, Сихарулидзе сказал:

— Ну, вот теперь все; пойдём — можно начинать заседание.

Я возразил, что в таком публичном месте едва ли стоит заседать; кроме того, указал на то, что в Обществе официантов имеются члены черносотенцы и могут быть неприятности; затем я спросил, знал ли кто-нибудь заранее из членов ЦБ об этой квартире.

Тов. Виктор мне ответил: «Никто не знал до того момента, как притти в трактир; Кривошеин же пришел минут сорок тому назад, торопился куда-то пойти и просил меня сказать, где будет заседание, чтобы прямо туда притти».

Так как по нашим правилам конспирации заранее никому нельзя сообщать о месте собраний, то мне это как-то не понравилось и я, не высказывая никаких подозрений, сказал, что если есть хоть какая-либо возможность, то нужно заседание перенести на другую квартиру, что и было сделано. Заседание мы перенесли в маленькую каморку Виктора, находившуюся в подвале при ресторане, на Тверской улице, где он тогда служил. Вследствие перемены места нашего собрания, последнее затянулось, и мы там пробыли до 2 часов ночи, после чего благополучнейшим образом разошлись по домам. Но на второй день Виктор мне сообщает, что в то время, как мы у него заседали, в Общество официантов, т.е. туда, где должно было состояться наше заседание, нагрянул наряд полиции, произвел обыск всего Общества вплоть до обдирания обоев; но ничего не нашел. После этого за нами установилась усиленная слежка, и в частности мне пришлось несколько дней не показываться домой, вследствие того, что у квартиры беспрестанно дежурили шпики. По поводу заседания ЦБ у тов. Сихарулидзе провокатор «Орехов» — Кривошеин доносит, что

«31 марта от архитектурно-строительных рабочих он (Сапронов. — Т. С.) присутствовал на собрании, в подвале дома № 70 по Тверской улице, «Центрального Бюро профессиональных союзов»; в то же время он являлся и представителем «Московского Комитета РСДРП».

В скобках в записке говорится: смотрите агентурную записку, она представляет интерес.

Какой интерес представляет агентурная записка, — нам установить не удалось, ввиду того, что все агентурные записки за 1916 год из моего личного дела куда-то исчезли, — из них сохранились только выдержки. Я предполагаю, что провокатор Кривошеин в этой записке описывает всю происходившую тогда, я бы сказал, лихорадочную работу вокруг профессиональных союзов.

Зимой 1916 года, несмотря на частые провалы и бесконечные аресты, рабочее движение продолжало все больше и больше развиваться. Правда, больших политических стачек зимой провести не удалось, но отдельные стачки экономического характера шли непрерывно. Бастовали не только рабочие фабрик и заводов, но даже служащие гостиниц. Такой отсталый союз, как союз официантов, и тот все больше и больше становился на классовую позицию. Начали и строители поговаривать — нельзя ли и им дать о себе знать.

Вскоре такой случай представился: назрел конфликт в яичичной мастерской Московского союза потребительских обществ, где было много

членов нашего союза. Была объявлена забастовка, которая, однако, скоро прекратилась. Большое недовольство среди строителей вызвали увечья рабочих у подрядчика Невинского на постройке, у которого в начале марта 1916 года обрушились леса и пострадало четверо товарищей, — трое из них члены нашего союза. Это послужило поводом к агитации со стороны сознательных рабочих и к призыву строительных рабочих к борьбе и к организации вокруг своего Общества.

Перед этим, в январе месяце, случилась катастрофа на вновь строящемся заводе «Проводник» (Генеральная ул.). Там дело обстояло так. Нужно было разрушить какое-то старое сооружение. Десятник распорядился зацепить за верхушку этого сооружения веревками и тянуть на себя, но не рассчитал, веревки оказались очень короткими, стена повалилась и под своими развалинами похоронила несколько человек, в том числе и двух членов нашего Общества. Вслед за этой катастрофой у «Проводника» был еще целый ряд увечий рабочих по вине администрации.

У «Проводника» в это время работало около семи тысяч рабочих. Накопившегося недовольства было много. Администрация постройки применяла самую жестокую эксплуатацию по отношению к рабочим; со стороны десятников и вообще всех административных лиц обращение было грубое; а упомянутый нами ряд увечий подлил масла в огонь. Переполнил же чашу рабочего терпения следующий факт: администрация, узнав о том, что союз строителей начал судебное дело против администрации «Проводника» по взысканию денег за смерть строительного рабочего, пригласила к себе жену убитого товарища Саламатина, дала ей 50 рублей и под угрозой заставила ее расписаться в том, что она больше никаких претензий по отношению к администрации не имеет.

Работавшие у «Проводника» члены нашего Общества во главе с тов. Кудрявцевым, плотником Карповым и др. выступили против этого возмутительного мошеннического насилия. Рабочие как будто бы того и ждали, — заволновались, стали группироваться, проклинать администрацию и призывать к мщению. Раздавались голоса, чтобы главного инженера и наиболее насоливших рабочим членов администрации вывезти с постройки на тачке. Наши товарищи указывали на бесполезность таких методов борьбы и призывали к стачке. Семитысячная толпа заволновалась, и стачка была объявлена. Но одно дело объявить стачку, другое дело провести ее, да еще среди отсталых, только что покинувших деревню и беспрестанно думающих о ней строителей. А тут еще приемы запугивания: на воротах вывешено объявление, гласящее о том, что кто не выйдет на работу, тот будет уволен; вокруг завода и на заводе гарцуют казаки, администрация вербует штрейкбрехеров. Среди малосознательных рабочих на второй же день стали раздаваться голоса о том, чтобы приступить к работам.

При таких условиях от союза требовалось, чтобы все имевшиеся в его распоряжении силы были брошены на проведение этой стачки. В Обществе происходили беспрестанные заседания делегатов от цехов или просто собрания наиболее сознательных рабочих на этой постройке. Одни группы приходили в союз, другие уходили, каждой из этих групп

делался доклад и раздавались призывы к борьбе, и пр. Строители записывались членами Общества и уходили из него подбодренные, с клятвой довести дело до победы. Необходимо отметить, что в этой стачке большую роль играли привезенные вместе с заводом из Риги товарищи латыши.

Мною было написано маленькое обращение к стачечникам с призывом держаться до тех пор, пока предприниматель не уступит. Тов. Курганов переписал эту листовку гектографическими чернилами и тут же приступил к ее пачатанию. Листовку брали нарасхват. Стачка продолжалась несколько дней, но, ввиду разношерстности состава семитысячной массы, кончилась компромиссом. Но она оставила глубокий след в умах строительных рабочих. Для такого распыленного производства, как строительное, семитысячная стачка рабочих представляла из себя грандиозное событие.

В марте месяце 1916 г. нами была снова получена связь с Петроградским Комитетом, откуда приехал товарищ, который присутствовал у нас на заседании и информировал о состоянии рабочего движения в Петрограде. Там дело обстояло, по его словам, во много раз лучше, чем в Москве. Об этом заседании провокатор «Орехов» — Кривошеин доносит:

«27 марта от архитектурно-строительных рабочих присутствовал (Сапронов. — Т. С.) на собрании членов Центрального Бюро профессиональных союзов, на котором приехавший из Петрограда с.-д. Александр Яковлев делал доклад о «Петроградском Комитете РСДРП» и о получении им от ЦК поручения связаться с «Московским Комитетом РСДРП» и выяснить вопрос о транспорте литературы для Москвы; на этом же собрании Сапронов был избран казначеем «организационной комиссии по созыву Московского Комитета РСДРП»¹⁾.

Каким путем мы эту связь тогда получили, — я не помню. Также не знаю, был ли этот товарищ действительно Александром Яковлевым. Как мы выше видели, 28 февраля пишущий эти строки был избран членом Московского Комитета, но этот Московский Комитет, вследствие арестов, распался, и из его членов на свободе остался, кажется, один лишь автор этих строк; теперь же у нас обсуждался вопрос о создании нового Московского Комитета, и Центральным Бюро с этой целью была выбрана комиссия.

Избрание меня казначеем, о чем говорится в записке провокатора, означало поручение мне не только кассы, но и техники, которая оставалась от Московского Комитета и находилась тогда в распоряжении тов. Сони.

После мартовских арестов была потеряна связь с «Северной группой», с Лефортовым и другими, и лишь в конце этого месяца был создан Московский Комитет, в который были избраны от студентов Коммерческого Института тов. Акопов, от Симонова — Попок (провокактор), от Городского района — пишущий эти строки, от «Северной группы» и от Лефортова — фамилий не помню. Литературная группа,

¹⁾ Агентурная записка № 70 в личном деле Сапронова. Дело М.О.О.

начавшая было летом и осенью 1915 г. работу, зимой 1915—1916 г. в особенности после разоблачения Поскребухина, отказалась дать своего представителя в Московский Комитет из конспиративных соображений.

Но этому Московскому Комитету заседать так и не удалось: перед 4-м апреля члены его были арестованы. Терялись в догадках относительно причин провала. Поскребухин и Соколов уже были фактически устранены от работы: были подозрения на Николаева, но он как будто бы никакого отношения к Комитету не имел. Но раздумывать было некогда, необходимо было действовать. У меня с тов. Сихарулидзе возникла мысль, чтобы 4 апреля призвать рабочих к стачке протеста от имени ЦБ. Прибегает Кривошеин и заявляет, что в Симонове все готово: рабочие волнуются, и можно с уверенностью сказать, что все заводы в день 4 апреля прекратят работы, что Московский Комитет ничего не делает и т. д. Мы на экстренном совещании ЦБ решаем выпустить листовку от имени организованной группы социал-демократов, которую мне и поручили написать. Будучи очень плохим писакой, я промучился над ней несколько часов, и нужно сказать, что она вышла очень неудачной ¹⁾. По поводу этого провокатор Кривошеин в охранку доносит, что Сапронов

«член Московского Комитета РСДРП, где является представителем Центрального Бюро профессиональных союзов. Он вместо арестованного студента Аكوпова, имевшего непосредственное отношение к типографии Моск. Комитета РСДРП и должного выпустить ко дню 4 апреля от имени «Московского Комитета» листовку, самолично решил выпустить таковую листовку, которую и отпечатал 3 апреля на гектографе в количестве около 250 экземпляров. Так как большинство членов «Моск. Ком.» арестовано, то Сапронов не решился выпустить листовку от имени Московского Комитета, а выпустить таковую от имени группы рабочих-марксистов» ²⁾.

Этот провокатор утверждает, что Сапронов самолично выпустил листовку, фактически же дело обстояло так:

«Орехов» — Кривошеин, как мы выше видели, прибежал взволнованный и говорил, что все готово к выступлению, но нет листовки, и тут же предложил свой текст листовки, которая, как он говорил, была написана тов. Скворцовым-Степановым и призывала чуть ли не к вооруженному восстанию. Мы тогда возразили, что такая листовка не годится, и выразили удивление, как это мог тов. Скворцов, старый марксист, написать проект такой листовки.

Она нами была отвергнута. Ждать, однако, было некогда, так как это заседание происходило 2 или 3 апреля, а поэтому мне и было поручено написать эту листовку. Выпускать ее от имени «организованной группы социал-демократов», а не от имени Московского Комитета было решено не мной лично, а тем же экстренным совещанием ЦБ. Печаталась эта листовка не в типографии Московского Комитета,

¹⁾ См. приложение № 6.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП № 74, 1916 г. в личном деле Сапронова. Дело М.О.О.

которая действительно была через тов. Союю передана мне, но которой я еще не принял, а при помощи гектографа. В той же записке этот провокатор доносит:

«Листовку Сапронов печатал в Марьиной Роше, в д. № 5, кв. 6, по Н. Тихвинской улице. Листовки были переданы одному из членов клуба «Просвещение» и в профессиональное Общество рабочих печатного труда, металлистов и архитектурно-строительных рабочих».

Эта листовка печаталась не только в Марьиной Роше, как доносит провокатор, но главным образом в Обществе строительных рабочих товарищами Кудрявцевым и Светловым. К счастью, всего этого провокаторы Кривошеин и Николаев, который также подтверждает сведения сыщика «Орехова», не знали. Этой листовки было напечатано около тысячи экземпляров; небольшое количество экземпляров было передано Кривошеину и Николаеву, но они, очевидно, листовки не распространяли, а снесли в охранку. Вот почему провокатор «Андреев» — Николаев доносит:

«Напечатанная Сапроновым в незначительном количестве листовка не получила никакого распространения» ¹⁾.

Вышеупомянутая нами листовка, кроме того, что была мало удовлетворительна по содержанию, была еще и поздно распространена, — и как следует провести подготовку к 4 апреля не удалось. В Симонове, вопреки уверениям провокатора Кривошеина, стачки всеобщей не произошло: были лишь «волянки» в отдельных мастерских, «итальянские» отдельные цеха — и только. Трамвайные служащие, на которых возлагались некоторые надежды, также работы не прекратили. Таким образом сколько-нибудь значительного выступления 4 апреля не было, но зато через некоторое время была объявлена экономическая стачка на металлическом заводе «Густав Лист» (Марьиная Роша), продолжавшаяся 2—3 дня.

Неудача 4 апреля и предшествовавшие ей аресты МК окончательно сбивали с толку, заставляли отказываться друг другу верить. Обстановка создалась страшно натянутая. Стали возникать подозрения по отношению к Кривошеину, но этот негодяй ловко разыгрывал свою роль, высказывая всяческие подозрения и предположения; даже однажды в беседе со мной он посмел набросить тень на тов. Виктора, но я настолько возмущен этим подозрением, что он постарался забыть разговор.

Неудачи заставляли изыскивать средства, как бы застраховать себя от провалов. Ввиду этого полученной мною уже из тюрьмы связью с Попком (провокатор — кличка «Птицын») я не воспользовался и решил изыскать другие пути для организации Московского Комитета. Во избежание же провалов до первого мая ЦБ было даже решено временно воздержаться от организации Московского Комитета, а предварительно получив связи, затем быстро организовать МК, чтобы он успел проделать подготовительную работу к первому мая. По поводу этого провокатор «Андреев» — Николаев доносит:

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 5 апреля 1916 г., № 78. Дело М.О.О.

«6 апреля в д. № 5, по Даеву пер. он (Сапронов) в числе шести человек присутствовал на собрании «Центрального Бюро профессиональных союзов», где он докладывал, что благодаря недавним арестам Московского Комитета РСДРП в настоящее время нет, — почти все арестованы. Оставшиеся же на свободе отказываются от работы, ввиду чего решено теперь не приступать к созданию нового Московского Комитета, каковой должна быть выпущена им соответствующая листовка. Затем был затронут вопрос о дне 1 мая. На этом же собрании Центральное Бюро решено переименовать в Городской с.-д. район»¹⁾.

Мы уже говорили, что в ЦБ представителями всех профессиональных союзов были исключительно большевики, и что эта организация все время играла роль и Городского районного партийного комитета и ЦБ²⁾. Но характерно заявление этого негодая, будто бы оставшиеся на свободе (товарищи. — Т. С.) отказываются от работы. Это выдумка провокатора, так как все члены Московского Комитета были арестованы, кроме пишущего эти строки и провокатора Попка, от связи с которым, как мы выше говорили, я отказался; не то, что у меня были какие-либо подозрения, а просто из конспиративных соображений хотелось создать Московский Комитет без старых связей.

На этом заседании Центрального Бюро было постановлено, чтобы подготовительную работу к 1 мая 1916 г. провести через профессиональные союзы и через «Общество народных развлечений». В это время в ЦБ ведется усиленная работа, и его заседания происходят ежедневно. О каждом заседании провокаторы Кривошеин и Николаев, напереголки друг с другом, доносят в охранку. Напр., о заседании 12 апреля доносит один, 13, другой 15 апреля. Провокатор «Орехов» — Кривошеин в своей записке пишет:

«12 апреля в помещении профессионального Общества ремесленников, портмонетчиков и сумочников он (Сапронов) присутствовал на очередном собрании Городского с.-д. района, где обсуждались вопросы: 1) о листовках, 2) о создании Московского Комитета РСДРП и 3) о первом мая. Он входит в исполнительную комиссию Городского с.-д. района. На собрании по первому вопросу Сапроновым было предложено выпустить декларацию, составленную местной с.-д. литературной группой, которая должна была быть выпущена Московским Комитетом, но чего последний сделать не успел; эту декларацию по ознакомлении с ней решено было не выпускать. На исполнительную комиссию решено было возложить подготовительную работу по созданию МК. Далее см. агентурную записку»³⁾.

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 7 апреля 1916 г., № 81. В личном деле Сапронова. Дело М.О.О.

²⁾ Провокаторы же в своих донесениях почему-то дело изображали так, что ЦБ то переименовывается в Городской партийный комитет, то этот последний в ЦБ.

³⁾ Агентурная записка по РСДРП от 12 апреля 1916 г., № 83. В личном деле Сапронова, Дело М.О.О.

Мы уже говорили выше, что агентурных записок за весь 1916 г. не нашли, и поэтому приходится пользоваться лишь выдержками из этих записок, которые составлялись информатором охраны к моему личному делу.

Из донесения провокатора «Андреева» — Николаева, который в общем и целом повторяет донесение провокатора Кривошеина, видно, что:

«На этом же собрании Исполнительному Бюро Городского с.-д. района поручено было теперь же произвести выборы по районам в Московский Комитет, в каковой от Городского района войдет Сапронов. По его словам, в распоряжении будущего Московского Комитета поступят две техники: печатная машинка и ротатор, которые пока находятся на частной квартире, за плату, где работать нельзя, и поэтому нужно найти подходящую квартиру»¹⁾.

Не помню, была ли декларация, о которой идет речь выше, действительно прочитана мною или Кривошеиным, но, ввиду того, что оба провокатора доносят, что она была прочитана Сапроновым, по всей вероятности, это так и было. Декларацию эту принес не я, а провокатор Кривошеин, который был тогда в Исполнительной Комиссии ЦБ и который мне сообщил, что литературная группа написала декларацию оценки текущего момента, которую должен был обсуждать бывший Московский Комитет, но вследствие арестов эту декларацию туда передать не успели, и теперь необходимо ее обсудить нам.

Проверить, была ли она действительно написана литературной группой — я не мог, так как связан с ней не был; тон ее и содержание были таковы, что как будто бы наступают дни окончательного боя рабочего класса с буржуазией. В ней был призыв к выступлению 1 мая чуть ли не с оружием в руках и указывалось, что с этим выступлением начнутся вооруженные бои труда и капиталом.

Тогда у меня лично были некоторые сомнения: неужели литературной группе больше известно наличие революционных сил для такого выступления, чем нам. Можно было думать о большой однодневной стачке 1 мая, но ни в коем случае не о баррикадной борьбе. Теперь же для меня ясно, что эта декларация была провокационная, и возможно, что она написана была в самой охране. Пишущий эти строки и Виктор Сихарулидзе решительно выступили против декларации, указывая, что наличия сил для вооруженной борьбы, к чему фактически призывает декларация, у нас не имеется, и поэтому было бы безумием выпускать от имени партийных органов такие документы. Насколько мне помнится, и провокатор Николаев высказывался против декларации, и лишь один Кривошеин яро защищал ее.

Совершенно верно провокатор Николаев сообщает об имевшихся тогда двух «техниках». Действительно мне была передана тов. Акоповым через тов. Союю маленькая американская типография, которая хранилась за плату в какой-то чуть ли не обывательской семье под видом вещей одного студента, а также имелся ротатор, на котором

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 15 апреля 1916 г., № 84. В личном деле Сапронова. Дело М.О.О.

к первому мая предполагалось отпечатать листовки. Пустить же в ход типографию, для которой требовалась более оборудованная квартира, к первому мая мы и не мечтали.

На вышеупомянутом заседании ЦБ было решено как можно быстрее создать Московский Комитет, которому предложить, если он не успеет обсудить вопрос о праздновании 22 апреля — дня рабочей печати, постараться заранее выпустить листовку к первому мая. В это время у нас была связь с Лефортовым, Коммерческим Институтом, «Северной Группой» и Орехово-Зуевым. Кстати был выпущен просидевший недели 2—3 тов. Мышкин, с которым мы и должны были организовать Московский Комитет и приготовить к его заседанию проект первомайской листовки. Встречались мы с тов. «Егором» в трактирах за чашкой чая и там же выработывали тезисы листовки, правда, не записывая их на бумагу.

План празднования первого мая был предложен на вышеуказанном заседании ЦБ провокатором Кривошеиным и заключался в следующем:

Так как 1 мая 1916 г. было в воскресенье, то мы решили его отметить массовками. Центральную массовку, рассчитанную на несколько сот человек, думали провести в Царицыне. Мы думали поехать туда заблаговременно, выбрать подходящее место, а затем провести массовку в разных частях города, 2 же мая провести стачки. Этот план был одобрен тов. «Егором» и членами Московского Комитета, с которыми до созыва последнего мне пришлось встретиться.

Первое свидание членов Московского Комитета мы решили устроить на экскурсии в Ботанический сад, во время которой оповестить членов Московского Комитета о дне заседания последнего. Отказавшись воспользоваться полученной с Попком связью, я с ним совершенно неожиданно встретился на этой самой экскурсии, где от Симоновского района представителем в Московский Комитет был выбран Киров. В этих выборах принимали участие Попок и Кривошеин. Последний был большим приятелем Кирова по старой работе в Орехово-Зуеве. Тов. же Киров в Московском Комитете должен был представлять и Орехово-Зуевскую организацию, впредь до делегирования ею местного представителя. Об этой экскурсии провокатор «Птицын» — Попок доносит:

«Он (Сапронов) присутствовал 17 апреля на экскурсии в Ботанический сад, под прикрытием которой состоялось собрание представителей с.-д. групп, входящих в состав Рогожско-Симоновского района, на котором был избран из трех лиц исполнительный комитет этого района, каковым, в свою очередь, был избран представитель в Московский Комитет РСДРП¹⁾. Попок доносит от 18-го числа, от того же числа доносит и провокатор «Андреев» — Николаев.

«По его (Сапронова) словам 19 апреля состоится первое собрание вновь организованного Московского Комитета РСДРП, членом которого он и состоит»²⁾.

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 18 апреля, № 87, в личном деле Сапронова. Дело М.О.О.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП от 18 апреля, 1916 г. в личном деле Сапронова. № 90. Дело М.О.О.

От 19 апреля о том же сообщает и провокатор «Орехов» — Кривошеин.

Таким образом, несмотря на нашу сутубую конспирацию, охранка от трех лиц получает донесения об организации Московского Комитета, и, само собой разумеется, начинается усиленная слежка.

19 апреля, когда нами было назначено заседание Московского Комитета, мы, чтобы запутать свои следы и быть уверенными, что за нами не будет слежки, явку назначаем в одном из трактиров на Самотеке, куда никто из нас никогда не заглядывал. Пошли мы не прямо на заседание из этого трактира, а перекочевали в другой и, посидевши там, отправились на заседание в Марьину Рошу, на квартиру тов. Харламова.

Придя туда последним, я у ворот увидал подозрительного типа.

Вхожу в квартиру и узнаю, что тип этот замечен не только мною. Послали тов. Харламова проверить, насколько верны наши подозрения. Квартира тов. Харламова была в глухом и темном переулке на самой окраине города, за Земляным Валом. Тов. Харламов вышел, увидав действительно подозрительного типа, стал у него что-то расспрашивать, последний уклонялся от ответов. Харламов стал на него наступать, — тип пустился бежать.

После этого, конечно, рискованно было продолжать заседание Московского Комитета. Чувствуя, что не одобровать и этому составу Комитета, мы решили тогда не устраивать заседание Московского Комитета, а обсудить листовку путем передачи ее проекта для прочтения отдельным членам Московского Комитета. У меня был проект упомянутой выше декларации, а у тов. Мышкина был свой проект листовки, написанный студенческой группой. Сидя на скамейке Цветного бульвара, мы прочитали оба эти проекта, сделали соответствующие замечания и скомбинировали из двух проектов одну листовку, которую затем окончательно отредактировал тов. Мышкин, а затем мы распределили между собой, кто кому должен ее дать из членов Московского Комитета для прочтения, чтобы затем уже принять окончательную редакцию. Тогда же я отправился в Самарский пер., к члену «Северной Группы»; ни номера дома, ни фамилии этого товарища я не помню.

Ввиду того, что у меня был один экземпляр листовки, а того товарища, который должен был ее прочитать, на квартире не было, оставлять же его я не мог, так как надо было дать другим для прочтения, то я попросил разговаривавшую со мной женщину снять копию и оставить себе. Увидав растерянный и недоуменный взгляд, я понял нетактичность своего предложения, попросил чернил, сел у них в комнате, переписал своей рукой листовку; экземпляр, написанный моей рукой, оставил и ушел.

На второй же день, т.-е. 21 апреля 1916 года, листовка была принята окончательно, и мы ее должны были сдать в печать. Но несмотря на всю конспирацию и предосторожности, мы все же таки проваливаемся. В делах охранки находим следующее донесение провокатора «Орехова» — Кривошеина:

«По его словам (Сапронова), первое собрание вновь созданного Московского Комитета РСДРП состоялось 19 апреля, на

котором было всего три члена; между коими и Сапронов от Городского с.-д. района. На собрании предполагалось обсуждать текст выработанных литературной и студенческой группами первомайской листовки, но так как было замечено наблюдение, то рассмотреть проекты листовок не успели и разошлись. 20 апреля он (Сапронов) встретился с членом студенческой с.-д. группы Георгием Мышкиным, с которым вдвоем обсудили оба проекта, составив из двух одну листовку, которую затем Сапронов давал для рассмотрения представителю Северной с.-д. группы. Эта листовка, по словам Сапронова, уже отдана в печать и печатать ее будут в двух местах на ротаторе и гектографе.

Листовку предполагено выпустить в количестве 20 тысяч экземпляров¹⁾.

Этот подлец совершенно правильно доносит, за исключением количества экземпляров предполагаемой листовки. Такое количество мы технически не могли на ротаторе и гектографе отпечатать, хотя, действительно, было решено печатать максимальное количество, с 21 апреля до 1 мая, не прекращая работы.

22 апреля я был арестован, и только моя осторожность спасла от того, что текст листовки, написанный рукой тов. Мышкина, не попал в охранку. Дело обстояло так:

22 апреля я должен был отнести текст листовки для печатания, и в тот же день мне нужно было пойти к мировому судье Пресненского участка. Зная, что за мной всегда бегают шпики, я счел разумным, идя к мировому судье, рукопись оставить дома, чтоб вернувшись отнести ее печатать. Но вернуться мне не пришлось: У Зоологического сада я был схвачен шпиками и арестован. В охранке жандармский ротмистр Ганько предлагал мне сознаться в своем преступлении, говорил, что все равно ему все известно, и тут же действительно подробнейшим образом рассказывал, когда и где я был и что делал, в частности издевался надо мной, говоря, что если писать так неграмотно листовки, как я написал 4 апреля, то лучше их совсем не писать: «От них вашей партии пользы мало».

Из рассказов Ганько я сразу же убедился, что все это является предательством, делом рук Кривошеина. Когда меня доставили в Арбатскую часть, я тотчас же увидел там тов. «Егора», который, к нашему общему удовольствию, сообщил, что сн листовки для печатания успел передать. Затем встречаю еще одного товарища, фамилии которого не помню, который мне сообщил, что 22 апреля Кривошеин ему передал женевскую брошюрку (кажется «Отношение партии к войне») и один номер газеты «Социал-Демократ» и что только что он с ним распростился и вошел в трамвай, — как тут же был арестован. Конечно, брошюрки и «Социал-Демократ» стали достоянием охранки.

Через некоторое время меня перевели в другую камеру. Смотрю, — в ней сидит тов. Киров и неизвестный мальчик, лет 16, арестованные на квартире в ночь на 23 апреля; они выражали удивление, почему

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 24/IV 1916 г., № 9? Сапронова. Дело М.О.О.

не был арестован Кривошеин, который жил у них на квартире по нелегальному паспорту. Имея в виду полную осведомленность жандарма Ганько и подозрение того товарища, которому Кривошеин дал литературу, а также и подозрение тов. Кирова, — я тут же заявил, что Кривошеин — провокатор, и об этом нужно немедленно сообщить на волю, что и было сделано. Ротмистр Ганько свои угрозы (что я, мол, всех ваших переарестую сегодня же) выполнил полностью, произведя в одну ночь более 200 арестов. Из строителей был арестован тов. Шаров, были арестованы два маляра, которых я не знал, и они меня тоже, но с которыми я как-то встретился на улице и спрашивал, не знают ли они, где получить работу. Был арестован тов. Харламов и две девушки, сестры, жившие у него на квартире.

Об этом последнем следует оказать несколько слов:

Тов. Харламов — маляр, совершенно неграмотный, всю зиму 1915 и 1916 г. был членом группы, выполнял самую опасную работу. На его квартире был гектограф, печатались прокламации и хранилась литература. Это о его квартире в Марьиной Роще, где заседал МК, доносит провокатор «Орехов» — Кривошеин. Во время обыска у т. Харламова на кухне под печкой находился гектограф, но его не нашли, нашли лишь нелегальную литературу. Когда его спросили, откуда он ее взял, он сообщил, что так как он по профессии маляр, то при оклеивании газетных стен, ему попадались эти книжки в старых газетах, и он их принес своим детишкам играть, а так как он неграмотный, то не знает, что в них написано. Те две девушки, о которых мы говорили, арестованы были ни за что, разве только за то, что жили у тов. Харламова на квартире.

Был произведен обыск и у меня на квартире, но не дал результатов, хотя в это время у меня хранилось небольшое количество шрифта и типографская краска, которые были спрятаны в находившейся в коридоре уборной под решетником крыши, а проект первомайской листовки — под обивкой входной двери.

Был также произведен безрезультатный обыск в Обществе строителей и лично у тов. Курина, который жил тогда в помещении Общества. У тов. Курина найдено было несколько нелегальных книг, но как видно из протокола обыска, «имея в виду указание в ордере, Курил оставлен на свободе». Очевидно, охранка это делала совершенно сознательно для дальнейших провалов.

Из Северной Группы было арестовано несколько человек, а том числе и член Московского Комитета; были также арестованы члены Московского Комитета и других районов.

Таким образом, несмотря на всю нашу конспирацию, получился полный разгром московской организации, и мы, сидя в тюрьме, были убеждены, что первое мая сорвано. В сущности так оно и случилось.

На воле в это время происходило следующее: Кривошеин откуда-то узнал, что он разоблачен, и немедленно из Москвы уехал, а это разоблачение Кривошеина до некоторой степени реабилитировало Николаева, и последний снова вошел в доверие и в дальнейшем играл свою предательскую роль. Товарищи же, оставшиеся на свободе, были совершенно ошеломлены такими массовыми арестами и, полагая, что они

не закончены, начали принимать меры предупреждения этих арестов. Тов. Ооя не дожидаясь первого мая: боясь, что ее ротатор провален, она, отпечатав до тысячи экземпляров листовки, уехала в Киев; Виктор уехал в Баку, литературная группа, как мы видели, стояла в стороне. Задачу восстановления Московского Комитета должен был взять хотя и очень преданный, но мало грамотный, да и мало опытный член правления строителей, по профессии маляр, товарищ Курин.

Несмотря на массовые аресты и даже некоторый испуг товарищей, московская организация продолжала существовать. Кроме упомянутой листовки Московского Комитета, была выпущена еще листовка, на ближайшем участии членов Союза строительных рабочих и написана рукой товарища Лукина¹⁾, который тогда активно работал в Союзе строительных рабочих. Тов. Лукин был арестован и, как пойманный с поличным, предан суду. Виктор Сихарулидзе, прежде чем уехать, выполнил свой долг революционера: созвал заседание представителей профессиональных союзов и передал тов. Курину все имевшиеся у него связи. Об этом собрании провокатор «Андреев» — Николаев доносит:

«28 апреля в трактире Николаева по Моховой ул., в числе четырех лиц присутствовал (Курин) на собрании, созванном с.-д. Виктором Сихарулидзе, где Сихарулидзе докладывал, что Московский Комитет РСДРП и Городской с.-д. район благодаря арестам распались, но несмотря на это первомайские листовки все-таки выйдут, так как текст листовки до ареста передан лицу, непосредственно близкому к «технике», и это лицо не арестовано. Это Курин подтвердил и доложил, что листовки, действительно, готовы, и что он их принесет 29 апреля в татарскую столовую, куда и просил присутствующих зайти за получением их. Здесь же Сихарулидзе просил присутствующих заняться подысканием лиц, способных заменить арестованных «товарищей» и создать инициативную группу для восстановления МК»²⁾.

О том, что вышла листовка Московского Комитета, мы узнали, сидя в Арбатском полицейском доме. В настоящее время установлено (см. статью т. Воиновой «Рабочее движение в Москве в 1914—1917 г.г.» — Журнал «Пролетарская Революция» № 2 (14) 1923 г. в приложении № 17), что упомянутая листовка вышла не за подписью Московского Комитета, а за подписью «Группа социал-демократов». Причина этого заключалась в следующем:

Группа студентов Коммерческого Института, получив текст листовки для исполнения, после ареста Московского Комитета, начала обсуждать, можно ли выпускать листовку за подписью уже арестованного Московского Комитета, и пришла к заключению, что листовка должна быть выпущена за подписью не МК, а «Группа социал-демократов», мотивируя это тем, что охранка знает, что МК арестован, и выход за его подписью листовки заставит ее предположить, что после ареста уже организован новый МК, и в поисках этого комитета

¹⁾ См. статью тов. К. Воиновой «Рабочее движение в Москве в 1914—1917 г.г.» Приложение № 16. — Журнал «Пролетарская Революция» № 2/14 1923 г.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП от 29/IV 1916 г., № 98 в личном деле тов. Курина.

произведет новые аресты. Во избежание этих арестов они и решили снять с листовки подпись МК.

Странным кажется такая мотивировка снятия подписи МК. Вместо того, чтобы ошеломить охранку, ввести ее в заблуждение, что Московский Комитет не арестован, а существует, они сводят уже исполненную работу на-нет, подтверждая, что удар охранки попал в цель.

Ведь МК для того и готовился заранее к первому мая, чтобы предупредить охранку с ее арестами и провести подготовительную работу к первому мая, т.-е. выпустить листовку. И вот, когда работа вся проделана и листовка, правда, без формального заседания МК, путем прочтения отдельными товарищами, членами МК, принята Московским Комитетом, — отдельная группа товарищей решает снять подпись Московского Комитета¹⁾.

Если, действительно, таковы были единственные мотивы за снятие подписи, то совершенно непонятно, как могла отдельная группа товарищей столь нелепо узурпировать права Московского Комитета. Видимому, у нее были все-таки другие соображения: может быть, эта группа сомневалась, что текст листовки успел быть принятым Московским Комитетом.

Необходимо несколько слов сказать об упомянутой татарской столовке. Эта столовка находилась на углу Рождественки и Труфной площади, т.-е. в том доме, где и Союз строителей. Так как в этой столовке обеды были дешевые, из конины, то ввиду сильной дороговизны и плохого заработка строителей, все правление и активные работники ходили туда обедать и чай пить. Кроме того, главными посетителями этой столовки были татары-торговцы, и мы считали эту столовку самым конспиративным местом для всякого рода явок. И в данном случае тов. Курин назначал явку в этой столовке для получения листовок, и, конечно, охранка никогда не могла бы открыть, что в такую трущобу, которая кишит мелкими торговцами-татарами, может забраться политика, если бы не было об этом донесения провокатора...

Итак, деятельность партийной организации Москвы продолжается, и в этой работе попрежнему активную роль играет союз строительных рабочих. Вскоре восстанавливается Городской с.-д. район и Центральное Бюро профессиональных союзов, о чем неизменно в охранку доносит провокатор «Андреев» — Николаев²⁾.

Не остановилось также и рабочее движение. Хотя празднование первого мая в том масштабе, как мы предполагали, было сорвано, но экономические стачки начались именно с того дня, т.-е. со 2 мая, и который Московский Комитет призывал московский пролетариат к политической стачке. 2 мая забастовали рабочие чаеразвесочной «Губкина и Кузнецова» предъявив экономические требования. В победении этой стачки активную роль играл тов. Курин. 2 же мая забастовали мастерские Курской жел. дороги, Московско-Казанской,

¹⁾ Этот факт мне сообщил тов. Тер-Ваганян, которому от имени студенческой группы была передана связь с Московским Комитетом.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП от 4 мая 1916 года, № 100 в личном деле тов. Курина.

Александровской и Северных дорог, «Поставщик», завод. Износкова, Зуккау и К^о и целый ряд других¹⁾.

Союз строителей в это время опять испытывал большие затруднения; аресты товарищей Лукина, Сапронова, Шарова, Харламова и других, а также новая мобилизация сильно отразились на его работе.

Если зимою союзу строителей везло — не было арестов, а мобилизация мало его затронула, то теперь ему в каких-нибудь две недели был нанесен большой удар. Но ввиду того, что 6—7 месяцев интенсивной легальной и нелегальной работы нашего Общества воспитали и закаляли целый ряд новых молодых товарищей; работа все же не замерла и продолжалась хотя и в меньших размерах.

Насколько за зиму окрепла работа союза строительных рабочих, видно хотя бы из тех фактов, что на годичном собрании 13 сентября 1915 года присутствует только 35 человек, на собрании же 25 марта 1916 года, когда еще строительный сезон не начинался, присутствует 152 человека. Увеличение почти в пять раз.

Уже к этому времени Общество дает себя чувствовать предпринимателям: оно начинает предъявлять им требования, вступаться за своих членов, проводить стачки, заключать договоры. На упомянутом нами общем собрании от 25 марта обсуждался вопрос о заключении коллективного договора с Союзом потребительских обществ и для переговоров с последним была избрана соответствующая комиссия. В это же время обнаружилось наступление предпринимателей на союз, напр., за увечья трех членов Общества у подрядчика Невинского не только не было выдано пособия, но они были уволены с работы за то, что состояли членами Общества. Строительная контора Брунштейна в феврале месяце вместо 10-часового рабочего дня вводит 11-часовой, но рабочие в ответ на это начинают записываться членами союза. В столярной мастерской Лукина замечается прижимание рабочих, члены Общества на это отвечают агитацией и втягивают рабочих в союз. На постройке Союза потребительских обществ подрядчик Курашев требует за поступление на работу с рабочих взятки, не отдает заработанное за сверхурочное время. Когда же рабочие начинают организованно протестовать против этого безобразия, то администрация отвечает введением 9-часового рабочего дня вместо восьмичасового. Когда же делегаты рабочих обратились к господину Беркенгейму (видный кооператор), то сей господин, вместо того, чтобы наказать виновников, стал упрекать рабочих в лености. Правление Общества на это ответило предъявлением Союзу потребительских обществ требований, и конфликт был улажен.

Начало строительного сезона 1916 года также ознаменовалось некоторыми стычками правления союза строительных рабочих с предпринимателями. Напр., на заседании 30 мая, в ответ на притеснения рабочих подрядчиком малярных работ Юдиным, правление постановило провести агитацию среди рабочих за вступление в члены Общества и

¹⁾ См статью тов. В о и н о в о й «Рабочее движение в Москве в 1914—1917 г.г.», журнал «Пролетарская Революция» № 2/14, 1923 г., стр. 182—183, в которой она описывает ход стачек этого времени на основании имеющихся материалов в охране.

предъявить указанному подрядчику требование повышения заработной платы и улучшения условий труда. На фабрику Луккина, где рабочие потребовали вежливого обращения и повышения заработной платы, правление постановило послать своего представителя для переговоров с Луккиным. Предприниматель вынужден был разговаривать с представителем союза, и 15 июня на заседании правления было доложено, что требования рабочих полностью удовлетворены. В июле месяце при поддержке союза предъявляют требования рабочие конторы «Гигиена» о повышении заработной платы на 25%. В течение всего лета возникали бесконечные конфликты между нашим профессиональным Обществом и «демократическим» Союзом потребительских обществ, и в конце сентября или в начале октября 1916 г. там была строительными рабочими объявлена стачка. Несмотря на то, что уже кончался строительный сезон, стачка проводилась настолько дружно, что все требования администрации были удовлетворены.

Члены правления попережнему наряду с профессиональной работой вели партийную работу: тов. Курин, как представитель партийной организации и представитель правления союза, участвовал в союзном и партийном объединениях. Из донесения провокатора мы видим, что по инициативе тов. Курина 4 мая 1916 г. было созвано заседание Городского партийного района, а 10 мая тот же провокатор доносит:

«По его (Курина) словам, в лесу у платформы «Фили» 9 мая состоялось частное совещание некоторых партийных с.-д. работников, где обсуждался вопрос о восстановлении разбитых партийных групп, а в частности «Городского с.-д. района» и «Московского Комитета РСДРП». По его словам, выяснилось, что в конце мая им будет получена связь со студенческой «техникой», типографией, которую придется устроить в надежном месте»¹⁾.

Связь со студенческой «техникой» и вообще с партийной организацией студентов тов. Курин должен был получить через тов. Тер-Ваганяна, который от имени студенческой группы Коммерческого Института после арестов Аكوпова, Мышкина и других близко стоял к организации Московского Комитета и впоследствии был членом последнего. В своем донесении провокатор «Андреев» — Николаев не преувеличивает того, что на совещании в Филях обсуждались вопросы о восстановлении разбитых групп Городского районного Комитета и МК. Тогда действительно все эти организации были разбиты массовыми арестами 22 апреля и последующими, вплоть до 1 мая, арестами.

Но все эти аресты хотя и обескровливали Московскую организацию, тем не менее они не могли остановить все нарастающее рабочее движение. Наоборот, они вызвали на фабриках и заводах сильнейшее брожение, которое выливалось в беспрестанные экономические стачки. Стачки, начавшиеся 2 мая 1916 года, не только не прекращались, но продолжали усиливаться: бастуют рабочие мелких и крупных предприятий, бастуют рабочие завода «Бромлей», фабрики «Фаберже», завода Михельсона и др. Бывали такие случаи, что не успеет забастовка

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 10/V 1916 г., № 104, в личном деле тов. Курина. М.О.О.

прекратиться, как через несколько дней на том же самом предприятии возникает снова.

Все это движение заставляло уцелевших от арестов товарищей подтягиваться и изыскивать меры организационного оформления этого движения. Рабочие все больше и больше из своих рядов выдвигают новых и новых людей, которых необходимо было объединять в партийные группы. Вот почему мы видим, что еженедельно — а иногда в неделю два раза — происходят совещания отдельных работников и групп. Наступившая весна содействует рабочим организациям, которые выносят свою деятельность из рабочих каморок на простор, в подмосковные леса. 9 мая, как мы видели, происходило партийное совещание в Филех, а 13 мая провокатор «Рязанский» — Комаров доносит, что

«15 мая он (Курин) примет участие в экскурсии в Бескудиново, устраиваемой Обществом народных развлечений. Он член вновь организуемого в Москве Центрального Бюро. По его и Андрея Беззубикова словам, деятельность ЦБ будет служить продолжением деятельности «Пресненской группы»¹⁾.

Такие экскурсии действительно происходили и собирали большое количество рабочих. Под прикрытием их и происходили партийные совещания. Провокатор «Андреев» — Николаев, обнаглевший после некоторой его реабилитации в связи с бегством провокатора Кривошеина, снова находится в центре происходящих событий и все время о них предупредительно доносит охранке. Его же донесение от 24 июня гласит, что

«27 июня в роще за Симоновской слободкой он (Курин) будет участвовать на совещании местных большевиков, где будут обсуждаться вопросы: 1) об организационной партийной работе, 2) о предвыборной кампании в V Государственную Думу, 3) о рабочем съезде и 4) о газете»²⁾.

Мысль о создании легальной газеты московской организации никогда не покидала работников последней, и этот вопрос часто обсуждался как в легальных, так и в нелегальных организациях. Но создать такую газету до самой Февральской революции так и не удалось. Приходилось также часто обсуждать вопросы о рабочем съезде, с которым продолжали носиться ликвидаторы. Что же касается создания Московского Комитета, то это дело не особенно подвигалось вперед: трудно было восстанавливать связи после столь тяжелого разгрома. Усиленная же слежка заставляла многих товарищей или временно прекращать работу или же уезжать из Москвы. Как мы видели, уехала в Киев тов. Соня, которая должна была новому Моск. Комитету передать связь с «техникой», уехал тов. Сихарулидзе, который после моего ареста должен был взять на себя всю работу по восстановлению Городецкого района и который имел связи по организации МК; вскоре за ним уехал и тов. Тер, через которого тов. Курин имел связи со столовкой и т. д.

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 13/V 1916 г., № 109 в личном деле тов. Курина.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП от 24/V 1916 г., № 127 в личном деле тов. Курина. М.О.О.

Все это выдвигало необходимость передать связи в новые руки, что, само собой разумеется, затрудняло организацию Московского Комитета. Тем не менее нашим товарищам удалось в конце июня восстановить ОК. По этому поводу провокатор «Андреев» — Николаев от 11 июля доносит:

«В «организационную комиссию» по восстановлению в Москве с.-д. организации войдет некто «Петра» — латыш, близко стоявший к комитету «Тверской группы РСДРП».

Вызывать его можно по телефону № 2-87, попросив к телефону «Петра Петровича».

Близко будет стоять к «организационной комиссии», но не войдет в ее состав какой-то интеллигент, знакомый Курина, имеющий непосредственную связь с типографией (типографской машиной и ротатором), которую не успел оборудовать провалившийся в начале года «Московский Комитет РСДРП»¹⁾.

Упомянутый в этой записке интеллигент, очевидно, не кто иной, как студент Коммерческого Института, заменивший тов. Тера по связи организации Коммерческого Института с Московским Комитетом, так как речь в этой записке идет о той самой «технике», которая имела в распоряжении арестованного Московского Комитета.

Хотя в это время недовольство среди широких масс все больше и больше росло, учащались не только в Москве, но и по всей России голодные беспорядки, не прекращались экономические стачки — все же Московский Комитет оформить удалось не раньше ноября месяца, Городской же район, ЦБ, не переставая работать все лето и все время принимал активное участие в организации Московского Комитета.

Весь 1916 год шла неустанная борьба между охранкой, с одной стороны, и рабочими организациями — с другой. Первая громила рабочие организации, арестовывала рабочих, сажала их в тюрьмы, ссылала в ссылки, вторые — вновь и вновь организовывали группы, выдвигали новых работников; из маленьких нелегальных и конспиративных групп стали создаваться большие полуполигальные и втягивающие в свои ряды широкие круги рабочих масс и партийные группы. Рабочие начинают связываться с солдатскими казармами и пр. Я помню, как приехавшие ко мне на завод «Проводник» товарищи Кудрявцев и Жалков рассказывали, как на одном собрании ячейки во время доклада о войне сквозь тонкую переборку, затаив дыхание, слушали солдаты, которые потом пришли и начали благодарить товарища докладчика. Вот что пишет об этом собрании тов. Тер в своей статье «Накануне великой революции» (стр. 27):

«В ноябре в одном из кружков я произнес речь по вопросу о том, как можно прекратить войну, и, очевидно, произвел большое впечатление, ибо новые члены кружка жали мне руку и говорили: «Вот если бы все это передать нашим рабочим». Вдруг из соседней каморки в нашу комнату входит несколько солдат. Мелькнула

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 11/VI 1916 г., № 33 в личном деле тов. Курина. М.О.О.

мысль, что мы провалились... Но М. Яковлев широко улыбался. «Спасибо, товарищ, правду ты сказал, — говорят солдаты, — не умереть бы только до этих дней революции». Потом от М. Яковлева я узнал, что появление солдат было и для него неожиданным: соседка, к которой они ходили, оставила их у себя вопреки уговору с Яковлевым и, таким образом, сделала их участниками нашей беседы».

Пришедшие с фронта, — продолжали рассказ товарищи Кудрявцев и Жалков, — члены Общества строительных рабочих, Дмитриев и другие привозят ручные гранаты, прячут их в укромные местечки и говорят: «Скоро пригодятся». Настроение в армии революционное, солдаты московского гарнизона поговаривают о том, что если будет революция, то они в своих голодных жен и детей стрелять не будут.

При таком положении дел московским партийным организациям приходилось заботиться о том, чтобы успевать возглавлять и вводить в русло движение рабочих.

После долгого перерыва Московский Комитет был создан вновь, и 1 декабря этот Комитет назначает свое заседание; однако он был снова накрыт полицией и в полном составе арестован, не успев даже, как пишет товарищ Тер, обсудить проект первой листовки. Это было новым большим ударом для московской организации.

Но унывать было некогда. Городской район продолжает действовать и снова и снова обсуждать вопрос о новом создании Московского Комитета. Но и предатели сидят все время в рядах этой организации и продолжают свое гнусное дело. От 20 ноября провокатор «Андреев» — Николаев доносит, что

«18 ноября в квартире портного Белова он (Курин) присутствовал от архитектурно-строительных рабочих на собрании «Городского района РСДРП», где обсуждались партийные вопросы, и где он и «Марк» были выбраны помощниками председателя Городского района, при чем они будут фактически исполнителями постановлений района, а председатель такового будет руководить районными собраниями и сноситься с представителем района в Московский Комитет РСДРП»¹⁾.

И дальше тот же провокатор доносит:

«13 ноября в квартире Василия Межуева от архитектурно-строительных рабочих он (Курин) был на собрании «Городского с.-д. района, где Адриан Николаев делал доклад о провале Московского Комитета РСДРП и о решении ОК приступить к созданию нового МК. Здесь же неким «Марком» внесено было предложение о желательности создания из рабочих особой коллегии пропагандистов, что было одобрено и поручено Николаеву поставить о сем в известность Орг. Ком., которая взяла бы на себя организацию таковой коллегии; говорилось также о выступлении рабочих в день 9 января, каковой вопрос был решен в по-

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 20/XI 1916 г., № 226. В личном деле тов. Курина. М.О.О.

ложительном смысле, и здесь же были избраны представитель и заместитель его в МК»¹⁾.

Этот провокатор, только что проваливший Московский Комитет, на этом заседании делает доклад о разгроме Московского Комитета, а после заседания немедленно пишет донос в охранку, а охранка со здораством следит за каждым шагом рабочих и поджидает новые жертвы. Этот же провокатор, донося о том, что 11 декабря в Коммерческом Институте происходило заседание Московской Организационной Комиссии, где обсуждался вопрос о провале МК, ликующе пишет:

«Из полученных сведений от арестованных можно было заключить, что в данном случае просто произошел несчастный случай, благодаря неосторожности кого-либо из арестованных, который мог привести за собой наблюдение, и что данных для обвинения кого-либо в предательстве не имеется.

Ввиду этого было решено продолжать организационную работу по созданию нового «МК» и по подготовке выступления рабочих в день 9 января 1917 года»²⁾.

Но провокатору долго радоваться не пришлось. Он вскоре был разоблачен: товарищи из тюрьмы сообщили о том, что провал Московского Комитета 1 декабря 1916 года является делом рук Николаева, и он вскоре был устранен от работы. На упомянутом же заседании Организационной Комиссии обсуждалось несколько вопросов, о чем сообщает в той же записке провокатор:

«Затем был поднят вопрос о выпуске листовки.

Как выяснилось со слов «Васи», предполагавшиеся к выпуску листовки были переданы для печатания Островитянину, и пока неизвестно, были ли они сданы им в печать, уничтожены ли при появлении наряда полиции (в его квартире было арестовано 1 декабря собрание МК) или забраны полицией.

Если выяснится, что они целы, то их решено выпустить, если же нет, то решено выпустить листовку к 9-му января с призывом к выступлению. Составляться эта листовка будет социал-демокр. пропагандистской коллегией студентов Коммерческого Института, к которой также принадлежит и «Вася». Листовка будет выпущена от имени «Организационной Комиссии», если к тому времени не удастся создать МК. Затем был поднят вопрос о желательности поездки в Петроград для связи с «Петербургским Комитетом РСДРП». После этого был выдвинут вопрос об участии в продовольственном совещании, которое должно состояться в тот же день, т.-е. 11 декабря. Этот вопрос был решен не только по отношению к данному продовольственному совещанию, но вообще к подобным буржуазным с'ездам. Было решено, не принимая активного участия в самих с'ездах, использовать таковые лишь в организационных целях. На этом совещание и закончилось. Следует еще отметить, что Николаев отказался от секретарских обязанностей «Орг. Ком.» Пе-

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 14/XII 1916 г., № 247. Дело М.О.О.

²⁾ Там же.

чать будет, однако, храниться не у «Ваои», а у подруги Анны Ивановой, в квартире которой (Варашков проезд, д. № 8) несколько раз происходили собрания «Организационной Комиссии». Теперь эта девица переехала на новую квартиру, но куда именно — пока неизвестно»¹⁾.

Провокатор сообщает о том, что он отказался от секретарских обязанностей — это обычный прием провокатора, чтобы казаться более скромным, и чтобы в нем не заподозрили провокатора. Таким образом охранка была заранее осведомлена о том, что делалось в ЦБ и в Организационной Комиссии. Мало того, что она осведомлена и имеет возможность следить, — она и в дальнейшем продолжает получать сведения. Провокатор Николаев, вследствие его разоблачения отстранен, и его место занимает Попок. Мы видим, что в течение всего 1916 г. Московский Комитет проваливается, и все время провокатор Попок близко стоит к Московскому Комитету и неизменно остается неарестованным. На него падает легкое подозрение, но он настолько ведет себя умело, что материалов для его обвинения не имеется. Все время решают его сплавить, чтобы помимо его создать Московский Комитет, но он с того или другого конца примажется и снова ведет свою предательскую деятельность. 23 декабря 1916 г. этот провокатор доносит, что приехал какой-то неизвестный:

«Здесь в Москве он уже связался с некоторыми видными партийными с.-д. работниками, как-то: студентами Московского Коммерческого Института Тер-Ваганяном и Мышкиным, металлистом Попком, архитектурно-строительным рабочим Куриным и портным «Марком», у которого сегодня и будет ночевать»²⁾.

А через несколько дней, т.-е. после 27 декабря, тот же провокатор подробнейшим образом доносит, что

«приехавший в Москву из Ростова-на-Дону «большевик», именующий себя «Михаилом Григорьевичем», командирован, по его словам, в Москву и Петроград Ростовской-на-Дону социал-демократической организацией для получения связей и выяснения вопроса о созыве Всероссийской с.-д. конференции.

Здесь он пробудет несколько дней, так как рассчитывает получить хороший паспорт, а затем поедет в Петроград.

Он уже побывал в Киеве, где будто бы последнее время был развал партийных организаций, но теперь удалось восстановить разбитые группы и создать довольно сплоченную и сильную организацию.

В Ростове-на-Дону также существует сильная партийная организация, во главе с общегородским комитетом, к которому близко стоит известная в Москве «Паша Тихомирова».

В Москве «Михаил Григорьевич» ночует в разных местах; так ночи две ночевал у портных «Марка» и Лотыгина (последний живет под чужой фамилией), квартирующих по Лаврентьевскому пер.,

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 14/XII 1916 г., № 247 в личном деле тов. Курина. М.О.О. «Вася», о котором речь идет в записке, — тов. Тер-Ваганян.

²⁾ Агентурная записка по РСДРП от 23/XII 1916 г., № 249. Дело М.О.О.

а вчера ночевал у портного Носенкова, живущего по Долгоруковской улице, № 13»¹⁾.

В это время московские работники Попка от работы как будто бы отстраняли, но тот неизвестный, о котором он сообщает в охранку, очевидно, и приехал-то к самому Попку. Очевидно, о нем пишет тов. Тер в своей статье²⁾.

«В самое горячее время Попок привел к нам одного незнакомого человека, который оказался тов. Михаилом Розиным. Он был старым членом партии, много испытанным и знавшим многих. Приехав в Москву, он жаждал работы; мы обещали, но просили подождать; однако он не послушался и быстро нашел связь с Городским районом, а через него и с некоторыми другими. Как смелый и упорный человек, он проникал все глубже, втягивая туда за собой и Попка. Мы об этом узнали гораздо позже, когда дело было уже непоправимо. Накануне 9 января мы узнали, что кто-то ищет связи помимо нас, и сначала заподозрили было Михаила в предательстве, удивляясь, что он так энергично их ищет и ловко находит».

По сведениям же охранки, этот товарищ — Михаил Григорьевич Песковский, воронежский мещанин. Провокатор Попок этого товарища сделал своим орудием, вылавливая через него сведения, и доносил охранке. В той же записке Попок пишет:

«По словам Лотыгина 25 сего декабря состоялось первое собрание вновь созданного Московского Комитета РСДРП, одним из членов которого состоит «Марк», являющийся представителем «Городского с.-д. района».

Следует отметить, что в создании этого «МК» «Организационная Комиссия» никакого участия не принимала, и лишь только один ее член, а именно Тер-Ваганян непосредственно работал по созданию его и, по всей вероятности, и сам вошел в его состав.

Кто еще входит в состав «МК», пока неизвестно, но из числа лиц, близко к нему стоящих, следует отметить архитектурно-строительного рабочего Курина».

Видно, что провокатор пользуется чужими сведениями, так как он от работы всячески отстранялся, а охранка, конечно, требовала: — «уже если продался, так давай», — поэтому он, очевидно, вынужден был передавать слухи за факты. По его словам, Организационная Комиссия якобы не принимала никакого участия в создании Московского Комитета. Это неверно. Именно Организационная Комиссия, как пишет тов. Тер, создавала этот Комитет, и он был в следующем составе: от Городского района — «Марк», портной, представитель латышской секции, Тер — от Замоскворечья, Ростовщиков — от Сокольнических мастерских, Яковлев — от Рогожско-Симоновского района, Молоткевич — от Лефортова³⁾. Тов. же Курин от имени строителей в состав Московского

¹⁾ Агентурная записка по РСДРП от 27/XII 1916 г., № 250. Дело М.О.О.

²⁾ Статья «Накануне великой революции» в сборнике того же названия, стр. 34.

³⁾ Статья тов. Т е р а, «Накануне великой революции», стр. 35.

Комитета не входил, а лишь входил в Городской район; от последнего, как мы видим, в МК входил «Марк».

На донесении провокатора Попка в охранке положена полковником Мартыновым резолюция: «К срочной разработке, наблюдению и ликвидации в ближайшее время». Однако именно по тому, что внутри самого Московского Комитета на этот раз не было провокаторов, он успел устроить заседание, принять листовку и наметить дальнейший план работы, в которую входило проведение дня 9 января.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1917 год

Предвестники революции. Рост «Общества строителей». Отношение к «Рабочей группе» Военно-Промышленного Комитета. Санитарные попечительства. Февральская революция. Московский Совет Рабочих Депутатов. Организация Союза Союзов. Наказ представителям в ИКСРД. Разоблачение провокаторов. Отношение к легальным организациям после революции. Демонстрация 12 марта. Начало борьбы за диктатуру пролетариата.

За два с лишним года войны недовольство долгое время накапливалось внутри рабочего класса, прорываясь наружу лишь в виде отдельных «беспорядков», частичных стачек и пр. Но 1917 год сразу открывается широким рабочим движением. 9 января, в память павших от пуль «царя-батюшки» нескольких тысяч рабочих, в Москве бастовало 51 предприятие с 31.662 бастующими¹⁾. Кроме того, рабочие, не ограничившись стачками, устроили политическую демонстрацию с пением революционных песен.

В 12½ часов утра 9 января, сразу же с двух сторон — от Тверского бульвара и от Никитских ворот — направились группы рабочих с пением революционных песен и, несмотря на препятствия полиции, соединились и с пением боевых песен двинулись на Театральную площадь. Вот картина Театральной площади:

«Скверы, Петровка, проезды необычайно многолюдны. Витрины Мюра облеплены словно мухами. Половина второго. Группа человек в 150 — 200 затягивает «Марсельезу». Все подтягиваются, группируются и сплошной массой человек в 500 двигаются вверх к Лубянке. Около Неглинного проезда Марк подбежал к трамвайной служащей, выхватил у нее метлу и ломик, прикрепил к ним яркое красное шелковое знамя в 1 — 1½ аршина шириной и 4 аршина длиной. Грандиозное впечатление произвело это знамя, когда растянулось во всю длину. С одной стороны его был лозунг: «Долой войну», а с другой — «Да здравствует РСДРП»...

Песня стала промче, поступь увереннее, ряды теснее. Пропели, обнажив головы, «Вы жертвою пали», обменялись громкими привет-

¹⁾ Статья тов. Тсра, «Накануне великой революции», стр. 44, в сборнике того же названия.

ствиями с проехавшими на автомобиле ранеными; вагоновожатый останавливает трамвай и с обнаженной головой выходит навстречу демонстрантам. Тротуары заполнены людьми упитанными, с меховыми воротниками, в котелках, золотыми погонами. С появлением красного знамени слышались враждебные возгласы, злое шипенье, наши ряды быстро росли, но их еще быстрее. Возгласы «немецкие шпионы», «подкупленные», «продажные» слышались отовсюду. Но песня наша заглушала змеиное шипенье.

Вдруг у Неглинного проезда случилось то, что неизбежно должно было случиться: с криком и шумом появился наряд полиции и наскочил на переднюю часть демонстрантов. Столкновение с полицией для нас не было неожиданностью. Мы с этим мирились. Было значительно хуже, когда вслед за полицией ринулись золотые погоны из среды зрителей, нам враждебных.

Мы наперед знаем, что от нее, т.-е. от полиции, можно ожидать: сперва столкновение грудь с грудью, затем работа локтями, кулаками и нагайками, далее участок, тюрьма. Далекое не то — золотые погоны. Если пристав, околоточный били шашками и плашмя, а городские напирала грудью, то золотые погоны били каблуками, прикладами нагана, чем попало. Били зверски, без пощады¹⁾.

Одновременно с этим происходили демонстрации и митинги в других частях города. Рабочие военно-промышленного завода в количестве 400 человек собрались у угла Земляного Вала и Гороховской, рабочие Динамо в числе 2.617 человек в восемь с половиной часов утра, не приступая к работе, вышли на улицу, стали петь революционные песни и сняли рабочих завода Бари, рабочие курских мастерских в количестве 2.000 человек прекратили работу и вывели на улицу с пением революционных песен. Рабочие и служащие Московского союза потребительских обществ, в том числе и строители, прекратили работу и с пением революционных песен отправились в центр города. Были такие же попытки и в других местах города, но везде и всюду рабочие сталкивались с полицией и, имея против себя вооруженную силу, рассеивались.

Политическая стачка 9 января 1917 года была началом целого ряда экономических стачек. Весь январь и февраль месяцы возникают одна за другой стачки в крупных и мелких предприятиях. В феврале наряду с экономическими был и ряд политических стачек: между прочим, на многих предприятиях последние были объявлены 13 февраля в виде протеста против суда над рабочими депутатами Государственной Думы и ввиду недостатка продовольствия.

Все это движение не могло не отразиться и на движении строительных рабочих, не могло не подгонять правление их союза и партийную организацию строителей.

Наше правление начинает агитировать среди строительных рабочих и распространять журнал «Страхование», «Голос Печатного Труда» и при помощи их вербует новых членов, главным образом, с предприятий и постройки союза потребительских обществ; «Проводника» на Гене-

¹⁾ Статья тов. Тер-Ваганяна «Накануне великой революции», стр. 42—43

ральной и «Проводника» в Тушине. О последнем следует сказать несколько слов.

В конце 1916 года на «Проводнике» работали т.т. Кудрявцев (Титов) и Жалков. Пишущий эти строки приехал туда в середине ноября 1916 года. Тов. Жалков принял все меры для моего поступления на работу, познакомил с несколькими товарищами.

В ноябре на заводе «Проводник» удалось организовать первые ячейки, к первому же января 1917 года их уже было три. Будучи нелегальным и зная о непрекращавшихся провалах в Москве, я решил туда не показываться и вести работу на заводе. Связь же с союзом строительных рабочих была через посредство т.т. Калмыкова и Шмиделя, которые не работали в строительном производстве, но для легализации себя в Обществе они записались членами союза строительных рабочих.

При помощи этих товарищей наша организация решила связаться с Московским Комитетом, с которым мною дана была связь через известного нам провокатора Попка, инструктировав, однако, т.т. Шмиделя и Калмыкова не быть с ним особо откровенными. Через него, а частью через союз строительных рабочих мы получили соответствующее количество литературы для своей партийной организации.

На-ряду с партийной работой мы там вербовали и строительных рабочих в члены нашего Общества, которое в это время начинает быстро расти. В январе 1917 года членов Общества числилось 245, из них платящих членские взносы — 50 членов. Из доклада председателя правления видно, что «в последнее время деятельность Общества и агитация за него на местах протекает очень тихо». На этом же заседании правлением постановлено усилить агитацию за Общество, и это постановление очевидно не прошло даром, так как из доклада правления на общем собрании 2 февраля 1917 года, т.-е. спустя каких-нибудь десять дней, видно, что членами Общества состоит 363 и заплативших взносы—259. Но такой успех нельзя, конечно, приписать указанному постановлению правления: он вытекал и из общей ситуации, из общего положения и настроения рабочих масс.

Не безынтересно отметить, как реагировали профессиональные союзы рабочих на беспомощное барахтание так называемой «Рабочей группы» в Военно-Промышленном Комитете. Эта группа во главе с Черегородцевым и Девяткиным, с самого начала предав интересы рабочих и пойдя вместе с промышленниками на защиту царского самодержавия против воли рабочих организаций, вскоре убедилась, что весь рабочий класс не с нею, а против ее воли выступает на широкую арену классово-борьбы, сметая со своего пути все наносное и чуждое ему. Эта группа неоднократно обращалась к профессиональным союзам за поддержкой. В особенности перед революционной грозой господа Черегородцевы и Девяткины усиленно бомбардировали профсоюзы просьбами о поддержке и совместном сотрудничестве. Как реагировали профсоюзы на такие обращения военно-промышленников, видно из постановления правления союза строителей: в ответ на одно из таких обращений правление постановило ни в какие сношения с «Рабочей группой» не входить и даже «никаких ответов не посылать». Так же приблизительно реагировали и другие профсоюзы.

На этом же собрании обсуждался вопрос о представительстве в районные санитарные попечительства, усиленно тогда рекламировавшиеся меньшевиками и эсерами. Правление постановило оставить вопрос открытым «до более благоприятных условий жизни». Для читателя, не знающего тех условий, в которых находилось тогда правление, может быть не ясным, что такое «до более благоприятных условий жизни», но знающему тогдашние полицейские условия ясно, что иначе правление записывать в протокол не могло. Эта запись означала, что посылать в такие организации своих представителей рабочие могут при условии свободных выборов и свободной критики.

Вскоре эти благоприятные условия наступили.

Охранка уже не успевает справиться со все нарастающим рабочим движением. Московский Комитет, вопреки ее желанию, существует и даже начинает восстанавливаться областная связь. Однажды, уже накануне революции, когда я пришел к товарищу Ольминскому по поводу своих статей в «Голосе Печатного Труда» и разговаривал с ним о партийной организации, он мне сообщил, что существует областная организация, и что необходимо восстановить московскую окружную организацию, в которой должна принять активное участие проводниковская организация. Тут же я от него узнал, что в Петрограде происходит что-то тревожное, что может вылиться в революцию. А через пару дней после этого разговора к нам является тов. Жалков и сообщает, что царское правительство арестовано, в Петрограде образовался Совет рабочих депутатов, что в Москве остановились фабрики, заводы, трамваи, и что на завтрашний день (1 марта) назначено заседание Московского Совета рабочих депутатов, куда мы должны выбрать своего представителя. Немедленно же собираем свой заводской комитет, вырабатываем план завтрашнего выступления, а затем собираем все ячейки в отдельности, информируем их о событиях и обсуждаем план завтрашнего выступления.

Первого марта 1917 года коллектив и все действующие лица собираются в малярной мастерской и ожидают начала работ. Прогудел заводской гудок, затрехотали машины, члены партийных организаций стали на свои места и все как по сигналу закричали: «Кончай работу! Царского правительства нет! Революция! Долой войну!» и пр. Через пять минут — трехтысячный митинг, призывы ораторов, слезы женщин, революционные боевые песни, обезоруживание и аресты полицейских, а затем демонстрация по другим фабрикам и — в Москву.

В Москве море голов, красные флаги, лозунги: «Долой войну», «Война войне», «Мир хижинам — война дворцам» и др. Отсутствует полиция, — армия на стороне рабочих. Пробираемся в Городскую думу: лестницы и коридоры полны, непрерывно заседает Совет рабочих депутатов, патриотические речи «отцов города», боевые революционные выступления большевиков, примиренческие, успокаивающие речи меньшевиков и эсеров.

С трудом пробираемся к зданию Городской думы. Что больше всего нас удивило, это то, что на улицах Москвы и в самом здании Городской думы, где заседает Совет рабочих депутатов, порядок поддерживают

не рабочие, а учащаяся молодежь. Как видно, рабочие сорганизоваться еще не успели.

Зал заседания Совета полон, полны коридоры, кругом воодушевленные, возбужденные лица. Крики, шум невообразимый. Происходят ожесточеннейшие споры о войне и мире, в ход пускается все красноречие, зычность голосов, порой кажется, что вот-вот зароботают кулаки.

«Теперь мы с вами поговорим, — с азартом восклицают большевики, — вашей опоры в поддержке войны — полиции — нет!». И действительно, только теперь чувствуется, что развязаны языки, теперь мы на равных правах с меньшевиками и кадетами, с кем уютно свободно высказываем: «Долой войну», «Война войне».

Но вот удивление: большинство не на нашей стороне, большинство за меньшевиками. Чем это объяснить? Но еще больше мы удивились, когда увидели на председательской трибуне Совета меньшевика. Что за чертовщина?! В профсоюзах — у нас подавляющее большинство, в культурно-просветительных обществах, даже при условиях царской охранки, мы меньшевиков били беспощадно. Почему же теперь?.. И тут же сам собой напрашивается ответ: очевидно, потому же самому, почему не рабочие, а студенты берут организацию порядка в городе в свои руки. Ведь два с лишним года оборонцы свободно отравляли своим предательским ядом сердца рабочих, а нам-то, ведь, перед открытой аудиторией ни слова нельзя было сказать.

Передовой организованный рабочий оценил предателей по заслугам и, несмотря на все препятствия, шел своей дорогой к победной рабочей революции. А где этот передовой слой? По тюрьмам, в ссылках...

Вдруг сквозь крики, шум, галдеж слышен звон цепей, — показались арестантские шапки и бушлаты, это привели из «Бутырки» царских узников. Теперь-то мы поработаем!

Как представитель Совета, попадаю на заседание комитета общественной безопасности с господином Кишкиным и К°. Все сидят торжественно, не чета Совету рабочих депутатов. Но вдруг тишина нарушена, приводят арестованных большевиков за выступление на митингах против войны.

Мы заявляем протест и спрашиваем, на каком основании арестовывают наших товарищей, — разве рабочий класс для того свергал самодержавие, чтобы его арестовывали господа Рябцевы? Кишкин сквозь слезы начал говорить: «Конечно, это недоразумение, но нельзя же все-таки так поступать, как поступают большевики, так открыто выступать против войны, раздражая и без того возбужденное настроение масс». В заключение он призывал социалистическую семью к миру и согласию. Ему в унисон вторили эсерка Арманд, господа Черегородцевы и К°. Большевики же им ответили: «Немедленно освободите арестованных товарищей, или же мы не станем разговаривать с вами в этих стенах, а перенесем эти разговоры на фабрики, заводы и на улицы Москвы». И арестованные немедленно были освобождены. Но борьба только начиналась.

Полиция устранена, охранки нет. В Думе заседает Совет рабочих депутатов, отцы города пытаются создать правительственную

власть, но власть находится в руках улицы, в руках рабочих. Совет еще не оформился, им пытаются овладеть меньшевики и эсеры, но пока что он еще бурлящий поток.

В Думе встречаю строителей, товарищей Жалкова, Кузоваткина и других, от портных — тов. Денисова; высказываю им своё удивление, почему мы, имея в профсоюзах большинство, в Совете оказались в меньшинстве. Высказываю им свое мнение, что необходимо организовать Центральное Бюро профессиональных союзов для овладения движением. Мое предложение было товарищами одобрено. Здесь же находим представителей металлистов, булочников и других профессиональных союзов, и по нашей инициативе назначается вечером 1 марта заседание Центрального Бюро профсоюзов.

Первое заседание происходило в союзе портных. Когда мы туда пришли, там происходила суматоха: только что пришли с демонстрации и подготавливались к новой, делали новые флаги и пр. Помню, как тов. Елена Овсянникова с сияющим видом рассказывала о происшедшем у них инциденте.

На Александровской площади (близ Екатерининского парка) демонстрация портных остановилась и устроила открытый митинг; развевались флаги с лозунгами: «Долой войну», «Мир хижинам — война дворцам». Выступали с горячими речами ораторы-рабочие. Вдруг подбегает какой-то офицер и просит: «Граждане, разойдитесь, на улице нельзя митинг устраивать». Председатель митинга рабочий-портной одернул его, сказав: «Гражданин, прошу не нарушать порядка; если вам угодно слово, просите у председателя». Офицер покачал головой, пришпорил лошадь и уехал. Так-то лучше.

Нам с трудом удалось освободить одну из комнат и начать заседание. На первом заседании присутствовало около 15 человек. Состав этого собрания почти абсолютно не помню. От строителей были Жалков, Кузоваткин, Сапронов; несколько человек от портных, из них помню т.т. Денисова и Шевкова; от поваров — тов. Игнатова, от золото-серебряных — интернационалист Мамонтов; не знаю, кого представлял тов. Лашевич. Что же касается партийного состава, то все были большевики, за исключением Мамонтова. Был поднят вопрос о конструировании исполнительного органа Союза Союзов, но это было отклонено; решили пока что выбрать одного председателя, которым и был избран пишущий эти строки, а затем решили найти платного секретаря.

Сейчас вообще трудно вспомнить подробно, какие вопросы там обсуждались, так как первые протоколы не сохранились. На этих собраниях обсуждался вопрос о немедленном создании профессиональных союзов всех отраслей труда явочным порядком без всяких уставов и инструкций; инструктировать же и объединять эти союзы предполагалось в дальнейшем. К временному правительству относились как к неизбежному, но временному злу; с меньшевистским и эсеровским большинством в Совете мирились тоже как с неизбежным временным злом.

Развития дальнейшей борьбы никто себе на этом заседании ясно не представлял, но для всех было ясно одно, что борьба только что

начинается, и в этой борьбе не последнюю роль должны будут играть профсоюзы.

В архивах МГСПС найден только один протокол от 5 марта 1917 года, за подписью председателя Денисова, почему я думаю, что это протокол не первого, а третьего или четвертого заседания, так как на первых двух заседаниях председательствовал я, и лишь на третьем, будучи занят работой в Тушино-Гучковском районе, я снял свою кандидатуру, и председателем был избран тов. Денисов.

На заседании 5 марта жаркие споры были по вопросу о продолжении или прекращении стачки. Из протокола видно, что записавшихся ораторов было 17 человек, а присутствовало, я точно помню, с решающим голосом 24 человека. Таким образом почти весь состав полностью участвовал в прениях. Настроение было единодушное — продолжать стачку. Выступления эсеров с предложением прекратить стачку, ввиду того, что в интересах рабочего класса не дезорганизовывать промышленность, а следить, чтобы немецкий империализм не раздавил завоеваний революции, врезались в общее настроение диссонансом и в прения внесли большую страстность. Эсеров упрекали, что они под видом охраны революции хотят провести лозунг: «Война до победного конца», и указывали, что немецкий рабочий класс не пойдет против русской революции, и что с этой стороны нет никакой опасности, а опасность грозит с другой стороны — со стороны буржуазии, которая уже захватила власть и покушается на завоевания рабочего класса. Эсерам указывали на то, что они не являются представителями профсоюзов (на собрании присутствовало два эсера от Московского Комитета эсеров, от союзов — один интернационалист Мамонтов, все же остальные были большевики) и не знают настроений рабочего класса. В дальнейшем выступлении эсеры нам указывали, что напрасно мы вносим столько страстности в этот вопрос, так как между партиями уже произошло соглашение о немедленном прекращении забастовки, и что ЦК большевиков высказался вместе с другими за ее прекращение.

Мы были в недоумении, так как ничего не знали о существовании представителей ЦК в Москве. На собрании присутствовали товарищи, которые участвовали в нелегальном ЦБ и не имели никакой связи с ЦК большевиков; здесь же был представитель МК и также ничего не знал об этом соглашении. После долгих прений был принят следующий наказ:

«Наказ представителям в Исполнительный Комитет СРД, принятый общим собранием Союза Союзов 5 марта 1917 года.

Считая, что революция еще не закончена, что власть, к сожалению, захвачена буржуазией, контр-революционной по существу, ввиду того, что нет даже уверенности в созыве Учредительного Собрания, считая дальше, что прекращение забастовки в Москве усиливает положение контр-революционной власти и реакционной части офицерства и вместе с тем ослабляет положение наших петроградских товарищей, что мы сами находимся в состоянии организующейся силы и что то же происходит и в солдатской среде — все это приводит нас к убеждению, что прекращение забастовки в настоящий момент является преждевременным и тяжело отзовется на пролетариате. — Счи-

таясь со всем этим, собрание Союза Союзов рекомендует своим членам в Исполнительном Комитете Совета РД бороться всеми силами за продолжение забастовки»¹⁾.

Этот наказ был принят всеми голосами против двух эсеров. На второй день этот вопрос обсуждался в Совете рабочих депутатов, где действительно представитель ЦК нашей партии призывал к прекращению забастовки. Я выступил от имени Союза Союзов в защиту нашей точки зрения за продолжение забастовки, приводя те же мотивы, которые приводились на заседании Союза Союзов и в содержании наказа. Мне тогда тов. Обух сказал, что все наши доводы правильны, что немецкий пролетариат не станет душиить русскую революцию, но все-таки забастовку продолжать незачем, а необходимо побережь силы для дальнейших боев. За наше предложение из тысячной массы голосовало 72 человека, большинство которых были членами партии и членами правлений профессиональных союзов.

В первые дни это, пожалуй, была вся большевистская фракция в Совете. Самой собой разумеется, что Союз Союзов подчинился решению Совета рабочих депутатов, тем более что представитель ЦК нашей партии, кажется, тов. Ногин заявил, что он уверен, что Союз Союзов подчинится общему решению. Меньшевик Девяткин упрекал нас в дезорганизации и говорил: «Как это так: даже со своим ЦК вы не связаны?».

Наряду с советскими и профессиональными сразу же стали строиться и массовые партийные организации: Московский, затем Окружной и Областной Комитеты. В партию рабочие записывались массами: помню, у нас на фабрике «Проводник» стояла длинная очередь рабочих и работниц, требовавших записать их в партию. На вопрос, почему они записываются и знают ли они партийную программу, рабочие с недовольством отвечали: «Наша программа — борьба с буржуазией».

В результате в течение двух-трех дней из трех тысяч проводниковцев в партию записалось полторы тысячи членов.

Быстро стали один за другим разоблачаться провокаторы.

Режекамф был арестован 1 марта или даже 28 февраля; были разоблачены Соколов, Николаев и другие. Помню, на первой легальной московской конференции подходит ко мне печатник Барышников, который перед революцией состоял в редакционной коллегии «Голоса Печатного Труда» и через которого мне в этот журнал приходилось отправлять свои статьи, и говорит:

— А знаете ли, негодяй, подлец Николаев арестован, он оказался провокатором.

— Как не знать, — отвечаю я ему, — он не один раз проваливал меня.

Барышников говорил с таким возмущением и презрением по отношению к Николаеву, что ни капли нельзя было усумниться в его рево-

¹⁾ Не останавливаясь подробно на тех вопросах, которые обсуждались на этом собрании, мы прилагаем протокол заседания Союза Союзов от 5 марта полностью. Приложение № 7.

люционной честности. А на второй день в «Социал-Демократе» читаю, что печатник Барышников оказался провокатором и арестован...

Теперь, после революции, у Союза Союзов, в частности в союзе строительных рабочих изменилось отношение ко всякого рода легальным организациям. Теперь они уже не бойкотировались, наоборот, в них принимали участие и старались их завоевать. Раньше, как мы видели, правление строителей постановило по вопросу о вхождении в санитарные попечительства — отложить до лучшего времени, теперь же, 9 марта 1917 г., правление союза строителей выбирает своих представителей в эти попечительства. В Комитет общественных организаций выбирается тов. Жалков с наказом отстаивать там программу и тактику большевиков. С таким же наказом посылаются представители от союза строительных рабочих в Совет рабочих депутатов и в другие общественные организации. Такова была позиция всего Союза Союзов.

Постановив прекратить забастовку, Московский Совет решил устроить 12 марта всеобщую демонстрацию с соответствующими лозунгами. Строители назначают сбор своих сил на Трубной площади. Хотя эти силы были еще не велики — строительный сезон еще не начинался, и те рабочие, которые работали в Москве, были распылены, разрознены и до демонстрации организовать еще не успели, — на площадь пришло несколько сот человек, и в сравнении с тем безбрежным морем голов, дремучего леса знамен и плакатов, которые колыхались по площадям и улицам, эта группа строителей была слишком незначительной. Но для строителей и эта группа значила много.

Настроение было приподнятое; лица веселые. Вместе со всеми другими развернули строители свое красное знамя и двинулись с пением революционных боевых песен, зная, что все они являются членами этой миллионной семьи рабочего класса, демонстрирующей сегодня свою революционную волю и силы, и что все строители, конечно, не сидят сегодня по своим гнилым подвалам, а также вышли на улицу вместе со всем пролетариатом.

Вечером того же дня на бирже труда было назначено общее собрание. Туда пришло уже больше, чем было на демонстрации. Большой зал полон, а он вмещает больше тысячи человек. Теперь уже нет полицейских формальностей, которые мешали в 1914 году почти слушать ораторов, двери открыты для всех.

Пишущий эти строки на собрание опоздал. Когда я вошел, оратор (Максимов) говорил о войне и мире, разъяснял хищнические цели войны, необходимость организации рабочего класса. Аудитория шумно аплодирует.

Тов. Васильев предоставляет мне слово. Демонстрация, зал, набитый знакомыми, заскорузлыми строителями, забрызганными краской, алебастром и пр., взвинчивают меня до крайних пределов. Я говорил о тех условиях, в которых жили строители, упоминал о хищнической эксплоатации предпринимателей, рисовал мрачную картину подвалов, чайных, беспросветную жизнь строителей в городе, нищету в деревне, фронт, миллионы убитых, калек, сирот и пр. На глазах у бородастых стариков показываются слезы, затем слышатся рыдания, поднимается

шум, рукоплескания, крики «ура». Голова кружится, не знаешь, что говоришь, начинаешь путаться, но аудитория все больше и больше наэлектризовывается.

Не помню даже, как кончил свою речь. Смутно только вспоминается, как мой знакомый, бородатый каменщик вскакивает на трибуну, хлопает в ладоши, сквозь рыдания что-то выкрикивает, а затем соскакивает с трибуны и начинает меня целовать. Подходит меньшевик Шелахов, говорит, что все очень хорошо, но что нельзя так резко выступать против войны и пр. Но слушать его было некогда, отвечать нет надобности. Выступают все новые и новые ораторы, рабочие всех встречают и провожают аплодисментами и криками «ура». Но вот появляется на трибуне студент Технического Училища, объявляет себя плехановцем. Видя настроение аудитории, осторожно начинает критиковать мою позицию и позицию всех тех, кто выступал против войны. Начинает призывать к обороне и пр., его прерывают, не дают говорить, чувствуется, что он не туда попал. Оратор безнадежно кончает свою речь и сходит с трибуны.

Февральская революция не дала победы рабочему классу, а лишь освободила его от цепей царского самодержавия и дала ему широкую возможность борьбы за эту победу.

Рабочий класс никогда не разделял того мнения, что революция кончится свержением самодержавия и образованием временного буржуазного правительства. Наоборот, вышедшие из подполья все рабочие организации Москвы полагали, что только теперь наступает эра борьбы за власть рабочего класса.

И наказ Союза Союзов, данный представителям в Московский Совет рабочих депутатов, в котором говорится: «Считая, что революция еще не закончена, что власть, к сожалению, захвачена буржуазией, контр-революционной по существу»... правильно формулировал отношение рабочего класса к Временному Правительству и к позиции меньшевиков и эсеров, а также намечал перспективу дальнейшей борьбы.

Упомянутый наказ принимался 5 марта, в момент, когда еще не закончилась московская стачка, тогда, когда еще меньшевики и эсеры не успели выявить окончательно, как это было впоследствии, свою контр-революционную физиономию, а, наоборот, даже подделывались под настроения рабочих масс. В это время передовые рабочие Москвы, организованные в Союз Союзов, поняли контр-революционную сущность Временного Правительства и поддерживавших его меньшевиков и эсеров.

Союз Союзов, давая наказ своим представителям в Совет рабочих депутатов, заявляя, что власть захватила контр-революционная, по существу, буржуазия, и предлагая продолжать стачку, призывал к борьбе за такую власть, которая могла бы закрепить завоевания рабочего класса, т.е. за власть этого самого класса.

Вот почему выдвинутый впоследствии тов. Лениным лозунг: «Вся власть Советам» встречался рабочими массами с энтузиазмом, и ими же, под руководством партии и ее вождя, проведен в жизнь в Октябре.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ДЕЛО М. О. О. № 22-а, 1911 г.

АГЕНТУРНАЯ ЗАПИСКА
О ВИДАХ И ФОРМАХ ЛЕГАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПО Г. МОСКВЕ.

«Штурман» 4-го декабря 1912 г.
Составлена ротмистром Ивановым.

№ 307799
18 декабря 1912 года
г. Москва.

Сведения.

Начавшаяся еще с 1908 года постепенная дезорганизация учреждений революционного подполья, в связи с апатией и заметным пессимизмом отдельных слоев населения Империи, способствовали тому, что к кошу 1911 года большая часть профессиональных организаций и вообще различного рода «легальных возможностей» окончательно развалилась под воздействием административно-полицейских учреждений, часть же хотя и уцелела, совершенно потеряла свое значение и продолжала влечь жалкое и лишенное всякого значения и влияния существование.

Резолюции начальника, исполненные по ним, и установки.

- 1) В Д-т Полиции.
 - 2) Составить справку для сведения градоначальнику.
 - 3) Справку передать затем А. И. Юдину для систематизации сведений по профессиональному движению.
- Сведения с-ка интересны и верно устанавливают положение в профессиональных союзах к концу 1912 года.

Подп. *Мартынов*,

14/XII.

В текущем 1912 году, в связи с заметным общим подъемом настроения как в интеллигентских кругах, так равно и в рабочей среде замечается особое оживление и в сфере «легальных возможностей»; часть таковых из числа прекративших свое существование вновь открывается, часть начинает усиливаться новым приливом членов.

В г. Москве из указанных учреждений в настоящее время существуют нижеследующие:

А. Организации рабочих и ремесленников.

I. Сохранились до последнего времени:

а) профессиональное общество «мануфактуристов». Это общество начинает заметно оживать и в настоящее время привлекает на свои собрания временами до 600 человек.

Деятельность общества за последнее время выразилась почти исключительно в агитационной работе, связанной с подготовкой мероприятий по проведению в жизнь новых страховых законов: указывается на недостатки означенных законов с точки зрения интересов рабочего класса, на необходимость принять участие в осуществлении таковых и способствовать их усовершенствованию и улучшению;

б) профессиональное общество «кожевников»; означенное общество в настоящее время также оживилось и привлекает на свои собрания иногда до 300 лиц; собрания эти ввиду разбросанности членов по гор. Москве устраиваются поочередно в разных частях города и называются поэтому «районными». Деятельность означенного общества в данный момент сводится к учету своих безработных сочленов и приисканию таковым мест и занятий (с окончанием осеннего сезона к рождественским праздникам у кожевников обычно наблюдается определенный наплыв безработных);

в) профессиональное общество «чаеразвесочников»; там ничего особенного не слышно, дела общества идут весьма тихо, члены заняты по преимуществу организацией ближних экскурсий по осмотру музеев, памятников старины, достопримечательностей города и т. д.;

г) профессиональное общество «водопроводчиков»; дела означенного общества весьма плохи; вся работа сводится к улажению отдельных мелких конфликтов членов общества с предпринимателями;

д) профессиональное общество «кошелечников» (портнометчиков) — в настоящее время ничего не делает, и оживление такового выражается пока лишь незначительным притоком новых сочленов;

е) профессиональное общество «сапожников» хотя в организационном отношении и стоит весьма низко, однако, благодаря устройству частых собраний, заметно начинает заинтересовывать своих сочленов и пользоваться соответствующим среди них авторитетом;

ж) профессиональное общество «парикмахеров» — имеет свою профессиональную школу, где готовят рабочих-парикмахеров, деятельность общества выражается в настоящее время исключительно улажением мелких конфликтов между членами общества и работодателями;

з) должно существовать профессиональное общество «пуговичников», так как таковое за последнее время, по крайней мере, не закрывалось администрацией. Ввиду того, что об этом обществе положительно нигде не слышно и не имеется ни у кого никаких сведений, можно предположить, что оно само сошло «на-нет».

II. Вновь возникли и открываются:

и) профессиональное общество «ящичников»; в настоящее время утвержден устав общества и таковое лишь организуется;

й) профессиональное общество рабочих по обработке дерева; означенное общество заменило собою союз столбров, на учредительное собрание этого общества собралось до 300 человек;

к) профессиональное общество «портных и портных»; заменило собою соответствующий союз, закрытый в минувшем году, число членов этого общества быстро растет и в настоящее время уже достигает приблизительно числа 400. Усиленный прилив новых членов и оживление в жизни союза объясняются наличием стачечного движения среди рабочих портновского цеха;

л) усиленно организуется, хотя устав еще и не утвержден, профессиональное общество рабочих металлистов.

Б. Организации служащих в торговлю-промышленных заведениях.

После закрытия 1-го общества приказчиков ни одна из организаций означенной категории закрываема не была, в настоящее время существуют:

м) профессиональное общество «официантов», где ведется усиленная борьба между членами демократического пошиба (низшие заведения) и членами аристократами («Яровские» и т. д.). Злобой дня является вопрос о необходимости закрыть из-за убыточности имеющуюся в распоряжении общества чайную;

н) профессиональное общество «поваров» является крупным учреждением по числу своих членов, но по направлению деятельности приближается к организации взаимопомощи и носит вполне мирный характер;

о) 2-е общество приказчиков в силу внутреннего разложения идет к полному прекращению своей деятельности, старые заправилы общества не допускают к деятельности новых членов, а сами не в силах поправить дела общества;

п) вспомогательное общество купеческих приказчиков носит характер учреждения взаимопомощи и никакого интереса не представляет;

р) общество взаимопомощи коммерческих служащих является наиболее жизненным по числу своих членов и особо активным ввиду того, что объединяет в себе особо прогрессивные элементы из среды приказчиного мира. Общество это под влиянием соответствующего воздействия «избирательного московского социал-демократического комитета», откликнулось на ныне закончившуюся избирательную кампанию и принимало в таковой особенно серьезное и дружное участие.

В. Общество потребителей.

Из числа обществ указанной категории могут быть использованы как «легальные возможности» лишь общества независимые, существующие самостоятельно, а не при фабрично-заводских управлениях и конторах, где заправилками являются представители фабрично-заводской администрации.

Из числа независимых потребительских обществ в настоящее время существует в городе Москве: Николо-Покровское, «Солидарность», «Жизнь», «Объединение», «Прогресс», Симоновское, Хамовническое, Сыромятническое и Всехсвятское. Хотя среди членов означенных обществ и имеются лица с революционными взглядами и настроением, однако до сего времени общества эти из рамок легального и дозволенного не выходили.

Г. Образовательные и просветительные учреждения.

- с) клуб торгово-промышленных служащих — центр кадетской пропаганды и агитации в среде приказчиков г. Москвы;
- т) общество устройства полезных и разумных развлечений, куда перекочевали все социал-демократические элементы из закрытого в 1910 году рабочего (социал-демократического) клуба общепольных развлечений;
- у) Пречистенские и другие (например, ныне закрытые курсы Яшновой и т. д.) курсы, где всегда возможна широкая пропаганда в духе революционных партий и организаций;
- ф) женские клубы: 1-й «интеллигентский» и 2-й «кадетский» безжизненные и, несмотря на свое стремление привлечь женщин-работниц, никакого интереса не представляют. Интерес представляет лишь вновь открытый 3-й женский клуб (помещается в районе Смоленского рынка), куда широкой волной устремились социал-демократы; здесь, повидимому, сосредоточится активная и оживленная подпольная работа.

Г. градоначальнику и в д-т полиции представлена 18/XII.
Ротм. Иванову, и г. Юдину передана 18/XII.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ДЕЛО М. О. О.

АГЕНТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ

№ 13.

1914 года.

Собвершено секретно.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

ЗАПИСКА № 174.

Сведения начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве:

Агентура «Евгений».

Сведения поступили 2-го июня 1914 г.

(184)

Сведения принял ротмистр Кирпотенко.

№ 292071

5-го июня 1914 года.

г. Москва.

Сущность сведений.

Что сделано.

Вчера, 1 текущего июня, состоялась экскурсия, организованная обществом содействия устройству общеобразовательных народных развлечений в Николо-Угрешский монастырь.

Часть собравшейся публики доехала по жел. дор. до ст. Кусково, а часть отправилась до ст. Люблино. Обе части экскурсантов соединились около монастыря около 2—3 часов дня. Всего присутствовало до 250 человек.

Под прикрытием этой экскурсии состоялись:

- 1) Собрание сапожников по вопросу об издании в Москве марксистского журнала, подробности этого собрания неизвестны;
- 2) Собрание водопроводчиков для обсуждения вопросов о забастовке в связи со стачкой рабочих по водопроводу и отоплению фирмы Мюр и Мерилиз;
- 3) Общее собрание всех присутствующих для обсуждения вопроса о чествовании прибывающего в Москву председателя Международного Социалистического Бюро Вандервельда и
- 4) совещание небольшого числа особо доверенных лиц по вопросу об организации городской комиссии по созыву партийного съезда.

На собрании водопроводчиков председательствовал Турчук. Собрание, приняв во внимание, что в числе вопросов экономического характера, выдвинутых забастовавшими водопроводчиками Мюра и Мерилиза, имеется также один из лозунгов социал-демократии (требование 8-часового рабочего дня), решили поддержать бастующих товарищей отчислением в их пользу однодневного заработка, если же такового отчисления не хватит, то передать бастующим двухдневный и даже трехдневный заработок всех организованных водопроводчиков.

Поддержать забастовавших устройством общей стачки московских водопроводчиков признано несвоевременным.

На общем собрании всех присутствующих была принята резолюция, составленная Бейлисом, с приветствием прибывающему 3 июня в Москву члену Бельгийского Парламента, председателю Международного Социалистического Бюро, Эмилю Вандервельду.

Резолюция следующего содержания: «Собрание организованных рабочих г. Москвы, сожалея, что лишено возможности приветствовать представителя мировой нашей организации специальным собранием, вынуждено ограничиться приветствием товарищу Вандервельду.

Эта резолюция направляется в редакцию петербургских рабочих газет.

В Департамент полиции.

К дальнейшему наблюдению и разработке.

Вандервельде Эмиль, 48 лет. Бельгийский подданный проживает в Москве в № 104 Национальной гостиницы.

Турчук Владимир Иосифов, кр. Волынской губ., Лугского уезда, Торчипской вол., дер. Немецкой.

«Бейлис» — Заславский.

Пинхус — Петр Шабсов Савельев, Черкасский мещ.; нелегально Николай Егоров Тохмачев.

(135)

На совещании по формированию городской комиссии по созыву съезда присутствовали:

1. Иванов Алексей Филиппов, портной;
2. Иванов Сергей Степанов, портной;
3. Иванов Василий Тимофеев;
4. Абентум, рабочий, солидный соц.-дем.
5. Леонтьев, сапожник, член ревизионной комиссии профессионального общества сапожников;
6. Минаев, портной, председатель ревизионной комиссии о-ва портных;
7. Мизикин, Николай Иванов;
8. Витман, конторщик фирмы «Караван», служит в главной конторе фирмы, где-то в Замоскворечьи, молодой человек 19-лет;
9. Горелов, Иван, член общества торговых служащих;

10. «Бейлис»;
 11. Поскребухин, Алексей Алексеев;
 - 12, 13. Два неизвестных портных;
 14. Неизвестный водопроводчик лет 35 — 37, хромой, нет ступни на ноге;
 15. Деревообделочник, член правления, фамилия неизвестна;
 16. Неизвестный печатник.
- Выборы в комиссию прошли под видом выборов в комиссию по выбору делегатов на «Венский Конгресс».

Выборными в комиссию оказались:

- 1) Сергей Степанов Иванов,
- 2) Василий Тимофеев Иванов и
- 3) Леонтьев.

Всего, таким образом, в комиссию по созыву партийного съезда вошло 5 человек: два приглашенных ранее «областника», т. е. Бейлис и Поскребухин и выборные 1 июня на совещании указанные выше три человека.

Пока комиссия никаких мер организационного характера не предпринимает. Экскурсия окончилась часов около 8—9 вечера.

На обратном пути, от монастыря к станции, несколько человек пытались было запеть «марсельезу», но сейчас же были остановлены своими товарищами.

Вр. и. д. начальника отделения,
Ротмистр Знамевский И.
Верно: Ротмистр (подпись).

Иванов, Алексей Филиппов, меш. г. Раненбурга.

Иванов, Сергей Степанов, кр. Костромской губ. и уезда, Андреевской вол.

Иванов, Василий Тимоф., кр. Смоленской губ., Гжатского уезда, Михайловск. вол., дер. Хацакова.

Абентум, Валентин Мильянов; 28 лет., меш. г. Рыльска, Курской губ.

Минаев, Василий Иванов, кр. Верейского у., Кашировской вол., дер. Мякишовой.

Мизикин, Николай, 28 л., кр. Пронского у., Столянской вол. и села.

Витман, Борис Сергеев, 19 лет., мешан. г. Мещевска, Калужской губ.

«Горелов», Иван м. б. Горелов, Иван Куприанов, кр. Можайского у., Осташковской вол., д. Лапина.

Поскребухин, Алексей Алексеев, ефремовский меш.

Остальные «лица» устанавливаются.

ДЕЛО М. О. О.
АГЕНТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ.

№ 13.
1914 года.

Совершенно секретно.
РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.
ЗАПИСКА № 180.

Сведения начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве.

Агентура «Евгений».
Сведения поступили 9-го июня 1914.
Сведения принял ротмистр Кирпотенко.

№ 292105
12 июня 1914 г.
г. Москва.

Сущность сведений.

Что сделано.

8-го текущего июня общество содействия устройству общеобразовательных народных развлечений устроило экскурсию в окрестности ст. Бескудниково, Савеловской ж. д. для осмотра имеющегося там кирпичного завода.

На экскурсию прибыло около 300 чел. Сначала прошла «официальная» часть экскурсии — осмотр кирпичного завода.

Затем от экскурсии отделилась часть присутствующих, человек около 60-ти, представляющих нечто вроде уполномоченных от местных профессиональных обществ и во главе с прибывшим на экскурсию членом Государственной Думы Бурьяновым устроила собрание, в порядок дня коего были поставлены вопросы:

- 1) О Венском конгрессе;
- 2) Об единстве в партии;
- 3) О фракциях с.-д. в Государственной Думе и
- 4) Об уходе Малиновского.

Доложив собравшимся о предстоящем в августе сего года Венском конгрессе, Бурьянов предложил резолюцию по поводу могущего состояться под прикрытием Конгресса общепартийного съезда РСДРП.

Резолюция Бурьянова была составлена приблизительно в следующем виде: если на Венском конгрессе будет совещание русских социал-демократов по вопросу об общепартийном

В Департамент полиции.
В доклад г. Московскому градоначальнику.

К дальнейшему агентурному наблюдению, для выяснения заблаговременно времени, места следующей экскурсии с целью принятия мер к недопущению собраний С.-Д., о чем своевременно для предупреждения сообщить по принадлежности.

Бурьянов, Андрей Федорович, кр. Харьковской губ., Лебедянского уезда, член Государственной Думы 4-го созыва.

Иванов, Василий Тимофеев, Смоленской губ. Гжатского уезда, Михайловской вол.; дер. Ползакова.

Бейлис — Заславский, Пинхус, Петр Шабасов Савельев, Черкасский меш.; нелегально Николай Егорович Толмачев.

Малиновский, Роман, быв. член Гос. Думы 4-го созыва, из двор. Плоцкой губ., Гмины Чарны.

Иванов, Алексей Филиппов, меш. г. Раненбурга.

с'езде, то такое начало необходимо приветствовать, даже в том случае, если центральные учреждения партии высказались против предложения собравшихся делегатов.

Однако предложенная Бурьяновым резолюция большинством голосов была сразу отвергнута и признана по существу анархической.

Прошла резолюция, предложенная Василием Тимофеевым Ивановым и составленная им совместно с «Бейлисом»: «Мы, марксисты г. Москвы, в количестве 60 человек, признавая общепартийный съезд необходимым, при посылке нашего делегата на Венский конгресс, даем ему мандат отстаивать необходимость общепартийного съезда со всеми течениями, признающими постановления съездов 1903, 1908 и 1910 г.г. и работающих на местах».

По вопросу об единстве принята резолюция, предложенная Бурьяновым: «Мы, марксисты г. Москвы, в количестве 60 человек, признавая единство необходимым, допускаем такое со всеми течениями, признающими постановления общепартийных съездов 1903, 1908, 1910 г.г. и пленарного заседания 1910 г., устав и программу партий».

Обе резолюции взял с собой Бурьянов для помещения их во всех трех петербургских марксистских газетах.

Вопрос о фракциях, за недостатком времени, был снят с очереди и не обсуждался.

По поводу же Малиновского Бурьянов в доложил, что ушедший депутат является жертвой «парламентской борьбы» и политическая честность Малиновского не подлежит никакому сомнению.

Из числа присутствующих известны:

- 1) Иванов, Алексей Филиппов, портной;
- 2) Иванов, Сергей Степанов, портной;
- 3) Смирнов, недавно освобожденный из-под стражи, сторож профессионального общества портных;
- 4) Минаев, председатель ревизионной комиссии общества портных;
- 5) Олейников, портной, намечавшийся редактором предполагаемого журнала «Голос Труда»;
- 6) Турчук, председатель профессионального общества рабочих по водопроводу и отоплению;
- 7) Секретарь общества рабочих по водопроводу и отоплению;
- 8) Секретарь профессионального общества булочников;
- 9) Леонтьев, сапожник, член ревизионной комиссии общества сапожников;
- 10) «Бейлис»;

Иванов, Сергей Степанов, кр. Костромского уезда, Андреевской вол.

Олейников, Яков Ник., кр. Харьковской губ., Изюмского уезда, села Яремовки.

Турчук, Владимир Иос., кр. Вол. губ.

Голубин, Дмитрий Васильев, кр. Егорьевского уезда, дер. Поповки.

Поскребухин, Алексей Алексеев.

Мизикин, Николай Иванович, кр. Пронского уезда, Стошской вол. и села.

Маракушев, Алексей Ксенофонтов, кр. Владимирской губ. Ковровского уезда.

Щедотин, Иван Семенов, кр. Калужской губ. Малоярославецкого уезда, Неделинской вол. и села.

Буксин, Илья Михайлович, кр. Смоленской губ. Сычевского уезда, Воскресенской вол. и села.

Орлов, Михаил Иванович, мещанин г. Тулы.

Шамарин Павел Васильев, кр. Смоленской губ., Гжатского уезда, Корытовской вол., дер. Хвощовки.

Волконская, Елизавета Николаевна, дочь ярца, слушат. Моск. Высш. Жен. курсов.

Волконская, Александра Николаевна, потомственная почетная гр., окончила курс Моск. Высш. Женск. курсов.

Власов, Иван Михайлович, кр. Вологодской губ., Миньковской вол., дер. Кулибарова.

Витман, Борис Сергеевич, мещ. гор. Мещевска.

Смирнов, Иван Егорович, кр. Тверской губ., Казинского уезда.

Остальные яйца устанавливаются.

11) Голубин;

12) Поскребухин, Алексей;

13) Иванов, Василий Тимофеев;

14) Мизикин;

15) Маракушев;

16) Буксин, Илья;

17) Щедотин, печатник;

18) Орлов, Михаил Иванович, от общества содействия устройства всеобщего образования; устройства различных народных развлечений;

19) Шамарин, от того же общества;

20) Волконская, Александра Николаевна, курсистка;

21) Волконская, Елизавета Николаевна, курсистка;

22) Власов, секретарь портных.

При подсчете голосов при обсуждении резолюций выяснено, что из 60 собравшихся 54 большевика, 3 меньшевика-партийца (Бурьянов, Шамарин и еще один неизвестный), 3 ликвидатора (Щедотин, Буксин Илья и еще один неизвестный печатник).

Когда окончилось собрание 60-ти, то все присутствующие на экскурсии (около 300 человек) соединились, и организовался своеобразный митинг с присутствием члена Гос. Думы Бурьянова.

В начале присутствующим был сделан доклад секретарем общества портных Власовым, специально командированным обществом для расследования обстоятельств дела о пожаре на фабрике Каминского. Из доклада выяснилось, что нужда в семьях, лишившихся работников, огромная, необходима немедленная помощь в самых широких размерах.

На произведенном тотчас собрании собрано около 22—24 руб., которые переданы Власову.

Затем на тему же о пожаре выступил секретарь общества булочников.

Далее выступил Бурьянов, который, резюмируя данные, обнаруженные расследованием, указал, что единственное спасение рабочих от тисков капитала — единение всего рабочего класса для организованного отпора и протеста.

Настоящий случай на фабрике Каминского Бурьянов рекомендовал отметить демонстрацией на похоронах погибших на пожаре рабочих или же отчислением известной части заработка в помощь семьям погибших.

Попутно, когда публика уже расходилась, от имени 190 организованных рабочих г. Москвы вынесена резолюция с приветствием нарождающемуся в Москве марксистскому журналу «Рабочий Труд».

Резолюция эта направлена в редакцию журнала.

На этих днях на собрании секции конторщиков общества торговых служащих, в связи с делом петербургских адвокатов, осужденных по делу Бейлиса, принята резолюция: «Мы, группа организованных конторщиков г. Москвы, при-

ветствуем в лице ныне осужденных адвокатов стойких и честных борцов за правду в созданном темными реакционными силами деле Бейлиса.

Верим, что придет пора, когда правосудие перестанет быть орудием реакции, направленным против всех стремящихся к торжеству идеалов пролетариата.

Резолюция составлена Борисом Сергеевым Витманом, конторщиком фирмы «Караван». Вр. и. д. начальника отделения

Ротмистр Знаменский.

Верно: Ротмистр (подпись).

С. подлинным верно:

Управляющий.

В № 11 газеты «Трудовая Правда» от 10 июня 1914 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

ДЕЛО М. О. О.

АГЕНТУРНЫЕ СВЕДЕНИЯ.

№ 13.

1914 года.

Совершенно секретно.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

ЗАПИСКА № 181.

Сведения начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве.

Агентура «Кузьма».

Сведения поступили 9-го июня 1914 г.

Сведения принял ротмистр Ганько.

№ 292114

13 июня 1914 года.
гор. Москва.

Сущность сведений.

Что сделано:

Вчера состоялась экскурсия рабочих в лес у полустанка Бескудниково, Савеловской ж. д.; в коей приняли участие печатники, деревообделочники, металлисты, портные, булочники, кондитера, водопроводчики, торгово-служащие и представители общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений. Всего было свыше трехсот человек.

На эту экскурсию явились приехавший из Петербурга член Государственной Думы, социал-демократ меньшевик-парт. Бурьянов, и по этому случаю было организовано собрание представителей профессиональных обществ.

В Департамент полиции.
В доклад г. Московскому градоначальнику.

К дальнейшему агентурному наблюдению с целью заблаговременно установления времени и места собрания с. д. на будущей экскурсии, для принятия мер к недопущению собраний.

Бурьянов, Андрей Федорович; Харьковской губ., Лебединского уезда, член Госуд. Думы 4-го созыва.

Всего на собрании было 63 человека, из коих известны: печатник Илья Буксин, деревообделочник Малахов, портные Ивановы (два), Власов и Швецов, водопроводчик Турчук, конторщик союза потребительных обществ Иванов и член правления общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений Орлов.

Порядок дня собрания:

- 1) О международном социалистическом конгрессе в гор. Вене.
- 2) Об «единстве».
- 3) О Малиновском и
- 4) О фракции.

По всем вопросам за исключением «о фракции», совершенно не обсуждавшемся за поздним временем, докладчиком выступал член Госуд. Думы Бурьянов.

По первому вопросу им было доложено, что порядок дня предстоящего международного и социалистического конгресса в Вене выработан (но еще не утвержден) следующий:

- 1) О милитаризме,
- 2) О страховании и
- 3) О дороговизне.

Представителям России на этом конгрессе представлено 120 мест, а потому необходимо использовать это право послать соответствующее количество представителей.

По его сведениям, наиболее полно будет представлен на конгрессе юг.

Указав далее на необходимость послать в Вену на конгресс представителя и от Москвы, как сердца России, он рекомендовал, при избрании делегатов, отказаться от узкой фракционности и избрать наиболее сознательных, независимо от принадлежности их к большевикам или меньшевикам.

В Вене все представители от России составят «русскую делегацию», и необходимо будет использовать работы этой делегации в целях объединения всех социал-демократов.

При невозможности, по полицейским условиям, послать от Москвы представителя, он рекомендовал передать мандаты доверенным лицам, проживающим за границей.

По этому вопросу с возражениями Бурьянову выступил неизвестный по фамилии еврей, указавший на беспечность и даже вред посылать на конгресс ликвидаторов, являющихся врагами рабочих.

По вопросу о конгрессе была вынесена резолюция «от группы социал-демократов», в которой говорится, что собравшиеся, обсудив вопрос о конгрессе, решили принять на нем участие и послать делегатов, которые бы отстаивали прежние решения съездов 1903, 1908 и 1910 г.г.

По вопросу об «единстве», Бурьянов, осудив ликвидаторов, сказал, что меньшевики признают все решения и постановления съездов, полностью партийную программу и считают

Буксин, Илья Михайлович, кр. Сычковского уезда, Воскресской вол. и села.

Малахов, — м. б. Малахов, Максим Кириллович, кр. Коломенского уезда, Мещеринской вол., дер. Боброво.

Иванов, Алексей Филиппов, мещанин гор. Раненбурга.

Иванов, Сергей Степанов, кр. Костромского уезда, Андреевской вол. и деревни.

Власов, Иван Михайлов, кр. Вологодской губ., Тотемского уезда, Миньковской вол., дер. Кулибарова.

Турчук, Владимир Иосиф., кр. Лугского уезда, Торчинской вол., дер. Немецкой.

Иванов, Василий Тимоф., кр. Гжатского уезда, Михайловской вол., дер. Ползакова.

Шевцов, — м. б. Шевцов, Николай Иванович, 25 л., мещ. гор. Боровска.

Орлов, Михаил Иванович, мещ. гор. Тулы.

Малиновский, Роман Вацлавов, быв. член Гос. Думы 4-го созыва.

«Надя» Ульянова, Надежда Константиновна, дворянка, жена известного деятеля РСДРП «Лспина».

Заславский — Пинх. Шабов, черкасский мещанин.

необходимым существование подполья, а потому между ними нет никакой пропасти, мешающей совместно работать; что же касается некоторых тактических разногласий, то таковые, во всяком случае, не могут служить основанием для партийного раскола, устроенного кучкой ярых фракционеров.

Далее он сказал, что на Венском конгрессе вырешится вопрос о созыве всероссийского рабочего съезда, который также необходимо будет использовать в целях объединения.

Весьма вероятно, этот съезд не будет разрешен в России и тогда он будет созван за границей.

Во всяком случае необходимо уже теперь же приступить к подготовительным работам и вести широкую агитацию среди рабочих всех течений за созыв съезда, чтобы в таковом приняли участие не только большевики и меньшевики, но и все национальные социал-демократические организации, входящие в состав Российской социал-демократической рабочей партии, так как отсутствие таковых на съезде не будет соответствовать самому названию съезда — «всероссийского» и таковой не будет общепартийным, т. е. решения его не будут признаваться обязательными сторонниками тех организаций, которые будут отсутствовать на съезде, и таким образом съезд приведет не к объединению партии, а, наоборот, еще к большей расправе.

С возражением по этому вопросу выступил конторщик Иванов, указавший на противоречие Бурьянова самому себе; так как для какой надобности приглашать на съезд такие национальные партии, как «Бунд», являющийся чисто ликвидаторской организацией, хотя он, Бурьянов, и не считает ликвидаторов истинными социал-демократами и участие ликвидаторов на съезде он сам признает не только не обязательным, но даже нежелательным.

Отсюда совершенно ясно, что раз не нужно приглашать ликвидаторов, то для какой же цели приглашать бундовцев, т. е. тех же ликвидаторов.

На это Бурьянов, не возражая Иванову по существу, указал, что участие на съезде бундовцев, по его мнению, желательнее как представителей национальной партии.

Затем Бурьяновым была предложена и принята, с незначительными поправками, резолюция от имени собрания большевиков и меньшевиков, в которой говорится, что заслушав доклад об единстве, собрание находит «единство» необходимым в целях борьбы рабочего класса с реакцией в России, для чего необходимо партийный съезд, на который должно послать лиц, признающих партийную программу, устав, решение предыдущих съездов и подпольную работу. Заканчивается резолюция словами: «Да здравствует социал-демократическое единство в России».

По вопросу о сложении Малиновским депутатских полномочий Бурьянов сказал, что он находится в очень дружеских отношениях с Малиновским и глубоко убежден в его политической честности, уход же его из Думы он объясняет исключительно нервным потрясением последних событий в Думе, когда Малиновский прямо заявил, что оставаться в думе совершенно бесцельно и уговаривал его, Бурьянова, сложить полномочие, говоря, что он безусловно решил уйти из Думы. Тогда этому ни он, ни другие не верили и убедились только тогда, когда от Малиновского поступило официальное заявление о сложении полномочий.

Не верно также утверждение ликвидаторской газеты, что Малиновский уехал, никому ничего об этом не сказав, так как он оставил записку, в которой было, между прочим, сказано: «еду к «Наде», — всем очень хорошо известно.

По поводу сложений Малиновским полномочий никакой резолюции вынесено не было.

На этом собрание и закончилось.

Вр. и. д. начальника отделения (подпись).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

ЛИСТОК «ПРАВДА».

От редакции.

Редакция стоит на страже интересов рабочего класса, как класса наемных рабов капитала, и думает, что только с уничтожением капиталистов может быть уничтожено это рабство, так как пока существуют господа, до тех пор будут и рабы. Интересы капиталиста и рабочего нельзя примирить, и рабочему остается для своего освобождения лишь один путь — стройкой и самоотверженной классовой борьбы с капиталом, но прежде, чем окончательно одолеть все уменьшающуюся кучку паразитов — капиталистов, нам, рабочим, нужно научиться, как бороться против ненасытного капитала на отдельных случаях экономических столкновений. В борьбе за улучшение своего экономического и политического положения путем экономического и политического рабочего движения все рабочие удовлетворяются, с каким упорством фабриканты отстаивают свое право пить лишний час рабочую кровь и оттянуть у него лишний трудовой пятак и организуются в один товарищеский союз, побеждая их в отдельных мелких стычках. Мы сумеем дружно покончить с нашим позорным положением, которое превратило нас в машину для накопления прибылей капиталистов.

Чтобы увидеть день свободы, пролетариям необходимо всем объединиться, нащупать своих противников и вести с ними борьбу до полного их истребления. Это делают наши товарищи рабочие на Западе и теперь они дошли до грани, за которой должно начаться царство труда.

Но наше положение более отсталое. Мы отданы во власть самодержавной кучке помещиков во главе с первым в России помещиком Николаем II. Опираясь на продажных полицию, жандармов и казаков, они обворовывают русский народ путем выкачивания из него громадных налогов, более 3 миллиардов в год, держат в своих руках награбленную от крестьян девятнадцатого февраля 1861 г. землю,

издают для своей выгоды законы, взвалили все государственные, земские и городские налоги на плечи народа, а чтобы сохранить это богатое и счастливое положение на спине разоренного народа, они держат народ в темноте (более половины неграмотных), боятся каждой народной организации, каждого правдивого листка, всякого честного и смелого слова, мирного народного собрания.

Капиталисты посредством капитала, богатства, взяток и т. д. сумели прикормить с а модержавие и получили возможность иметь свои газеты, организации, попасть в Гос. Думу, в города, земства. Всех больше от полицейского беспорядка страдают рабочие и крестьяне. Для улучшения своего бедственного положения рабочим нужно действовать скопом, дружно. Для этого нам необходимы свои рабочие газеты, организации, хорошие законы, свои рабочие школы. Всего этого боятся наши царствующие помещики; они хорошо понимают, как только поумнеет рабочий народ, организуется, не стерпеть ему этой шайки народных грабителей и выгонит их вон. Потому правительство хватает; избивает сознательных рабочих, не разрешает печатать своих газет, закрывает профессиональные союзы, а стачку и забастовку считает бунтом, за что арестует, ссылает и расстреливает рабочих.

Ввиду всего сказанного редакция, выясняя рабочим необходимость организации в самостоятельную Рабочую партию, ставящую своей последней целью полное освобождение рабочих из-под владычества капитала; считает первым жизненным делом рабочей партии — свержение ига царских чиновников. Конечно, без бою чиновники и их глава — царь — не уступят своего царства народу; поэтому перед рабочими стоит задача убрать с дороги самодержавную свору чиновников и заменить азиатский деспотизм Николая II Народной Республикой.

Современные кровавые события не изменят этих политических задач рабочего класса, наоборот, война требует теперь усиленной борьбы с правительством, чтобы прекратить военную игру в рабочую и крестьянскую кровь.

Русское правительство, с горячего одобрения наших капиталистов, вмешалось в войну Австрии и Сербии, надеясь захватом новых земель, рынков для продажи русских товаров и рядом блестящих побед при помощи Франции и Англии привлечь на свою сторону наших капиталистов и заставить русский народ дольше терпеть гнет царского самодержавия. Не беда, что русский народ будет истребляться и превращаться в уродов и калек; — этого навозу у нас хватит, — говорят наши правители.

Ко всем бесчисленным злодеяниям правительства прибавилось еще новое громадное преступление — убийство русских рабочих и крестьян ради нажины наших помещиков и капиталистов, которая прикрывалась постоянным обманом народа об обороне страны.

Теперь мы все, товарищи, видим и знаем, зачем мы гибли и удобрили своим мясом и кровью поля Пруссии, Галиции, зачем нас посылают умирать в далекую Персию, Турцию.

Мы не должны, как советует Плеханов, с невинным и ясным взором умирать во славу русских помещиков и капиталистов.

Наши интересы требуют бороться против войны и стремиться к братскому миру между народами.

К той мысли приходят немецкие товарищи рабочие, во главе с Либкнехтом, протестующие против войны и требующие заключения мира без захвата земель и контрибуций. В последнем голосовании рейхстага истинный рабочий представитель отказал правительству в деньгах на ведение войны и в тот же день состоялась многолюдная демонстрация рабочих, требующих скорейшего мира.

Наш долг, товарищи, поддерживать немецких товарищей рабочих в их борьбе с правительством и буржуазией за мир и совместными силами рабочих всей Европы уничтожить эту кровавую бойню.

Мы, российские пролетарии, идя в ногу с нашими западными товарищами, в союзе с трудовым крестьянством вырвем из кровавых рук нашего правительства власть, которой оно пользуется сейчас для того, чтобы в интересах своих и карманов наших капиталистов нас посылать на убийство братьев-рабочих, и тогда лишь завоем себе мир, Демократическую Республику и 8-часовой рабочий день.

Редакция.

Московская социал-демократическая группа рабочих.

ЛИСТОВКА, ВЫПУЩЕННАЯ К 4-ЛЕТИЮ ЛЕНСКОГО РАССТРЕЛА¹⁾.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Т о в а р и щ и !

Ровно 4 года тому назад, 4-го апреля 1912 года в тайге на Ленских золотых приисках совершилось ужасное злодеяние: ротмистр Терещенко в угоду капиталистам расстрелял мирно шедших рабочих, забастовавших из-за невыносимых условий жизни. Весь мир узнал быт рабочих Ленских приисков, болью в сердце каждого отозвались эти предательские выстрелы, и рабочие дружным протестом ответили на преступление царских прислужников, а правительство для сокрытия своего преступления, опасаясь справедливого народного гнева А что сделало правительство с виновниками расстрела? Оно их наградило, а рабочим ответило устами Макарова: «Так было, так будет впредь» — и действительно правительство сдержало свое обещание: оно до сих пор расстреливает, арестует, ссылает и много других скорпионов сыплются на рабочих от царского правительства и их палачей.

А мы, товарищи, помня павших, должны чтить их, как борцов за освобождение рабочего класса, мы должны в этот день, как один человек, прекратить работу, почтить память павших и вынести протест против злодеяний, совершаемых ежедневно царскими холопами и прислужниками. Настает последний час самодержавному преступнику, выпивающему моря крови на полях Польши и Литвы.

Долой грабителей...

Долой самодержавие!

Долой войну...

Да здравствует демократическая республика!

Вперед товарищи!

Организованная группа социал-демократов.

Москва, апрель 1916 г.

Т о ч н а я к о п и я .

ЗАСЕДАНИЕ СОЮЗА СОЮЗОВ 5 МАРТА 1917 ГОДА.

Союз открывается в 9½ час. вечера.

После выборов председателя собранием утверждается секретарем Союза Союзов товарищ Муратов с правом решающего голоса — член Московского Комитета Российской с.-д. рабочей партии.

Проверяются мандаты представителей. Утверждается протокол заседания 3-го марта.

¹⁾ Листовка, хранящаяся в архиве, содержит ряд пропусков, очевидно вследствие неразборчивости текста при печатании на машинке. Нас олько припоминаю и по догадке содержания в листовке, после слов «боясь справедливого народного гнева» должно быть приблизительно следующее: «назначило из царских чиновников следственную комиссию и даже комиссия царского правительства установила виновность Терещенко и компании» и после слов: «выпивающему моря крови» — «и убивающему миллионы трудящихся». Многозначия, добавленные к лозунгам, едва ли представляют собой какие либо пропуски, скорей это недоразумения, так как лозунги являются совершенно законченными. Подлинник же прокламаций отправлен в департамент полиции.

- Порядок дня: 1) Доклад Исполнительной Комиссии.
 2) Доклады с мест.
 3) Устройство Обще-Профессионального Собрания.
 4) Довыборы в Исполнительную Комиссию Союза Союзов и выборы в Исполнительную Комиссию Совета Рабочих Депутатов.

Из доклада исполнительных комиссий Союза Союзов выясняется, что помещение для Союза Союзов еще не найдено. Воззвание написано и будет сдано а печать. Предприняты шаги к установлению связи с Союзами, не вошедшими в Союз Союзов.

Из доклада с мест выясняется, что почти во всех районах ведется агитация за создание Профессиональных Союзов и выборов в Заводской Районный Комитет Совета Рабочих Депутатов.

Делает доклад представитель Союза Металлистов, из которого видно, что Союз возрождается; ведется агитация на заводах в этом направлении; помещения еще нет.

Представитель Союза Производства Обуви ставит в порядок заявления вопрос об отношении к санитарным попечительствам. По обсуждении Собрание рекомендует входить в санитарные попечительства для использования таковых, особенно в выборной кампании. Один из присутствующих товарищей напоминает, что Союз Союзов подчиняется всем постановлениям Совета Рабочих Депутатов и что Совет Рабочих Депутатов высказался в том же духе о санитарных попечительствах.

В порядок заявления вносится вопрос о необходимости ваять на себя заботу об освобожденных товарищах.

Постановлено вопрос этот снять с очереди, ибо это дело Совета Рабочих Депутатов.

В порядке вопросов дня сообщается, что в Союз портных поступила просьба рабочих фабрики «Поставщик» прислать им сведений лиц для организации Профессиональных Союзов типа тред-юнионов, т. е. Союзов не по роду промышленности, а Союзов целой фабрики, включающих в свои стены ряд отдельных производств.

Постановлено поручить Исполнительной Комиссии Союза Союзов разъяснить товарищам фабрики «Поставщик» — ложность их позиции.

Вносится вопрос о ликвидации забастовки. Записываются 17 ораторов, из речей которых выясняется, что на местах существует только одно отношение к вопросу о ликвидации забастовки — продолжать таковую до тех пор, пока временное правительство не проведет своих обещаний в жизнь. За прекращение из 17 говоривших товарищей высказываются только двое, при чем они явились не от профессиональных организаций, а с мандатами от Московского Комитета соц.-рев.

Речи с.-р. не встретили ни малейшего сочувствия. Аргументация их сводилась к ссылке на недовольство обывателей забастовкой.

Вносится предложение прекратить прения. Принято против одного голоса. Секретарь оглашает вынесенную резолюцию представителям Московского Комитета с.-д. партии. Резолюция принимается большинством против двух товарищей с.-р.

По пункту 3 постановлено устроить Обще-Профессиональные собрания, пригласив опытных докладчиков из товарищей с.-д.

Последним пунктом были произведены выборы в Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов. Были предложены товарищи — Подбельский, Цвсков, Игнатов, Сапронов, Лашевич. Все приняты большинством 21 голоса при 3 воздержавшихся. Произведенными довыборами в Исполнительную Комиссию Союза Союзов единогласно избраны: Ладыйин и Горбачев.

Заседание закончилось в 3 1/2 часа ночи. Очередное заседание назначено на понедельник в 9 час. вечера в Обществе поваров.

Председатель *Денисов*.
 Секретарь (подпись)
 Принят единогласно.

СПИСОК ПРОВОКАТОРОВ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ.

Реке кампф («Штурман»), Сергей Александрович, деятель кооперации, работал в социал-демократической партии, имел связи с профсоюзами, Обществом народных развлечений и другими культурно-просветительными обществами. Был видным сотрудником охранного отделения целый ряд лет. Приговором междунартийного суда от 5 июня 1917 года приговорен к содержанию под стражей до созыва Учредительного Собрания с лишением политических прав. По приговору Верховного революционного трибунала от 29 июля 1918 года расстрелян.

Поскребухин («Евгений»), Алексей Алексеевич, член правления Общества торгово-промышленных служащих. По приговору Верховного революционного трибунала от 29 июля 1918 года расстрелян.

Голубин («Кузьма»), Дмитрий Васильевич, социал-демократ, большевик. В 1913 году был арестован. Председатель и секретарь деревообделочников. Работал в охранке с 1914 года и доносил о деятельности профсоюзов.

Соколов («Кондуктор»), Сергей Иванович, слесарь Общества 1886 года, долгое время был членом правления Союза металлистов и в 1914 году его секретарем. В партийной среде пользовался большой популярностью, освещал деятельность ЦБ, МК и других партийных организаций. По приговору Верховного революционного трибунала от 29 июля 1918 года расстрелян.

Комаров («Рязанский»), Иван Степанович, с.-д., деревообделочник. Работал в «Обществе народных развлечений», был членом нелегального ЦБ профсоюзов в 1914 году. После февральской революции был членом Совета рабочих депутатов от Бутырского района, член фракции большевиков Совета рабочих депутатов от завода «Дукс». Принимал участие в экскурсиях, в сборах в пользу политических ссыльных. На службу в охранное отделение поступил после возвращения в 1915 году из административной ссылки (согласно прошению, посланному им начальнику охранного отделения). Был арестован. Приговором междунартийного суда от 27 мая 1917 года признан провокатором, подлежащим содержанию под стражей до созыва Учредительного Собрания с лишением политических прав. По приговору Верховного революционного трибунала от 2 июля 1918 года осужден на три года.

Боролин («Ярославский»), Николай Филиппович, социал-демократ, в конце 1914 года приехал в Москву с партийной явкой из Риги, был избран членом правления Общества деревообделочников. Работал в «Обществе народных развлечений», входил в ЦБ. В середине 1915 года вследствие подозрения негласно был отстранен от работы, но все-таки продолжал проникать в партийные организации и доносить охранке. Был арестован в Батуме.

Буксин («Воскресенский»), Валентин Михайлович, печатник типографии Мамонтова. Член правления общества работников печатного искусства и клуба разумных развлечений. С 1911 по 1916 г., состоя провокатором, доносил о профсоюзах, загородных экскурсиях. Был членом меньшевистской организации, доносил также об анархистах и эсерах. Первое подозрение на него пало перед войной.

Кривошеин, он же Чернов («Орехов») до сих пор еще не раскрыт, хотя в моей статье «Из записок маляра» в сборнике «Накануне великой революции» опубликован. В Москве появился в конце 1915 года, работал в группе металлистов, в ЦБ, Инициативной Группе Городского района, провалил МК перед первым мая 1916 года, тут же был разоблачен и после этого сбежал в Баку.

Николаев («Андреев»), Адриан Николаевич, член правления печатников, член ЦБ Московского городского района, имел связь с организационной комиссией МК, доставал шрифт, в частности для печатания листовки «Правда» и обо всем этом доносил в охранку. Несколько раз подозревался, но достаточные улики для его обвинения были только в конце 1916 года, и он был отстранен от работы. Приговором Верховного Революционного Трибунала от 28 июня и 29 июля 1918 г. осужден на три года.

Попок («Птицын»), Фаддей Николаевич, служил в Симоновской больничной кассе, был членом МК в 1915—1916 году. Заподозрен был в 1916 году, окончательно разоблачен после Февральской революции. Был арестован в Петрограде.

Романов («Пелагея»), Андрей Сергеевич, персплетчик, ученик школы Максима Горького на Капри (1909 год), перед революцией был владельцем персплетной мастерской в Грузинах, продолжал сохранять связь с партией, главным образом с верхушкой, пользовался доверием. С марта 1910 года и по день революции являлся сотрудником охранного отделения. Расстрелян по приговору Верховного Революционного Трибунала от 19 июля 1918 года.

Барышников («Фотограф»), Николай Андреевич, служил в типографии Статанова и у Мюра и Мерилиза. Социал-демократ, секретарь профессионального общества работников печатного искусства, член редакционной коллегии «Голоса Печатного Труда», издававшегося в Москве в конце 1916 и в начале 1917 года. Был арестован. Приговором междупартийного суда от 9 июня 1917 г. был признан опасным для нового строя и подлежащим содержанию под стражей до созыва Учредительного Собрания с лишением политических прав. Осужден на 5 лет приговором Верховного Революционного Трибунала от 29 июля 1918 г.

Лебедев («Климченков»), Михаил Емельянович, служил рабочим в Московском Союзе Потребительских обществ. Сотрудничал в московской охране в августе и сентябре 1916 года. Получал от 40 до 60 рублей в месяц. Не разыскан.

Семенов («Леонидов»), Александр Петрович, бывший сотрудник петроградского охранного отделения, где был провален. Рабочий, давал сведения об организации с.-р., социал-демократов и анархистах. Был арестован в Петрограде.